

МИР

XV 309
30

№1-1927

ПРИКЛЮЧЕНИИ

ИЗД-ВО
« П.П. СОЙКИН »
ЛЕНИНГРАД. СТРЕМЯННАЯ 8

Содержание

СТР.

«ЖЕНЩИНА—В ОПАСНОСТИ», 10 рассказов женщин-писателей с иллюстрациями 6 женщин-художников:	
«ВАСЬКА-РАЗБОЙНИК» и «ТЕТКА ЛУКЕРЬЯ»,—расск. <i>И. Гриневской</i> , иллюстрации проф. <i>Е. Кругликовой</i>	1
«ДУНЬКА»,—рассказ <i>И. Гриневской</i> , ил. <i>Н. Норовлевой</i>	3
«МЫШЬ»,—рассказ <i>Ев. Руссат</i> , ил. проф. <i>Е. Кругликовой</i>	5
«ЧУТЬ БЫЛО»,—рассказ <i>Ев. Руссат</i> , иллюстрации <i>М. Конисской</i> и <i>Л. Черношвицовой</i>	6
«МУРКА-РЫЖАЯ»,—рассказ <i>Ев. Руссат</i> , ил. <i>З. Владимировой</i>	8
«ЭСКИМОСКИ»,—рассказ <i>Розиты Форбе</i>	9
«МАТЬ»,—рассказ <i>Розиты Форбе</i>	10
«ВИСЯЧИЙ МОСТ»,—рассказ <i>Розиты Форбе</i> , с иллюстр.	11
«ВОЛК»,—рассказ <i>Розиты Форбе</i>	12
«НЕВЕСТА ШЕРИФА»,—рассказ <i>Розиты Форбе</i> , с иллюстр.	13
«КЛАД НА ГАВАНЬСКОМ ПОЛЕ»,—рассказ <i>А. Розина</i> и <i>Ф. Йолшина</i> , иллюстрации <i>С. Мочалова</i>	14
«ЗАЛЕТНЫЙ ГОСТЬ»,—рассказ <i>А. В. Бобрищева-Пушкина</i> , иллюстр. <i>В. Изенберга</i>	24
«СИЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ»,—рассказ <i>Отто Рунга</i> , с датского пер. <i>А. Ганзен</i> , ил. <i>М. Мизернюка</i>	35
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЗВЕРИНЕЦ»,—новелла <i>Арнольда Уллиц</i> , иллюстр. <i>Р. Шлихтера</i>	42
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!»—задачи №№ 1 и 2	48
ЗА РАБОТОЙ: «БЕЛАЯ ЖЕНЩИНА»,—быль из жизни углекопов, <i>П. Орловца</i> , ил. <i>И. Владимирова</i>	49
«НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ»,—рассказ из кинематографических нравов <i>Ж. Маллох</i> , ил. <i>Т. Педди</i>	57
НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ: «ЛЮДИ БЕЗ СТРАХА»,—очерк <i>И. Веселова</i> , с иллюстрациями	65
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!»—задачи №№ 3, 4 и 5	69
«ЧУМОВОЙ»,—рассказ <i>В. Бакланова</i> , с иллюстр.	70
РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ	72 и 78
ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.—Откровения науки и чуда техники:	
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОДВОДНОГО ДОМИКА»,—очерк <i>А. Петренко</i> , с иллюстрациями	73
«ПЕРЕДАЧА ИЗОБРАЖЕНИЙ И ВИДЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ»—очерк <i>В. Никольского</i> , с иллюстр.	76

Обложка худ. *В. Дементьевой*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ см. на стр. 79.

„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“

ЗА ПРЕЖНИЕ ГОДЫ РАСПРОДАН.

ИМЕЮТСЯ СБОРНИКИ: за 1924 г. №№ 1, 2 и 3; за 1925 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6; за 1926 г. №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9.

Цена каждого № 50 коп. с пересылкой.

Можно высылать почтовыми и гербовыми марками.

Заголовок—проф. Академии Художеств Е. С. КРУГЛИКОВОЙ.

10 рассказов женщин-писателей с иллюстрациями 6 женщин-художников.

Как чувствует себя женщина в минуту опасности? Как она действует в неожиданных и чрезвычайных обстоятельствах? Верно ли, — такое мнение существует, — что женщина теряется, сразу обессиливает, опускает руки и, с отчаянием в душе, пассивно ждет гибели?

Две русские писательницы и одна иностранная отвечают на эти вопросы, а 6 женщин-художниц подчеркивают рисунками, что современная женщина своим отношением к опасности не уступает мужчине.

Может быть даже подбегу женщины сильнее, и ее нервы в момент величайшего напряжения, действительно, напрягаются, как стальные струны.

Героини печатаемых ниже 10 рассказов — не легендарные Юдифи, а обыкновенные, средние женщины, и жизнь их была самая обыкновенная, но сколько самообладания, находчивости, мужества, бесстрашия, истинного героизма, сливающегося порою со свойственной женщине нежностью и заботливостью, проявляют они, когда судьба вызывает их на решительный бой!

Рассказы ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ

«ВАСЬКА - РАЗБОЙНИК» и ТЕТКА ЛУКЕРЬЯ

В выездной сессии губернского суда Т. губернии, между другими делами, разбиралось дело трех парней 16—17 лет, из которых одного судили за убийство одинокого старика, занимавшегося плетением корзин, а других — за пособничество.

Из свидетельских показаний на следствии выяснилось, что подсудимого еще с детства называли «Васькой-Разбойником». На вопрос следователя, почему это? — отвечали единогласно, что от него и «евоных товарищей» проходу не было ни кошке, ни собаке, да и ребятам больно попадалось, особенно девочкам».

Только одна женщина, лет 50, известная в деревне под названием тетка Лукерья, на вопрос, почему его обзывали разбойником, ответила:

— У нас горазды клички надавать.

Иной раз так назовут, что и сказать не гоже, а так, зря...

— Что ж, он был хороший мальчик?

— Мальчик, известно, ребенок, шалит, не без этого, а потому что без отца рос, так с него больше взыскивали, и ему тоже не мало доставалось...

— От кого?

— От родителей, что своих ребят жалели, да и от самих ребят. Раз он от побоев целый месяц с печи не мог сойти...

— А matka не могла его защитить?

— Что могла matka?... Вдова, сами, чать, видите... Рыхлая она.

Действительно, мать и вопросов следователя даже не понимала, а все плакала и сморкалась в подол.

— Единожды я сама видала, — говорила Лукерья, — как все деревенские мальчишки, это было, кажись, лет восемь назад, на него напали, а matka в сторонке стояла и не смела подой-

Рис. проф. Е. КРУГЛИКОВОЙ.

тять. Кабы не я, то ему бы живым не выйти. Я их тут разняла и мужиков кликнула.

Убийца держался перед судом, как закаленный в боях герой, которому уже ничто не страшно.

Судья:—Подсудимый, скажите, как вы совершили убийство?

— Холодно было, морозно... ветер. Я постучался к нему и говорю: «Из Совета к тебе повестка». Он открыл и ворчит: «Невесть кого с повестками посылают! Разбойников с повесткам посылают».

— А я на то: разбойник и есть. Дай деньги, старый чорт!

— Я тебе, щенок, покажу деньги...

А я его хлоп камнем по башке. Стащил с него сапоги. Говорили, что в голенищах у него

деньги защиты. Ничего не нашли.

— А где были пособники... товарищи?

— А их я сторожить, за избой, оставил.

— А зачем вам нужны были деньги?

— А мы решили в Ленинград поехать.

— Зачем это?

— Парни ездили и рассказывали, что только там можно человеком стать.

— Каким таким человеком?—спрашивает защитник.

Васька молчит долго, а потом говорит неопределенно:

— Сказывают...

— А в деревне худо разве жилось?—задает защитник вопрос.

— Жилось, да Ленинград невпример, сказывают...

— Вот вы признались следователю, что прежде зашли к гражданке Лукерье Сидоровой, что вы хотели ее убить?

— Заходил. Мы так решили ее спервоначалу, потому мы знали, она своих гусей продала, да еще шерсть. Я и к ней постучался, сказал: «С повесткой от Совета». Она открыла... Я вошел... А она: — «Где же, сынок, письмо-то?»—Я хотел было камнем то по башке... да заместо того спрашиваю:—А у тебя, тетка, есть деньги?..—«Есть,—говорит,—сынок».—Я говорю:—А где они? Дай-ка... А она: «Тебе взаймы, что ли, сынок? Дам,—говорит,—тебе, сколько надоть, сынок». Надоело это мне: — «сынок да сынок», и я ушел...

Судья:—Что надоело-то?

— Выхожу и говорю товарищам: пойдем к старикну... И пошли,—сказал Васяка, оставив вопрос судьи без ответа.

Судья:—Введите свидетельницу Сидорову.

— Свидетельница, заходил к вам в тот вечер подсудимый?

— Это кто же будет такой?

— Да вот Василий Корявкин.

— Заходил.

— А зачем заходил—вы догадались? Он признался, что заходил, чтобы и вас убить.

— А-то как же?... Как я открыла дверь и посмотрела на него, сейчас же и почувяла: моей жизни конец... Да подумала:—пусть будет, что будет. Вижу ему не покажу, что догадываюсь, а стану с ним говорить, как со всеми, как и прежде говаривала с ним. Так!.. И с зверем лучше лаской... И я хоть бы что, говорю с ним ласковым голосом и ласковым словом. Когда он про деньги спросил, я не говорила: нет, а взаймы ему сулила, а сама думаю: впрямь люди из него разбойника сделали... Сама дрожу, но не показываю, а за деньгам иду... говорю—не помню что, кажись сказала: дам тебе, сынок!—Вижу, он рукой махнул, покраснел эдак и вышел. Когда он вышел—я не помню, что было, как будто я без памяти упала, либо что... Так до утра пролежала. С тех пор его не видала; вот только здесь его встречаю, горького паренька.

ДУНЬКА

Был июньский жаркий и душный вечер. Жители деревни Хавляки Новгородской губернии с опасением поглядывали на небо. Хотя оно было чисто и только кое-где виднелись белые облачка, но деревенский люд чуял какие-то признаки еще очень далекой, но надвигающейся грозы. Между обитателями деревеньки, состоявшей всего из 10 дворов, как по беспроволочному телеграфу, возникло соглашение отпраздновать завтра же чуть-свет на «пустоша», чтобы сграбить сено в кучи до грозы. Пустоши отстояли от деревеньки за 3 версты слишком и отпраздновать решили всей деревней до детей включительно.

Пелагея увидела Дуню, направлявшуюся с ведрами домой.

— Дунышка, постой маленько, ты, чай, не пойдешь завтра на пустоша?—окликнула ее Пелагея.

— Куда мне! Бабка, вишь, кото-

рый день с нечи не сходит, говорит—«умирать собираюсь». Так я уж осталась. Неровен час... А то пошла бы.

— Так ты мого Ваньку посторожи... Взляла бы его с собой, да некогда будет возжаться с ним. Как Федосин мальченка, под кустом лежамши, рот землей набил и задохся—не хочу Ванюшку с собой брать. Пушай в люльке останется. Ужо, как приду,—так покормлю. Пригляди, родимая.

— Ладно, пригляжу, забегу,—сказала Дуныша и пошла с полными ведрами в свою избу, находившуюся через три двора от Пелагеиной избенки.

Все в деревеньке рано затихло. Зато чуть-свет все поднялись на ноги и даже те, кто их едва тащил, и отправились сгребать сено. Даже дети 6—7 лет, на ком не было обязанности нянчить сестренку или братца, ушли с большим — подсоблять.

Рис. Н. НОРОВЛЕВОЙ.

Отец Дуниши ушел с другими, и в избе остались Дуниша, бабка, собиравшаяся умирать, и девочка — сиротка лет 8, которую Дуниша не хотела отпускать на случай, если бы действительно бабка вздумала уже отправляться на тот свет: — чтобы было кому сбежать за «фершалом» или священником, жившими в соседнем селе, недалеко.

Дуниша была невидная девушка, тихая, не говорливая, соседственная. Оставшись дома, она взялась за шитье платья, о котором мечтала давно и в которое думала нарядиться в ближайший праздник. Однако, она не забыла обещания и уже несколько раз заходила к Ванюшке — раза два напоила его, а в третий раз, найдя его громко кричащим под осадой роя мух, даже укачала его, согнав насекомых, и, когда он заснул, она ушла спокойно сторожить бабуку.

Через два часа, когда бабка как-то особенно застонала, Дуня, не желая оставить ее перед ее дальней дорогой, сказала девочке:

— Машка, подикось к Пелагее и погляди, что Ванька делает, не выпал бы из люльки.

Девочка ушла и через минуту вернулась назад, запыхавшись:

— А у Пелаген в избе дым столбом стоит и войти нельзя. Должно

уголья разгорелись, либо что...

Дунька побежала к Пелагеиной избе. Из нее уже стало выбиваться пламя. А дым заполнил даже сени. Что делать? Кругом ни души, только где-то далеко, в картофельных огородах, слышны крики оставшихся детей.

Дунька, не долго думая, бросилась в избу и таки выудила из люльки едва не задохшегося Ванюшку.

Дунька знала, какие могут быть

последствия, когда загорится одна изба. Как оповестить жителей, которые находятся за три версты? На одной из изб сиздавня висел колокол. Она побежала к нему, чтобы звоном созвать народ. Но кто-то украл язык колокола. Никто этого не заметил, ибо в Хавняках давно никаких событий не было.

— Машка, скорей садись на Ваську — так звали их лошадку, — и лети на пустоша.

Пока она наказывала Машке, что и как, и приводила в чувство Ванюшку, отвечала на вопросы больной бабки, — с Пелагеиной избы, вокруг которой собралась оставшаяся в деревне мелюзга и дряхлые старики и старухи, искры по ветру стали летать на Дунькину крышу, пока что минуя соседей. Следившие за пламенем старики послали одну девочку оповестить об этом Дунишу, которая и сама почуяла зловещий запах.

Дуниша смело схватила ведро, поставила лестницу и вылила ведро с водой на загоревшуюся крышу. Забежала в избу, вынесла Ванюшку, собиравшуюся умирать бабуку положила поодаль и вновь принялась за тушение крыши, сдирая кочергой начинавшие тлеть места.

В таком виде ее застали прискакавшие с пустошей на телеге крес-

стьяне, которые и отстояли деревню от дальнейшего похода красного пехоту.

Никому в голову не приходило воздать Дуне благодарность за спасение родной деревеньки и двух душ, из

которых одна вступала в жизнь, а другая собиралась выходить из нее.

Все приняли ее деяния, как дела, которые сами собою разумеются. Однако, с тех пор Дунышу стали называть Дунька-Пожарный... Только и всего.

Рассказы ЕВГЕНИИ РУССАТ

МЫШЬ

С рис. проф. Е. Кругликовой.

Жили оба в зверинце: огромный слон Мафусаил и крошечная женщина с крошечным именем Ия.

Мафусаил показывался публике и собирал вокруг себя толпу, Ия ухаживала за Мафусаилом: чистила его клетку, кормила, прихорашивала и пряталась от людей.

Мафусаила купили где-то за границей и привезли на пароходе. Ию просто наняли через биржу труда и застраховали.

То, что Мафусаила замечали все, кто появлялся в зверинце, это неудивительно, и то, что Ию не замечал никто, тоже неудивительно.

Свои люди, сторожа и заведующий зверинцем, иногда посмеивались: — У Ии есть кое-что общее с Мафусаилом: оба боятся мышей. Это была правда. Маленькие грызуны, забравшись в клетку, преобладающе прокусывают слоновую кожу, и слон, испытывавший это хоть раз, пугливо пятится и дрожит при виде крохотного серого комочка, мелькающего у него под ногами. А маленькая женщина Ия, бесстрашно входившая в клетку к бедному медведю и снисходительно говорившая о бенгальских тиграх: «Ничего, они смирные», — оглушительно визжала и, подбирая юбку, залезала на столы и табуреты, если по комнате шмыгал, поводя усами, мышенок.

И когда мышенок попадал в мышеловку, то Ия бежала к соседям и просила: — Миленькие, выньте вы его и утопите, — а мне легче волку пасть открыт, чем к нему притронуться...

Как и с чего это началось, никто не мог сказать, но Мафусаил стал вдруг мрачным и злым. Папала ли на

его слоновью душу тоска по родине, заболел ли он, но кроткий и добродушный великан грозно размахивал хоботом, дико кричал и малюсенькие глазки его наливались бешенством.

Однажды, в воскресенье, когда зверинец был полон народа, раздался пронзительный визг. Кто-то из озорства распахнул дверцу Мафусаиловой клетки и слон, выйдя на свободу, с ревом бросился на публику, размахивая хоботом. Испуская злые, короткие крики, он крушил вокруг себя деревья, садовые скамейки и яростно наступал на толпу, притискивая ее в угол, к железной ограде. Растерявшиеся сторожа пробовали пустить в ход палки и колья, — слон ловко вырывал их из рук и становился все яростнее, ища жертву, на которую мог бы излить свое бешенство. Толпа, загнанная в тупик и прижатая к ограде, отчаянно металась, призывая на помощь...

А в это время Ия, забравшись в своей комнатке на высокий табурет, в страхе смотрела на мышеловку, в которую только что влез озорливый мышенок.

— Мафу-

Ия соскочила с табурета, задыхаясь от страха...

Но через минуту перед огромным ревушим слоном стояла крошечная женщина и, держа в руке крошечного, пищущего мышенка, протягивала его к хоботу Мафусанла.

И серое чудовище в страхе, прядая ушами, стало отступать, не сводя испуганных глаз с маленького врага. И, от-

сая, шло к своей клетке, инстинктивно пища спасения за железными прутьями. Ия храбро двигалась на него... Но неизвестно было, кто боится больше: Ия, слон или мышенок?..

ступая, шло к своей клетке, инстинктивно пища спасения за железными прутьями. Ия храбро двигалась на него... Но неизвестно было, кто боится больше: Ия, слон или мышенок?..

ЧУТЬ БЫЛО...

Сине-красные лампочки вспыхивали и выжигали знакомое имя: Алла Алма-

зова. Ну да, кто же не знает? Известная певица уличных песенок. Звезда эстрады. Знаменитость. Это — теперь. А три года назад: — маленькая, безвестная хористка маленькой передвижной труппы, катавшейся по маленьким провинциальным городишкам и чуть было не докатившейся до большой катастрофы.

Да, и оттого, что этого «чуть было» не случилось, Алла Алмазова стала той, имя которой выжигается электрическими лампами в черном ночном воздухе...

Началось так: спектакль в Белодубске, на сцене клуба. Зрительный зал, и в зале народу столько, сколько вошло, а вошло втрое больше, чем должно было войти... До отказа.

Занавес поднят. Идет все она же, затасканная, заигранная, затрепанная, но приводящая в слезливое умиление старушка «Сильва». На сцене хор и среди хористок — Алла. Улыбается, раскачивается, разводит в такт руками... Душно и гомнительно... Так вот весь век.

Тихенькая, маленькая хористочка, робкая, наивная, ничем не примечательная, затертая где-то там, у кулис. Есть она —

Рис. М. КОНИССКОЙ.

хорошо, нет — заменят другой. Их так много! И больше так-таки ничего не будет в жизни, пробегающей как серое облачко по заплаканному небу?

И вдруг... Сперва чуть-чуть, едва-едва заметно потянуло дымком... Легкий, струящийся запах пробежал по сцене, метнулся было в зал и рассеялся...

Сильва пела, но подведенные глаза насторожились...

— «Красотки, красотки, красотки кабарэ»...

Алла у левой кулисы. Подпевает, раскачивается и ловит непривычные шаги и голоса за сценой.

Быстрым, быстрым шопотом кто-то кинул: — Где? Курили? О, черт!

Другой шопот уже нетерпелив и нервен: — Лес горит, понимаете? — Алла понимает. Сваленные в кучу декорации леса, небрунные после вчерашнего спектакля... Холст, масляные краски, оброненный кем-то окурок или спичка... Огонь поползет по деревянным переборкам... вверх... Еще минут 5—10 и на сцене костер...

Сильва едва слышно кашлянула. Дым пробирается в горло. Уже щиплет глаза... И там, в зале, пробежал едва уловимый, тревожный шопот. Лица еще внимательны и прикованы к сцене глаза, но, чувствуется — секунда — и порвется незримая ниточка... и толпа, вспугнутая, смятенная, освобожденная от узды, вскинется, залетит потоком зал, сцену, затрешат узкие створки единственного входа, пронзительным криком, как гудком морской сирены, прорежет воздух. А потом — гряда искалеченных, растоптанных тел и дымящихся развалин.

Финал «Сильвы». Пение на сцене вдруг оборвалось, и голос за кулисами напрасно умолял — Пойте! Пойте! Пойте! Не допускайте паники! Пойте! Спокойно! Спокойно...

Алла видела: Нет, нет, петь не будут... Сейчас, вот сейчас, со сцены раздастся крик, перекинется в зал и... Что с ней сделалось, она сама и тогда, и потом не понимала. Алла свистнула... Лихо, по-мальчишески, и с дерзкой ухваткой выскочила вперед. Голос, чистый и сильный, с веселой

Рис. Л. ЧЕРНОСВИТОВОЙ.

удалю кинул первые слова уличной песенки:

— Чернь бездомная гуляет, ой-ли, ой-ли...

Песенку сочинила сама, давно, давно. Эту и еще несколько, и пела их тихонечко, про себя, давно, давно. Никто не знал, не слышал. Никогда. Ведь маленькая же хористочка там где-то, у кулисы, ничем не примечательная...

Но теперь пусть послушают... Это из «Сильвы»? Нет? Но это интересно, это волнует. Почему вдруг в «Сильве» эти песенки? Откуда? И откуда взялась фигурка с мальчишескими ухватками, забавная, задорная, огневая?... Что? Как будто пахнет гарью? Вздор какой! Дайте послушать песенку. Тише! Не мешайте! Bravo! Bravo! — Зал снова прикован незримой ниточкой к сцене. Ниточка натягивается крепче, крепче... Не шелохнутся ряды... Там, за кулисами, шум воды и стук разбиваемых бревен... Это не важно.

— Чернь бездомная гуляет, ой-ли, ой-ли...

Слушают до конца. Applaudуют. Песенка со сцены перекинулась в зал

и в зале сама Алла. Зовет за собой из театра, на улицу... Манит улыбкой и словами... Это необычайно. Что за оригинальный вставной номер в «Сильве»?!

Зал пустеет... Ведь это же интересно. Надо же посмотреть, что будет делать

на улице эта певунья... Ряд за рядом, ряд за рядом... потянулись к выходу... ушли... Одеваться не надо... Теплая ночь весны...

И—время! Сизочерные клубы уже коршунами вьются над крышей.

МУРКА-РЫЖАЯ

С рисунками З. ВЛАДИМИРОВОЙ.

Когда утих грохот снарядов и треск рушащихся домов, то оказалось: подвал засыпан землей. Выбраться наверх, на волю, невозможно. А в подвале человек не то десять, не то пятнадцать. В потемках и в сутолоке где же сосчитать. Да еще ребята. Да рыжая Мурка. Кошка свернулась клубком на руках у рыжей девушки, тоже Мурки. Обе чуть дышат, забившись в угол, за пустую кадку.

Вчера вечером, неожиданно-негаданно, налетел на городишко белый отряд. От снарядов посыпались на землю домишки, как карточные, и попрятались, и разбежались жители, кто куда. Теперь и не сыщешь. О том, чтобы кого-то искать, никто пока не думает.

В подвале темно. Пахнет сыростью и мышами. Щемит глухая боль и все растет, все растет тревога, как же дальше? Так вот и пропадать похороненными заживо? Пройдет день, и два, и ничто не изменится?

Тихо и жалобно заплакал ребенок и детский голос протянул: — Когда будем обедать? — Взрослые испуганно зашикали: — Тсс... тсс... Тише, тише! Какой там обед!

Но маленький человечек не унимался: — Обед, суп и кашка. Когда?...

Тут в первый раз стало страшно до отчаяния. На самом деле, когда? Прошли сутки и в течение их люди или не ели вовсе, или втихомолку грызли сухари, случайно очутившиеся

у кого-то. Но ведь пройдут еще сутки, и еще... Те, там наверху, разбитые, искалеченные, ополоумевшие от горя и страха, не схватятся искать пропавших, да и кто же догадается, где их искать? Может быть, не одни они засыпаны и похоронены заживо под землей. Может быть, там, наверху, и не осталось никого, кто бы мог спасти...

Черная могила зашевелилась, загудела, точно потревоженный улей... И затихла. Надо ждать. Ждали сутки... и еще сколько-то... Рыли руками землю, кричали, звали, и обессиленные садились, почти падали, и слушали уже замирающий, надрывный детский плач... Маленький человечек уходил первым куда-то, в такую же черную тьму...

— Придумать... Надо что-то придумать! — Голос из-за угла за кадкой прозвучал строго, и в ответ опять зашикали с злобной тоской: — Придумать. Чего же придумать? — Придумщица нашлась... Мурка-рыжая. Молчала бы!...

Но за кадкой что-то задвигалось, зашуршало, и к узенькой щелочке, едва-едва пропускавшей сверху тоненький луч света, приникла Мурка-рыжая... Быстро мелькнули руки... Сняли красный платок с головы. И голос, ставший вдруг совсем ласковым, позвал: — Мурка, Мурочка... — Кошка едва слышно откликнулась голодным: мяу... Быстрые руки повозились, сделали что-то с кошачьей головой и поднесли к щелке худенькое, кошачье тельце.

— Вылезай, Мурка. — Животное, почуввав струю воздуха, заволновалось. Острые когти царапнули землю, черные комья мягко шлепнулись вниз, и кошка, изогнувшись, вдавив тощие бока, рыжей-

змежкой скользнула в щель. Голос Мурки сказал ей вслед вразумительно, как человеку:—Смотри, не оброни... Сказала и ушла за кадку ждать.

А потом, кто ж знает, когда это было. Может, прошел час, может—три,—наверху глухо зазвучали шаги, лязгнули лопаты, и вот уже все шире щель, все светлей черная могила—подвал, и все ближе голоса, взволнованные и трепещущие:—Здесь ли? Все ли? Живы ли?

Вышли на свет—точно родились вновь. А люди, пришедшие «с воли» спасать погребенных, рассказывали:—Видим, бежит по улице рыжая кошка и, можете вы себе представить, в красном платке! Аккуратно так платок на голову повязан и туго-туго... Ну, поймали, развязали, смотрим,—а в платке-то, в узелке, записка: «В подвале, за аптекарским домом, живые люди зарыты. Отрывайте».

Люди рассказывали. Рыжая кошка Мурка облизывалась, — накормили на воле-то, грех жаловаться.

Рыжая Мурка—комсомолица,—хмурила золотые брови в ответ на сыпавшиеся вокруг «спасибо».

— Чего там—«спасибо»? Когда голова есть, так и без спасибо. Мозгам надо шевелить.

Рассказы РОЗИТЫ ФОРБС

ЭКИМОСКИ

Мужчины всегда считают храбрее женщин, вероятно, оттого, что они чаще имеют случай проявлять храбрость. Но храбрость, с которой женщина борется со всеми невзгодами жизни, с болезнями детей, с недохватками в бюджете и другими мелочами, вырастающими в огромную, гнетущую тяжесть, право, не меньше мужской. Кроме того, женщина в душе немножко искатель приключений...

Но храбрость их больше всего проявляется, когда они затронуты, как матери или жены. На этот алтарь ежедневно приносятся тысячи жертв. Они ярче всего там, где тяжелее жизнь.

В полярных странах задача существования сужена до пропитания и крова.

Однажды в «иглу», хижине, построенной из обледевшего снега,

жена, лежа рядом с мужем под шкурами, проснулась оттого, что что-то падало ей на лицо. Для оттепели было слишком рано, и ее поразила падающий на нее снег. Мгновенно спустя, крыша над головой ее мужа была пробита, и в отверстие просунулась морда белого медведя.

Гарпуны (копья), по обыкновению, стояли снаружи хижины. Люди были безоружны, а зверь обезумел от голода. Пока эскимос еще был в нерешительности, жена его схватила палку, окунула ее в тюлений жир, в котором горел светильник, и стала размахивать факелом перед мордой зверя. Таким способом она удержала медведя, пока муж не выскочил за дверь и не схватил гарпунов.

Другая эскимоска, муж которой погиб от медведя, жила с двенадцатилетним сыном на берегу замерзшей реки. Они питались кое-какой рыбой, которую им удавалось поймать, но этой зимой лед был очень крепок и

приходилось рассчитывать только на лук и стрелы мальчика. Однажды, бродя с собаками по берегу реки, они наткнулись на полярного медведя, который был так же голоден, как и они. Собаки загнали чудовище, мальчик выпустил стрелу, но руки его были еще слабы, чтобы убить медведя. Он снова и снова натягивал лук. Зверь стал утомляться, но все еще держал собак на расстоянии.

— Еще одну стрелу!—ободрила мать.

М А Т Ь

Самый храбрый поступок, который я знаю, далеко не театрален. В австралийской глуши жила совсем незаметная ни по уму, ни по наружности женщина. Они с мужем так много работали, что не имели времени хорошенько поесть, поспать и даже помыться. Вся их жизнь, все их взгляды на жизнь суммировались одним словом — «овцы». Им никогда ни на что не хватало времени, потому что они вечно были заняты то стрижкой овец, то появлением ягнят, то клейменем.

Однажды их шестилетний ребенок заболевает дифтеритом. Ближайший врач жил в расстоянии трехсот одиннадцати миль. Как это бывает обыкновенно, родители колебались.

Наконец, когда было уже почти бесцельно доставать доктора, отец отправился за ним на автомобиле. Но раньше, чем через тридцать шесть часов, он не мог вернуться. Ребенку становилось все хуже. Он с трудом дышал. Мать возилась с ним, жалкая и растерянная. Я заговорила о вскрытии ребенку трахеи (дыхательного горла).

— Если доктор приедет во-время,—добавила я.

— Вы знаете, в каком месте это делается?—спросила меня мать вдруг окрепшим голосом.

— У меня нет больше стрел,—ответил мальчик. Голос его дрожал. Пока медведь был занят собаками, эскимоска бросилась на него, вытащила у него из бока стрелу и вернулась к сыну с оружием.

Знаменитый полярный исследователь Флахерти, рассказавший мне эту историю, уверяет, что отчаянная храбрость матери придала сил последнему выстрелу сына, и медведь кормил их целый месяц.

— Нет,—поспешила я ответить.

Она нащупала пальцем горло задыхавшегося ребенка.

— Я должна попробовать, — сказала она, — больше ничего не осталось.

Она тщательно стерилизовала перочинный нож и головную шпильку.

— Держите его,—сказала она мне. Я исполнила ее желание, но закрыла глаза.

Не теряя присутствия духа, мать открыла выход для дыхания в горле ребенка, промыла его и шпилькой держала его открытым. Я была в ужасе, воображая, что ребенок непременно умрет и что я принимала участие в его убийстве.

Но дыхание ребенка становилось легче. Когда доктор приехал, он первым делом поздравил мать.

— Но вы, конечно, видели, как делается эта операция? Вы, должно быть, служили в больнице.

— Нет,—она отрицательно покачала головой.—Я только читала про эту операцию.

В присутствии доктора она так волновалась, выказывала такую неловкость, натывалась на столы, роняла всевозможные вещи, что я не верила, что эта женщина только что действовала так хладнокровно и уверенно.

ВИСЯЧИЙ МОСТ

Несколько лет назад я была с одной девушкой в Новой Гвинее.

Мы ехали на телеге до подошвы горы, где нас ожидали вьючные лошади. Позавтракать мы остановились на обширной плантации, и владелец ее сказал нашему вознице, чтобы он ехал с телегой кружным путем, переехал реку вброд и встретил нас на противоположном берегу.

— Вы избегнете двухчасовой трески, если перейдете реку по веревочному мосту. Вы, ведь, не боятесь аллигаторов? Вода кишит ими. Нужно следить за каждым своим шагом.

Мы посмелись и, подкрепившись, несколько помню, свиной и дичью, направились к реке. Так называемый мост представлял собой сетку в ярд шириной на высоте пятидесяти футов над водой. Над мостом была протянута веревка, за которую полагалось держаться руками, но время и погода отразились и на веревке, и на самом мостике. Приходилось вытягивать руки до последней возможности, чтобы достать до веревки, под ногами же зияли большие дыры сетки, в которые видна была маслянистая, серая вода. Если человек терял равновесие или ступал немного левее или правее, мост

начинал раскачиваться, как гамак, и пешеход рисковал повиснуть на руках над зеленовато-коричневыми существами, похожими на бревна, пока они не раскрывали пасти. Двое или трое работников с плантации ловко перебежали через мост впереди нас, чтобы показать, как это безопасно.

— Ну, а мне придется проститься с вами, — сказал наш хозяин, — у меня страшно слабая голова. Я не мог бы пройти по этому мосту и за миллион! Это, конечно, совсем безопасно, но я и с крыши-то не могу смотреть вниз. Это ужасно скверно, правда?

Мы выразили ему соболезнование и стали переходить «Мост Раскалания», — как они его там называли. Уставившись в деревья на противоположном берегу, я благополучно перешла мост, испытывая только чувство какого-то холода внутри. Но моя спутница, Унди́на, остановилась на полпути. Она была невысокого роста и с трудом доставала до веревки над головой.

— Я не могу идти дальше, — закричала она.

Двое работников бросились к ней, но их тяжесть опустила мост еще больше. Прошло несколько страшных минут, девушка боялась шевельнуться и едва удерживала в руках веревку.

— Положите руки на мои плечи. Закройте глаза, — приказал ей один из работников, стоявших впереди нее. Но девушка не слушалась.

— Все равно, ничего не выйдет, я боюсь шевельнуться, — хрипло ответила она. Ее трясло, как в лихорадке, нога ее скользнула и одно мгновение казалось, что все трое сейчас же полетят в воду.

Их ободрил голос с берега.

— Оставьте ее, уходите назад. Ложитесь, мисс, и закройте глаза.

Девушка опустилась на сетку. Лежать ей, конечно, было спокойнее.

— Отлично, — сказал голос, который я не узнавала. — Я иду к вам.

К нашему удивлению, хозяин плантации пошел, уверенно ступая по мосту. Мы поledenели от страха и едва дышали.

— Теперь конец, он ничего не сможет сделать, — вскрикнул один из работников рядом со мной.

Но плантатор, не колеблясь, склонился к девушке, выпустил на одно лишь мгновение веревку, поднял на руку девушку, — чудо равновесия! — подхватил опять веревку и, насупившись, двинулся к берегу. Он ни разу не покачнулся, пока руки стоявших на берегу не подхватили его.

— Это замечательно! — начала я, — вы спасли...

Но герой, спотыкаясь, подбежал к дереву, где с ним сделалась отчаяннейшая морская болезнь.

После того, как мы все успокоились, один из работников сказал плантатору:

— Что же, нам пора идти назад. Теперь уже вы пройдете по мосту хоть на голове.

Но плантатор весь позеленел.

— Ноги моей никогда в жизни не будет на этом мосту! — проворчал он. — Я обойду кругом. Вышлите лошадь к броду.

В О Л К

Несколько лет тому назад я бродила вместе с той же слабонервной Ундиной по Скалистым Горам. У нас не было настоящего снаряжения и мы скитались по тропинкам с одним выучным пони. Случилось так, что мы сбились с обычной дороги путешественников, но с нами была провизия, котелок и теплая одежда, и мы не испугались.

Одну ночь мы проспали в полуразрушенной хижине, привязав пони на берегу реки. Помню, дикобраз был в лесу и кололись сосновые сучья, которые служили нам постелью. Это была очень неприятная ночь. На рассвете наш пони стал ржать. Мы выглянули, чтобы узнать, в чем дело. Большой волк приближался к беспомощному пони, который не мог оборвать свою привязь. Было ясно, что

надо что-то предпринять. Но самым страшным оружием у нас был котелок. Кроме того, очень трудно быть храбрым, когда замерз и испытываешь голод. Мне только что пришла в голову мысль, что волк может не удовлетвориться нашим пони и обратить внимание и на нас.

Вдруг Унди́на бросилась вперед, размахивая моим пунцовым зонтиком. Волк остановился и посмотрел на нее. Моя спутница подскочила к нему и раскрыла зонтик перед самым его носом. Может быть, волка поразила неожиданность этого жеста, или ему не понравился цвет зонтика, но он удалился с некоторой поспешностью.

— Неужели вы не испугались? — спросила я.

— Не особенно. Я, главным образом, боюсь птиц и мостов, — ответила она.

НЕВЕСТА ШЕРИФА

Отвага женщины чаще всего бывает следствием любви.

В Марокко я слышала про девушку, которая решила отомстить за всю свою семью завоевателю, которому ее отец принужден был обещать ее в жены. В те дни шериф Раизули, разбойник, воитель и султан мароккских гор, имел обыкновение украшать стены головами сыновей побежденных. Невеста, которая должна была закрепить мирный договор, видела, как погибли таким образом ее братья. В семье не осталось ни одного мужчины, кроме старика отца, слишком слабого, чтобы бороться с врагом. Настал день свадьбы. Невесту прислали в дом Раизули, но она не пожелала дотронуться до его даров. Она не хотела ни есть, ни пить и не позволяла надеть на себя свадебный наряд. Весь день она молча просидела в углу. Пир и музыка продолжались до часа вечерней молитвы, но девушка не выходила из своего угла. Наконец, Раизули подошел к ней в сопровождении двух рабов, несших

финики и молоко, символы плодородия и девственности.

— Да иш-пошлет тебе Аллах мир,— сказал жених.

— Между мной и тобой не может быть мира, — возразила невеста. — Ты видишь, я не притронулась до твоих даров. Но в нашем доме нет мужчины, который отомстил бы тебе за нас, и поэтому я принесла тебе дар.

Она выхватила из-за платья кинжал и ударила им высокого человека, стоявшего перед ней. Лезвие скользнуло по драгоценным камням на пряжке его пояса, и кинжал упал наземь.

Мгновение длилось молчание. Рабы онемели от ужаса. Какая страшная участь ждала эту безумную, смелую женщину, поднявшую руку на самого шерифа! Обычное наказание для жены, покушавшейся на жизнь мужа — медленная смерть удушением. Но жизнь потомка пророка, их господина, была священна и выше всякой людской оценки.

Раизули медленно наклонился и поднял кинжал.

— Ударь еще раз,— сказал он девушке, протягивая ей оружие. — Ты плохо целишься, но мне ты ничего не можешь сделать. Моя жизнь зачарована.

Невеста взяла кинжал дрожащими руками. Быстрым движением вонзила она его себе в грудь. Раб, рассказавший мне эту историю, закончил ее словами: «бедняжка упала к ногам шерифа и прокляла его перед смертью. Он долго смотрел на нее, но не сказал ни слова».

КЛАД НА ГАВАНЬСКОМ ПОЛЕ

Рассказ А. РОЗИНА и Ф. ИОЛШИНА

Иллюстрации С. МОЧАЛОВА

I.

В этот день в петербургском доме Бурдамасовых все шло вверх дном. Обычно спокойный, размеренный образ жизни был резко оборван. Сперва началась толчея, бессмысленная, кидавшая всех членов семьи и дворовую прислугу друг на друга, из комнаты в комнату, из антресолей в нижний этаж, потом еще толчок — все встало по своим, уже новым местам, и не пошло, а покатилося, чтобы остановиться далеко от Петербурга, где-то в снегах на берегу хмурой Оби.

Произошло это просто:—в 1738 году многие из петербургской знати попали под тяжелую руку не знавшего пределов своей власти временщика Бирона, фаворита ленивой и тупой Анны Иоанновны.

Когда Бурдамасова, на другой день после столкновения во дворце с Бироном, не приняли при дворе императрицы, он понял, что дни его сочтены.

— Владимир, ты понимаешь, что ежели его светлости негодяю Бирону заблагорассудится, то он не покусится и головой моей. Я не полагаю, однакоже, чтобы он дошел до низости возвести на эшафот безвинного человека, но сылкой я награжден буду,—поблескивал глазами из-под бровей седого парика старик Бурдамасов, сидя в большом неудобном кресле петровского времени.

Против него, по другую сторону стола, стоял его старший сын, нахмуренный и сосредоточенный.

— Нagniсь ко мне,—сказал старик и, обхватив его рукою, стал что-то

шептать, а сын, не прерывая, изредка одобрительно кивал головой. Седая косичка парика как-то смешно дрыгала и оставляла след пудры на обшлаге домашнего кафтана, под которым белело кружевное жабо на богато-расшитом золотом и шелками жплете.

Девять часов сентябрьского вечера, на улицах уже темно. По плашкоутному мосту, соединявшему Васильевский Остров с другим берегом Невы, прогромыхал рыдван и, завернув налево, пропал в темноте большой аллеи, тянувшейся от Меншиковского дворца до самой Гавани. Дома уже были на запоре, кой-где пробивался сквозь плотно-прикрытые ставни свет, лаяли собаки и трещала колотушка ночного сторожа. Все реже и реже

— Ежели его светлости, негодяю Бирону, заблагорассудится, то он не покусится и головой моей.

Две фигуры вылезли из рыдвана...

пошли дома. Заворот, и рыдван, круто вывернувшись на открытом поле, остановился. С козел возка склонилось к дверце лицо и негромко произнесло:

— Алексей Владимирович, Гаваньское...

В возке зашевелились, послышалось неразборчивое бормотание, и две фигуры, сгибаясь, вылезли по очереди из рыдвана, разминая ноги и обмениваясь короткими фразами.

— Ну, Владимир, давай скорее, — нетерпеливо прозвучал голос, в котором угадывался, несмотря на его крепость и твердость, преклонный возраст говорившего.

— Сейчас, батюшка.

Нырнув в возок, второй спутник начал с трудом вытаскивать средних размеров окованный ларец и еще что-то длинное, оказавшееся заступом. Оба медленно зашагали, и через несколько минут в поле ничего не было видно, кроме бесформенного пятна рыдвана и изредка пофыркивавших лошадей. Кучер, казалось, уснул, и легкая настороженная тишина осенней ночи овладела полем и покрыла собой шаги ушедших.

— Давай, Гаврила, домой, — внезапно раздался голос, и в возок медленными, усталыми движениями влезли

те же два человека. Рыдван скрипнул, тяжело повернул и, мерно цокая подковами лошадей, покатился назад к городу, черневшему впереди невидимой, но угадываемой массой.

II.

Каждый букинист Александровского рынка знал высокого, худого старика в форме одного из министерств. И каждый из них знал, что ему нужно. При его появлении в дверях или печально разводил руками: — Ничего пока нет, ваше превосходительство, — или лез куда-то на полки и выкладывал на прилавок книгу, всегда в старинном твердом переплете: — Вот, ваше превосходительство, с большим трудом раздобыл для вас.

Старик с видимым волнением в бледных, сухих руках разворачивал, смотрел первую и последнюю страницу, искал год издания и прятал книгу в глубокие карманы пальто.

А вечером Ваня Бурдамасов, когда отец приходил домой, всегда узнавал по его лицу, достал он книгу или нет. Эта любовь к старинным и скучным книгам казалась ему странной. И еще более показалась бы странной, если бы он мог заглянуть в кабинет отца,

...С одного конца
Александров-
ского рынка
вошел юноша
в гимназической
фуражке...

когда тот, торопясь окончить вечерний чай, уходил с драгоценной книгой. Он увидел бы, что отец медленно и осторожно просматривал каждую страницу, порой через лупу, порой на свет и, дойдя до последней, складывал в ящик к другим подобным же книгам.

Время от времени он призывал Ваню и, показывая на ящик, говорил:—Заколоти его, дружок, и отнеси на почту. Нужно отправить в имение, весной разберем.

И Ваня спокойно писал на куске полотна название маленького уездного города, где была их усадьба, и только слегка пожимал плечами. Так накаплились дни, превращаясь в годы, и годы нависали своим счетом над старым Бурдамасовым. И однажды старик Бурдамасов пришел домой как-то сразу осунувшийся и побледневший.

— Что-то мне нехорошо, Мария Архиповна,—проговорил он жившей у них экономке. Через час явился доктор, долго выстукивал и переворачивал Бурдамасова, прописал что-то и уехал. А уходя, перед дверью, потрепал Ваню по плечу:

— Ничего, молодой человек, не волнуйтесь, генерал проживет долго, только не давайте ему много ходить.

И действительно, через два дня жизнь подтянулась и пошла почти так же, как и раньше. Почти, потому что в первый же вечер, когда старик оправился, он вызвал Ваню к себе в кабинет. Ваня не любил этот массивный темного дуба кабинет, холодное кожаное кресло и большие окна, всегда закрытые двойными рамами.

Сюда приходил он в детстве пожелать отцу «покойной ночи», сюда уже восьмой год приносил он по субботам свои дневники, боясь за случайную двойку, и здесь же выслушал он суровую отповедь, когда впервые явился домой возбужденный и пахнувший вином и женщинами.

— Садись, Ваня,—и голос старика был как-то ласков и душевен.—Мне сегодня надо с тобой серьезно поговорить, как с взрослым человеком, как с моим наследником.—И старик сделал ударение на последнем слове.—Слушай и не перебивай. Ведь не век же я буду жить.—Старик задумался и минут пять глядел через окно на противоположный троттуар, словно кого-то высматривая.—Ну, вот что. Тебе, наверное, казалась странной моя привычка собирать старинные книги. Наверное думал: охота старому чудаку деньги тратить. Тем более, что книг этих я никогда не читал.—Старик опять остановился и с иронической улыбкой посмотрел на сына. Ваня сидел молча, чувствуя, что за словами отца стоит что-то важное и большое.—Так вот, ты должен знать, а если забыл, то я напому тебе один эпизод. В 1738 году предка нашего, Алексея Бурдамасова, Бирон сослал в Сибирь со всем его семейством, не позволив ничего, кроме самого необходимого, увести с собой. А богатство у предка нашего было большое. Уезжая в неизвестную страну, все свои сбережения прадед закопал в землю.

— Клад!—подумал Ваня.

— Так вот... уехали они. А тайнуклада прадед передал старшему сыну Владимиру. При царице Елизавете Петровне Алексею Бурдамасову было дозволено вернуться из ссылки. Время было весеннее, а прадед спешил, давно он не был в Петербурге. И где-то, не то на Ишиме, не то на Каме, не захотел переждать погоды и со всем своим семейством попал в полынью. И случись так, что спасся один только младший сын, Виктор, от которого мы и идем. А теперь—слушай самое главное! Виктор слышал о кладе от старшего брата. Слышал, да не все. Знал он, что клад есть, и еще знал

что секрет клада запрятан прадедом в какой-то книге...

Тут Бурдамасов прервал рассказ и испытующе посмотрел на сына.—Теперь понимаешь, что за книги ищу я и покупаю?—И грустно добавил:—Только ни деду моему, ни отцу не удалось еще доискаться, да и бог весть, всех книг по всей России не укупишь, а искать надо, надо, надо!—И старик с таким упорством повторил это «надо», что Ваня внимательно и тревожно посмотрел отцу в глаза. А в них горел жутким светом огонек маниака.

На другой день, когда старик Бурдамасов рылся в лавочке букиниста на углу Вознесенского и Садовой, в другом конце Александровского рынка в крайнюю лавку вошел юноша в гимназической фуражке и спросил:

—Нет ли у вас книг середины XVIII-го столетия?

И книга за книгой, в старых твердых переплетах, жадно отыскивались, перебирались по страничкам и кончали свою жизнь в ящиках и шкафах бурдамасовского дома. И радости этого дома отмечались новыми книгами и горести—бесплодной попыткой найти ключ к богатству. Уже студент Бурдамасов ходил по лавкам, уже умер старик, не добившись своей цели, и уже не раз в глазах молодого Бурдамасова при взгляде на старинную книгу загорался тот же огонь, как и у старика, а вестей о кладе все не было и не было.

III.

Узенькие троттуары из досок, положенных в длину, провожали то высокие сплошные заборы, то чугунную решетку вытянувшихся вдоль улицы садов. Их было много—старое уездное дворянство любило ставить свои дома, отделяя их сплошной стеной зелени от пыльных, немощеных улиц.

Усадьба Бурдамасовых ничем особенно не отличалась от соседних, разве только массивной изгородью с маленькой калиткой, ютившейся рядом с воротами, увенчанными зеленым от плесени и воробьев гербом.

Метушимся пламенем барских усадеб освещала революция по ночам свою дорогу,—а дорога была дальняя.

...когда Бурдамасов рылся в лавочке букиниста, в другом конце...

Городок отворачивался от страшных для него пятен, остававшихся позади, на пути людей, ставивших новые вехи. Отворачивался и мутными глазами кажущегося равнодушия и затаенной злобы смотрел только внутрь себя,—и ждал конца. В доме Бурдамасовых было так же скверно, как и рядом, в таких же домах, как во всем городе.

Бурдамасов вернулся в феврале с Румынского фронта. Два месяца дорожной жуты. Толпа армий, катившихся домой. Крыши вагонов. Кусок хлеба вместо обеда. Рваная шинель и черные от грязи руки и лицо. Ненависть и злоба к уже совершившемуся и животный ужас в минуты раздумья перед тем, что еще должно совершиться. Все это Бурдамасов привез с собой в дом. Жил изо дня в день, питался всякой дрянью, которую изредка можно было доставать на базаре, на небольшой площади городка, от которой до сих пор еще несло кислым запахом, где молчали заколоченные лари, виднелись кой-где редкие торговцы и высилась пятровая церковь с облезлыми куполами. Среди всего этого бродили отдельные люди, пришедшие разжиться, кто чем—фунтом хлеба, сахаром, махоркой.

Бурдамасов искал махорку больше, чем хлеб. Курить было нечего. Все старые окурки были выпотрошены.

коробки тщательно очищены... — все!..—курить хотелось второй день, и второй день на базаре не было ничего.

— Гей, Данило, махорка есть?

— Эге!—ответил здоровенный мужик и вытащил из кармана восьмушку. Две серебряные ложечки потонули в его зипуне, а Бурдамасов уже крупно шагнул к дому, обуреваемый одним настойчивым желанием—закурить.

В доме было тихо, мебель стояла по комнатам, как бы притаившись, и гулкие шаги человека звучали по полу целовко и вздорно.

— Э, чорт!—бумаги, и той нет,— повернул из кабинета в спальню Бурдамасов, но по дороге, как осененный, круто остановился и чуть не бегом бросился назад, через кабинет в библиотеку. Схватил с полки одну книгу, другую, выскипывая прокладки из папиросной бумаги.

Одна из книг, в старинном кожаном переплете, брошенная со злостью об пол, ударилась каким-то деревянным звуком, зажелтев надрывом переплета, с треском оторвавшегося от своего места. Кожаное кресло, в котором сидел Бурдамасов, скрипнуло. Закурив, он встал, огляделся вокруг и уже с улыбкой начал подбирать книги, разбросанные на полу. Вдруг глаза его расширились. Цепко схватил одну из книг и судорожным движением стал отдиирать надорванный падением переплет. Вывалился пожелтевший лист бумаги, испещренный какими-то значками и буквами. Гаваньское поле...—1738-й год—а!.. Бурдамасов с трясущимися руками опустился на стол.

Перед ним лежал план, которого добивались столько поколений Бурдамасовых...

Вечером над городком заунывно гудела медь колокола и шумели березы, трепеща мелкой дрожью перед неизбежным. То тут, то там вспыхивал свет, затмевавшийся через мгновение густым черным дымом и снопом искр. Падали звуки выстрелов, как удар молотка по крышке пустого ящика, и ночь, напоенная расплывчатым шумом, блестела огнями пожаров.

А утром, когда крестьянские подводы уходили из города, груженные зеркалами, трубами от граммофонов, посудой, всем, что можно было передвинуть из барских домов в амбары. Клетки и лари, налетело, как град, что-то новое... Свист стали, кожи с зашитым в конце свинцом... Осколки и обломки утвари и людей... Мертво молчал город, одетый в горячую, серую золу только что прошедшего ужаса. Несколько часов спустя внезапно налетевший отряд белых уходил. С ним уходил на юг и Бурдамасов, унося в себе звериную злобу, револьвер с запасной обоймой и кожаный походный портсигар через плечо, на дне которого, засыпанный махоркой, лежал клад.

IV.

Маленький, как на ножках, черный форт встал в очередь за другими, подобными ему, и шоффер, разминая ноги, вышел на панель. Равнодушно посмотрел на быструю, шумную карусель Площади Звезды и ожесточенно выругался по-русски. Мелкий дождь, лужи на тротуарах, уходящие линии матовых фонарей в ореоле ранних сумерек, до боли напоминали шофферу Петроград.

А вместе с ним

— Гей, Данило, махорка есть?

еще сильнее, жутче мучительный педуг—Гаваньское Поле. И привычным жестом он ощупал внутренний карман пиджака—маленький кусок старинной бумаги. И опять остро почувствовал этот близкий и недоступный город. Сколько раз отвозил он хорошо одетых плотных буржуа на Северный вокзал и жадно смотрел, как проглатывал подъезд его пассажиров. Так и видел—две длинные стальные колени: Берлин—Рига—Псков... А там—несколько часов и Гаваньское поле, и богатство. Задумывался до тех пор, пока угрожающий жест синей каскетки не заставлял его нажимать педаль и опять становиться в очередь.

Прошедшая через ряд поколений мысль о кладе крепко и прочно вошла в голову Бурдамасова. И, если кинуло его в тот вечер в Козлове в ряды белых, то слепой случай сыграл в этом большую роль, чем верность своему слову. А дальше... Когда клад, вернее план его, был так близок, всегда при себе,—казалось, что все нужное и важное в жизни Бурдамасов уже совершил. Оставалось только воспользоваться кладом. Но между ним и Бурдамасовым колебалась горячая, красная линия фронта. Но и тогда, и сейчас, под маленькими дребезгами где-то расколовшихся туч, отчетливо представлял Бурдамасов ночь, взморье, поле и клад, а с ним и богатство, верное, крепкое, прадедовское золото и камнях...

— Boulevard Diderot!

И, покорно щелкнув дверцею форда, шоффер снова превратился в послушный маленький винтик чужой машины.

И так все время, весь день, колесил по широким бульварам, крутым мостам, по всему нервному, послевоенному Парижу, черный маленький форд и в нем два человека: покорный шоффер, которому каждый день нужно было есть, и счастливый, богатый Бурдамасов.

И только поздно вечером, наскоро пообедав в эмигрантском кафе «Старая Россия» и забравшись к себе домой в маленькую улочку, выходящую на проспект Клиши за Поясной дорогой, Бурдамасов чувствовал, что

он один и что шоффер с такси № 62895 исчез.

Тогда он с любовью, в тысячный раз, рассматривал план, изученный до самого маленького жирного пятна на полях, и с неменьшей заботливостью перебирал пачку странных документов. Угловые штампы погибших и давно уже забытых белых армий и полков... Мертвецы Германской войны, воскрешенные южными водителями, какой-нибудь 126-й или 320-й полк удостоверили, что «предъявитель сего поручик Бурдамасов действительно командовал обозом 2-го разряда» или «заведывал эвакуационным пунктом». И самой нижней лежала бумажка... «Поручик Бурдамасов, Вы назначаетесь в 5-ую автомобильную роту, сегодня получите предписание»... А через несколько дней—погрузка на пароход, немисливый Константинополь, о котором он раньше знал только, как о городе с бродячими собаками и с Дарданельским проливом. И потом все дальше от России и клада... Не любил Бурдамасов эту бумажку! Его часть еще до Перекопа попала в плен и потом он не раз получал письма от своих однопольчан... Прочитал, сложил бережно бумажку, еще бережнее спрятал план и снова мысленно поехал в Ленинград. В Ленинград и обратно сюда, но не бедным эмигрантом — шоффером, а человеком, для которого будут открыты все двери кафе и отелей и всегда найдется высокий табурет за стойкой бара.

Дни крутились, как грязные колеса такси, по тем же улицам от

Глаза Бурдамасова расширились... Он держал пожелтевший лист бумаги, испещренный значками и буквами.

«Старой России» до проспекта Клиши, с той же надоевшей работой на чужой машине и с надоевшими разговорами в кафе. Кто спорил и говорил о новом походе, мечтая о «единой и неделимой», кто махал рукой на все и в нашенском паспорте видел патент на гражданина вселенной, кто тянулся в Россию, не считаясь ни с чем. И особняком от всех, зачастую даже за отдельным столиком, тянул свою рюмку абсента Бурдамасов.

И Бурдамасов решил...

Кусок экзотической, бунтарской Москвы и красный флаг в Париже...

«Гражданин» или «товарищ»? — соображал Бурдамасов, поднимаясь по лестнице. Остановился на «гражданине».

V.

— Ваши документы! — Бурдамасов стоял перед тремя крупными людьми в фуражках с зеленым верхом и пятиконечной красной

звездой на околыше.

Как ни готовился Бурдамасов к этой минуте, он внутренне вздрогнул.

— Чего это я, ведь все в порядке, ведь не крадучись?! — и все же подкатилось волнение и выдавилось на лице легкой бледностью.

Уже сзади русский Жогов, ставший буржуазным Ритуппе. Остров. Таможенный зал, и чемодан Бурдамасова под острыми, равнодушными глазами, выпотрошенный, как трун в анатомическом театре. И когда Бурдамасов вышел на перрон Пскова, хранившего в своем кремле память вольных дней и борьбы за вечевой колокол, он облегченно вздохнул и, сев за стол, со смаком сказал официанту: — пару пива!

Впереди был целый день — поезд уходил только вечером. Расплатившись за завтрак, Бурдамасов побрел в город. Все было и то, и не то. Ободренные извозчики, как и десять лет тому назад, мирные улицы с прохожими, французские каблучки и любопытные взгляды женщин, при виде иностранного костюма, магазины всякой требухой, книжные, колбасные, сбоку — кондитерская. С ба-

зарной площади налево — мост над закинутой куда-то вниз рекой. На базаре крестьянский гомон, запах кожи, груды зелень, крепкая брань и сверху колокола, празднующие, как и десять, сто, триста лет тому назад медными переключками Рождество Богородицы. И то, да не то. Что-то другое в лицах, в обращении. Вот в этих вывесках и плакатах, где рабочий, крепко зажав древко, зовет мир к алому флагу, плещущемуся резким пятном над домом губоткомхоза... Но Бурдамасов над всем этим почти не задумывался. Он бесцельно бродил по улицам, выхаживая часы, оставшиеся до поезда... Мысленно он уже шел по Большому проспекту Васильевского Острова, уже взрывал землю...

Ленинград принял Бурдамасова хмуро и неприветливо. Осень этого года металась по взморью ветром, то и дело бросавшим на город миллионы тонн воды. Каналы и рукава Невы пучились, коллекторы мутно выливались на улицы, и глухо, как в вату, вскрикивало орудие, затягивая едким дымом холостого выстрела старый гранит Петропавловских верков.

— Извозчик, Крестовский Остров!

И уже мелькали безокон и дверей серые казармы бывшего Измайловского полка и такой же

Угрожающий жест синей каскетки заставлял Бурдамасова нажимать педаль и становиться в очередь.

бывший Ксенинский Институт, перевитый багровым приветствием Губпрофсовета какому-то съезду. Обгонял двенадцатый номер с треском звонка на передней площадке, люди торопились взад и вперед, но Бурдамасову было все равно.

— Господин, э... товарищ Ваганов дома?

— Да. Сейчас скажу. Борис Александрович, к вам, — певуче произнесла низкая, дебелая женщина. Сзади стукнула дверь, и худое лицо, на котором нос затемнял все остальное, встало перед Бурдамасовым.

— Наконец... Ваня!.. — Сухое объятие... — Идем. Вот сюда, подожди, зажгу свет. Мыться? Ну, ясно, располагайся, брат. Арина Матвеевна, уж сегодня, пожалуйста, к обеду водочки — подумать только, восемь лет!

И днем, сидя за столом в комнате, стены которой были увешаны олеографиями и открытками, вперемежку с бумажными розами и еще какими-то рыночными цветами, шла беседа двух людей, одного замызганного, выбитого из седла, ничего неумеющего и не ждущего, и другого — то бывшего барина, то командира обоза белой армии, то незаметного шоффера парижского такси.

— Я все-таки удивляюсь, какая нелегкая принесла тебя сюда! Неужели тебе мои намеки в письмах не были понятны? Ведь, чтобы здесь устроиться, нужны связи, знакомства, и не наши со всякими tante Marie и прочими старушками. Ты подумай, — вот я кончил лицей, а куда я?

Бурдамасов перебил:

— Брось, Борис! Скажи-ка, как у тебя, силенка еще есть?

Ваганов согнул руку в локте и, пощипав другой рукой мускул, промямлил:

— Потренироваться если...

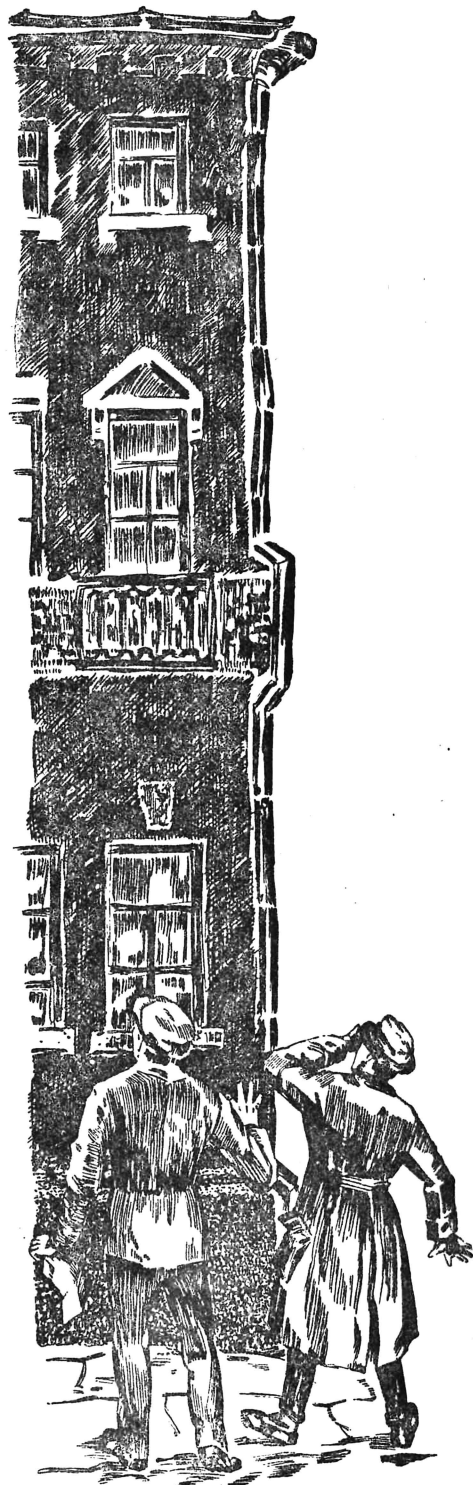
— Нет, дорогой мой, тренироваться некогда. Смотри-ка, что я тебе покажу, — и он осторожно надорвал подкладку пиджака и вытащил на свет кусок пожелтевшей бумаги... — Ты понимаешь теперь, для чего я приехал? А потом, когда все это будет в наших руках, из этой квартиры на Крестовском мы выберемся через финляндскую границу...

Бурдамасов резким движением взял стакан и выпил остатки водки. Молчание овладело комнатой, стены раздвинулись и перед глазами обоих замелькали огни Европы...

VI.

Ни в далекой юности перед рассерженным отцом, нивжуткие окопные ночи войны, ни даже стоя в полпредстве с кладом в кармане и с надеждой в глазах — не испытывал Бурдамасов такого острого чувства, как сейчас.

Пасмурный ленинградский день. Сверху мелкий, как из гигантского пульверизатора, дождь, клочки пустынного поля, окаймленного редкими, высокими

На кресте с надписью клад стояла каменная громада...

домами, и прямо перед глазами—серое, тяжелое взморье.

Гаванское... Бурдамасов остановился и почти не слышал, что говорил Ваганов. Козлов, белые, Париж, снова Россия... Несколько лет, томительных и страшных,—все это сзади. И потому, что этого «сзади» было слишком много, казалось, что все доступно и что клад тут, под погами.

— ...сейчас. Да доставай же план, что ли?

— А...—Бурдамасов очнулся,—да, да, план. Нужно сверить.

Оба пугливо оглянулись. Никого, кроме выглядывавших из-за забора крестов Смоленского кладбища.

Ветер трепал и рвал из их рук старую, желтую бумагу. Капли дождя расплывались на плане, и одна из них, медленно стекая сверху, остановилась на черном кресте. Ваганов стер ее рукою.

— Вот, важно только правильно встать, на восток. Остальное — как отсчитать и откуда... Погоди, я прочитаю еще.

— Да не надо,—перебил Бурдамасов,—я наизусть помню. Только от второго заворота реки придется порядочно... Он не договорил.

Случайно забредший прохожий долго рассматривал две фигуры, в разных направлениях шагавшие по полю, то останавливаясь и энергично жестикулируя, то снова продолжая мерить шагами поле. Подумал: землемеры, и пошел дальше, растворясь в мелком дожде.

Бурдамасов непонимающим, тупым взглядом посмотрел на Ваганова. Ваганов — на Бурдамасова. Последние шаги отзвенели по каменным плитам. Перед ними была серая громада каменного дома. Бурдамасов почувствовал, как где-то внутри стало сразу холодно. Он зябко передернул плечами.

— Послушай, Борис, надо снова...

И он пугливо покосился на серый дом.

Липкая черная грязь пугала шаг, кочки цеплялись за ноги, но упорство брало свое. Они сходились, проверяя друг друга, разворачивали план, снова расходились и снова плотно стукнули под ногами каменные плиты, и глаза уперлись в стену.

Это казалось невыносимым, невозможным. Мысль не сразу дошла до сознания. Тяжелая, как в тумане, порою голодная жизнь—сзади, и впереди—огромная и яркая! И вдруг обыкновенный каменный дом. Они устало и молча опустили на ступеньки какого-то подъезда. Оба думали, напряженно вспоминали и так уже твердо заученные слова плана и вглядывались в поле, мысленно снова отсчитывая шаги. Вдруг Ваганов вскочил.

— Дураки!

Бурдамасов, сразу очнувшись, посмотрел на него с тоской.

— Дураки, — повторил Ваганов, — а ты не думаешь, что сама исходная точка могла переместиться? Едем домой. Надо было это раньше сделать.

Как в зимнюю ночь просыпается путник и видит, что костер погас и холод окутывает смертью, и вдруг, бешено разгребая золу, находит искру и раздувает ее волнуясь и надеясь, так и Бурдамасов ухватился за слова Ваганова.

Трамвай шел от кладбища. Маленькая барышня с заплаканными глазами за сеткой траура, посмотрела на двух молчаливых, ушедших в себя людей, и подумала: верно тоже похоронили кого-нибудь.

Чуть не порвав старый «Весь Петербург», выкинули карту на дневной свет и молча, как обреченные, глазами, сухими от отчаяния и надежды, изучали каждый миллиметр лежавшего перед ними куска города.

— Мм... — сжал руку в кулак Бурдамасов и сам весь сжался.

Все было ясно. На кресте с надписью «клад» стоял желтой краской каменный мешок, населенный обитыми людьми.

— Что же дальше? — сказал Ваганов, — ведь, дома теперь муниципализованы. Может объявить? — робко добавил он, — ведь, все равно потеряно.

Это «потеряно» упало в тишину, как ком земли на крышку гроба.

— А, может быть, поселиться там Борис? Может как-нибудь?..

— Фундамент не взроешь. Чепуха! Скорее уж объявить! Но тогда...

— Что-то надо же делать!

Молчание стало бесконечным. Сжалось в кулак души двух людей.

И думы шли, теснились, перебивали одна другую. Что делать? Что делать? Цел ли клад? Быть может давно вырыт, когда строили дом? Ведь дом уже не новый... А мог и уцелеть, ведь фундамент не сплошной... Вдруг случай!.. Где узнать? Эти годы разматали людей. Найдешь ли таких, что живут со дня основания дома? Да если и есть они, как заговорить с ними? Да откуда вообще жильцы могут знать, как строился дом, был ли клад найден? Может быть и дом уже не первый на этом месте, и тогда все следы потеряны. А разве теперь они есть! Где справиться?.. И сколько погибло? Ведь они не знают даже суммы клада. Там золото, камни, но сколько? Теперь еще эта мука неизвестности... Может быть лучше было бы совсем не знать о кладе.

.. Или знать, как и прежде, как все прежние поколения... и мечтать... Зачем попалась эта книга и в ней план! И Бурдамасову казалось, что вся жизнь пошла бы по-другому, не превратись греза в бо-

гатое наследство, которое только нужно взять... Сколько лет муки, надежд, ожидания! Он стал бы работать, — думал Бурдамасов, — он не жил бы этой надеждой, он устроил бы по настоящему свою жизнь... И он даже злился на самый клад, он проклинал тот день, когда открыл прадедовский документ... Но мысли невольно возвращались к ускользнувшему богатству. А если оно цело?.. Нужно быть мужчиной, быть настойчивым, не падать духом от неудачи. И кто знает!.. Но что же предпринять, что можно сделать? Голова трещала... В сотый раз Бурдамасов задавал себе вопрос: не был ли бы он счастливец, если бы совсем не знал о кладе? И, кажется, впервые он серьезно задумался над жизнью, впервые ему пришло на мысль, что он шел за жизнью, а не ее вел за собой. Жил, как многие, как очень многие, не ломая себя... Потом он гнал прочь навязчивую неожиданную гостью, не зная почему залетевшую в его мозг, тер себе лоб и думал... Что делать теперь? Что же делать???...

Рассказ
А. В. БОБРИЩЕВА-ПУШКИНА

Иллюстрации В. ИЗЕНБЕРГА.

I.

13 мая 1926 года, в сыкотный, ненастный день, какие в питающемся вообще суррогатами Берлине составляют суррогат лета, этот молодой человек оказался в спальне тайного советника Тиде и его супруги, в одиннадцать часов вечера, самым непостижимым и неприличным образом.

Выпив вечерний кофе, Тиде уже собирались ко сну, и господин Тиде даже снял свой плафрок и стал отстегивать вышитые фрау Амалией подтяжки, как вдруг в камине раздался треск и там очутился этот остроносый молодой человек в хитоне небесного цвета и с голыми руками. При нем не было никакого летательного аппарата—он свалился просто так, один. На его голове блестел обруч из какого-то синего металла, в котором ярко отражались лучи висевшей на потолке спальни двадцатипятисвечной лампочки. Фрау Амалия Тид взвизгнула и поспешно скрылась за занавеску супружеского алькова, но тайный советник не испугался и двинулся на незнамого гостя с тем строгим и непреклонным взглядом, которым привык обдавать в рейхсгерихте обвиняемых.

— Кто вы, милостивый государь? И что вы делаете в моем камине в такой поздний час?

Но остроносый юноша не понял ничего, как будто ему говорили по-китайски, а не по-немецки. Он смотрел на герра Тиде совершенно растерянным взором своих не то голубых, не то зеленых, на выкате, рыбьих, безбровых глаз. Затем, выйдя из камина, он сделал по комнате несколько высоких прыжков, похожих на скачки блохи, и опустился на кушетку у двери. Но он не сел и не лег на нее. Из своего человеческого тела он в одно мгновение сделал какой-то непостижимый узел. Ноги и руки завязались над головой. Она смотрела на члена рейхсгерихта. Губы ее раскрылись. Из них вылетело несколько мелодичных, членораздельных звуков, так же непонятных тайному советнику, как пришелицу немецкая речь. Тиде бросился к телефону.

Когда через полчаса наряд полиции под командою жандармского поручика Людова явился в квартиру, голова под связанными конечностями спокойно спала. Веки были закрыты и из ноздрей вырывался тоненький, самый обыкновенный храп. Господин Тиде и его супруга глядели на спящего. Принялись его рассматривать и шестеро шудмансов, пока хозяин квартиры делал о его появлении поручику обстоятельный и методичный доклад.

Ни малейшей растительности—ни волос, ни бровей, ни ресниц. Остроконечный, очень развитой череп. Сплетенные над ним конечности, обнаженные среди небесного хитона, вызвали возмущение одного из шудманов:

— Да это обезьяна!

Действительно, гость был четверо-руким, не спящее, матово-бледное лицо с острыми чертами не имело ничего общего с грубым обликом гориллы или шимпанзе. Напротив, оно было очень тонко, словно выточено из слоновой кости. У него был только профиль, как у фигурки, вырезанной из бумаги, или у рисунка человеческого лица, сделанного на бритве. Этот профиль был очень заостренный—острый нос, отнюдь не крючковатый, а такой, какие назывались римскими, и такой же подбородок. Уродливо это не было, только необычно, как вся нечеловеческая поза спящего.

— Я прошу вас, господин поручик, извинить мою квартиру от этого... индивидуума, вторгшегося в нее в такой поздний час!—закончил тайный советник свое сообщение. Поручик Людов ответил:

— Надо его разбудить.

И протянул к спящему руку, чтобы взять его за шиворот, но моментально отлетел, ошеломленный, в самый отдаленный угол комнаты, чуть не разрушив один из столбов темно-красной занавески супружеского алькова.

Видя поражение своего начальства, мужественные шудманы, не ожидая даже приказа, дружно двинулись на спящий узел. Но через секунду вся комната была полна разбросанных, перепуганных, ползущих людей, из коих двое выбирались из-под плюшевой скатерти опрокинутого стола, с осколками приготовленного на ночь кофе с закусками. Там же, среди бутербродов, барахталась и спящая упавшими фрау Амалия.

Сам Тице один остался на ногах. Он протянул, в свою очередь, руку к кушетке, но осторожно, с вытянутым пальцем, и поспешно отскочил.

— Чорт возьми! Да это электрический угорь!

Тайный советник схватил свою деревянную трость, предусмотрительно повернув к себе ее металлический оконечник. Но и трость, которою он собрался нанести спящему вполне достаточный для его пробуждения удар, переломилась на-двое в его руке,

наткнувшись на какое-то твердое, незримое препятствие, будто на камень. Вокруг спящего была плотная, неприступная атмосфера.

— Стреляйте в него, поручик, стреляйте!—заволил Тице.

— Как? В спящего?—удивился поручик.—Но он не сделал еще ничего, оправдывающего такую расправу.

— А сопротивление полиции? А ваши люди?

— Они все целы.

Все шестеро шудманов, с фрау Амалией, боязливо жались к двери, не решаясь подходить близко к страшной кушетке, откуда попрежнему слышался тонкий, невозмутимый храп.

— Ах, моя Мими!—вдруг воскликнула фрау Амалия.—Бедное животное!

Белая ангорская кошечка была там, под кушеткой, в самой глубине, и вся фосфоресцировала, что было видно, так как под кушеткой было темно. Она судорожно вздрагивала и не отозвалась на зов. Все волосы на ней стояли дыбом.

— Стреляйте! Стреляйте в убийцу!—вскричала фрау Амалия не своим голосом.

— А вы уверены, достопочтенная госпожа, что наши пули не отскочат в нас же самих?—осведомился поручик. Когда имеешь дело с непонятным явлением, надо быть очень осторожным.

— Но он убил мою Мими! Это сам дьявол!

— Сомневаюсь. В мире нет ничего чудесного, т. е. противоречащего законам природы, но эти законы нам еще почти совсем неизвестны. Поэтому это электрическое существо не может быть подвергнуто чрезмерной репрессии со стороны моего отряда ни по закону, ни по простой осмотрительности. Может быть, когда оно проснется, то всех нас сотрет с лица земли.

Поручик окончил два факультета Мюнхенского университета и был, как видно, силен в философии. И фрау Амалия не хотела о ней и слышать.

— Фриц, что же ты молчишь? Да, ведь, это ужасно! Пошли спокойно спать,—и вдруг такое чудовище в

камине! И полиция ничего не может подслать. Ах, бьет половина второго. Я еще никогда, никогда не ложилась так поздно.

— Позвольте узнать, поручик, принадлежит ли еще моя квартира мне, как доброму гражданину германской республики, или этому узлу? Тогда мы с женой отправимся в гостиницу, — со сдержанным негодованием произнес тайный советник.

Тут остроносый шевельнулся и открыл глаза.

Как бы это ни задевало чести берлинской полиции, мы должны сознаться, что ученый поручик опрометью бросился вон, а за ним и весь его отряд. Фрау Амалия с криком забилась под постель. Один тайный советник остался неподвижно на месте — проявив ли совсем неожиданное мужество и хладнокровие, или прикованный острым взором глаз на выкате, как чарами удава. Но гость не обнаруживал никаких враждебных намерений. Опустив конечности почеловечески, он заговорил что-то по-прежнему мелодичное и непонятное и ласково улыбнулся герру Тице, как бы желая его успокоить и расположить к себе. Потом он двинулся к нему через комнату. Фрау Амалия, высунувшая было голову, так и осталась с раскрытым ртом: гость шел не по полу, а на несколько сантиметров выше, но передвигал ногами в воздухе, как при ходьбе. Осколки и все, что попадалось на полу под эти, не касающиеся его, ноги, сметало, как ветром.

— Вокруг него, очевидно, плотная атмосфера. Он и стал на ней, — догадывался Тице, вспомнив о сломавшейся палке. Он не знал, как приготовиться к обороне, но голубовато-зеленые глаза странного гостя были так мягки, и так мягко звучала его непонятная речь, что даже фрау Амалия совсем ободрилась, тем более, что ожившая кошка уже ластилась у ее ног.

— Вильгельм, не бойся. Он добрый. Он не сделает тебе никакого вреда.

Тайный советник протянул свою честную, бюргерскую руку. Гость согнул колени, попрежнему в воздухе,

не касаясь земли, и, протянув над головою два верхних соединенных указательных пальца, почтительно коснулся их кончиками ладони тайного советника. Тице понял, что мир заключен.

Раздался звонок телефона.

— Ваше превосходительство. Это я, поручик фон Люцов. Наши силы были недостаточны... Прикажете выслать более значительный отряд?

— Чорт бы вас побрал, глубокоуважаемый господин поручик. Вы удрали с вашими шутманами, оставив меня в безвыходном положении. Очень бы мне помог ваш телефон... Но теперь не беспокойтесь: все благополучно.

II.

Едвали переход от крайнего негодования к такому добродушию имел у супругов Тице вполне добровольный характер, едвали они радостно и любезно подчинились тому, что неведомое остроносое существо поселилось в их квартире. Но что прикажете делать? Неблагоразумно было ссориться с тем, кто сильнее не только их, но, пожалуй, всей берлинской полиции, и, чего доброго, может моментально открыть такие военные действия, после которых ее приход будет господину Тице навеки безразличен. Миротлюбивого настроения пришельца изменять не следовало. Да и любопытно было, что это за неслыханный вид человека или животного. Нет, человека! Вся повадка у него была человеческая, и господин Тице с каждым днем все больше убеждался в его разуме. Только никакой цирковой каучуковый человек, никакой акробат с изломанными костями не мог сделать из своего тела такие узлы и другие фигуры, как этот четверорукий. Господин Тице поместил его в одной из двух людских, так что кухарка Лотта спала на кухне. Когда ему предложили есть, он сперва не понял, а затем вытащил из-под своей голубой хламиды какую-то маленькую спираль и, надев ее в виде намордника, мгновенно втянул в себя суп, курицу, крем и кофе, так что на тарелках остались

какие-то волокна и водянистая жидкость. Получилась тут и ошибка: гость стал втягивать содержимое горчичницы, перечницы, уксусницы и солонки, но с резкою гримасою обрызгал из спирали всем этим стену, только что оклеенную новыми белыми обоями. Приборов вроде этой спирали у него было несколько — все маленькие, спрятанные, повидимому, во внутренних карманах хламиды. Он рассматривал с крайним любопытством все вокруг и старался как-нибудь понять язык окружающих. Из участка, конечно, пришли на другое же утро и, узнав, что он никого не трогал, и не решаясь его тронуть, предоставили дальнейшее ходу вещей, а пока записали его в качестве не имеющего документов неизвестного иностранца. На буквы, выходявшие из-под пера полицейского чиновника, незнакомец воззрился с крайним интересом. Господин Тице попробовал передать ему их смысл; гость понял это с самой быстрой сообразительностью. Тогда господин Тице принес ему азбуку и несколько книг, а фрау Амалия и Лотта с Миной стали показывать на разные предметы в комнате и картинках, говоря их названия. Этот метод оказался удачным. Незнакомец начал воспринимать немецкую речь. Всю эту первую неделю никто не являлся в квартиру снепрошенным любопытством и в газетах не появилось ничего. В участке далеко не были заинтересованы в сообщении печати той роли, которую сыграла полиция при первом знакомстве с неведомым гостем, а из квартиры он не выходил и никому не показывался. Когда стало возможно с ним объясниться до некото-

рой степени, то, конечно, первыми вопросами хозяев были вопросы о том, кто он, откуда и как к ним попал. Ответы получались весьма неясные и неполные — отчасти из-за недостатка слов, отчасти из-за того, что самые понятия, которые старался передать этими непослушными, неподходящими словами пришелец, были совсем непостижимы и необычны для обитателей квартиры тайного советника.

По словам незнакомца, его зовут Мунн. Откуда он? Этого он сказать не может. Он не может даже определить, является ли планета, на которой он обитал несколько дней тому назад, этой нашей Землей, или он прилетел из другого мира, через колоссальное пространство. Ему скорее кажется, будто это та же Земля, так как тут такой же воздух, только очень нечистый и тяжелый, и люди похожи на его единоплеменников. Впрочем, он, ведь, не знает пока, каков этот мир, куда он попал и где не решается сделать шагу из опасения новой ка-

тастрофы. А катастрофа его постигла страшная. Он мирно отправился со своей подружкой и ее ребенком полетать между соседних планет до отхода ко сну, когда это невинное развлечение было прервано каким-то... тут тайный советник не мог разобрать, идет ли речь о внешнем катаклизме или порче аппарата... Словом, Мунн был подхвачен шквалом или взрывом и спасся

В камине раздался треск и оттуда вылетел остроносый молодой человек в хитоне небесного цвета.

лишь, благодаря окутывающей его непроницаемой атмосфере. Его носило и швыряло со скоростью, во много раз превосходящей скорость света, он потерял всякую способность ориентироваться, но был невредим, как цыпленок в неразбитом яйце. Это яйцо атмосферы в безвоздушном пространстве, не распадающееся, концентрированное, предохраняло его и давало спокойно дышать... Да, ведь, иначе и нельзя было бы прокатиться даже до ближайшей звезды,—с наивной улыбкой пояснил Муни на недоумение слушателей. Но его подруга и дочь исчезли, и он заблудился и не знает, сколько времени носило его таким образом. Не осталось ничего другого, как снизиться куда попало. Это удалось — далеко не без труда. Мешали не то циклон, не то порча аппарата... Эти слова «циклон», «аппарат», очевидно, совсем не передавали мысли Муни и относились к понятиям, лежавшим вне сферы разумения господина Тице. Словом, Муни пролетел в какое-то узкое черное отверстие, повидимому, в трубу, как ведьма на помеле, и оказался в спальне тайного советника. Вот почему он не может определить, находится ли он в своем прежнем мире. Регулятор, возвращавший его из путешествий домой, мог испортиться во время катастрофы. Но нормально Муни должен был бы вернуться к себе и, может быть, этот дом на Берлинерштрассе стоит именно там, где он жил. Ведь, сколько прошло времени? Может быть, миллион лет. Или... или время для него отлетело назад, и он, человек, явившийся на свет, может быть, через миллионы лет после господина Тице, отброшен теперь назад, в неведомую эпоху. Тут Муни опять обнаруживал совсем не то представление о времени, которое является обычным для людей XX века. Неизвестно, понял ли бы его даже сам Эйштейн. Он говорил о возможности перемещаться во времени так же, как и о том, как отправился с женой и дочкой немножко прогуляться к Юпитеру или Сириусу. Прошрое, настоящее и будущее как будто не были в его представлении отдельными фаза-

ми, а лишь состояниями, существующими для данного существа и могущими для него быть измененными. Как для всего этого не хватало слов! Муни скоро научился разбираться во всей библиотеке тайного советника, хотя, по его словам, самое чтение и письмо были на его родине заменены передачею волн разной скорости и обращены к слуху, а не к зрению. Но метод чтения был им постигнут быстро, как и метод еды и питья, вместо того, чтобы просто вбирать в свой организм нужные элементы, не отягощая его ненужными. Муни был вообще очень восприимчив и объяснял тайному советнику, что, путешествуя среди различных планет, видел такие разнообразные существа и такие различные жизни, что понять эту для него не трудно. Здесь похожие на него существа, только не умеющие ничего устроить, не владеющие ни окружающими их силами природы, ни даже собственным телом.

Отчего, например, не прочистить этот воздух, полный таких отвратительных испарений? Отчего его хозяева не создают себе даже собственной атмосферы? Им, повидимому, неведомы даже излучения их тела и многие его способности, как, например, электрическая, у них вовсе не развиты. Словом «электричество» Муни пользовался также за неимением лучшего и постоянно при этом говорил два или три других на своем языке, с видимой досадой, что не может даже дать о них приблизительного понятия. В его представлении видимое тело человека или животного было лишь ядром или осью, вокруг которой находится целое колесо: флюиды, химические волны, все, что может концентрироваться волею человека и передавать ее на расстояние. Муни без труда останавливал так стрелку стенных часов или приводил кошку в каталепсию. Тело таит неограниченные возможности и подлежит постоянному усовершенствованию из поколения в поколение, как садовод совершенствует цветы или плоды. Тице понял, что если можно достичь усовершенствованного экземпляра скаковой лошади или тюльпана,

то также можно усовершенствовать и человеческий организм. Так, в мире Муни люди, знающие прекрасно свое тело, управляют его химическими излучениями, электрической, магнетической и другими неизвестными нам энергиями, смотря на них, как на свои органы, совсем так же, как мы на свои руки и ноги, или как электрический утюг на свою силу. Тело их получило крайнюю

гибкость и твердость. Атмосфера, окружающая каждого, непроницаема. Существует ли в этом мире смерть? При этом вопросе лицо Муни омрачилось. Это слово он понял. Да, его единоплеменники живут очень, очень много смен света и мрака, очень много откладывают времени про запас и потом экономно расходуют, но все же наступает пора, когда и их организм изнашивается, как они ни подновляют и ни защищают его. Тогда они сами возвращают воздуху свои составные элементы и перестают существовать. Смерть происходит лишь по воле человека.

— Но если он не захочет самоубийства? — спросил Тице.

— Как же он может не захотеть? — не понял Муни. — Ведь, он иначе постепенно распадется на волокна и на влагу. Это же мучительно. Если наступает... гм... как бы это сказать?... время боли, усталости...

— Апатии к жизни? Дряхлости?

— Я не совсем вас понимаю, но, повидимому, мы говорим про одно и то же. Словом, тогда надо кончить. Этого могут не понять только не разумные животные. Тех, конечно, приходится разлагать.

— А у вас животные неразумны?

— Нам невыгодно делать их иными. Они должны служить нам. Вот у вас ваши слуги, по-моему, слишком мало отличаются от вас в развитии. Это почти такие же существа, как вы. У

В одно мгновение из своего тела он сделал непостижимый узел... Уродливо это не было, только необычно...

нас не так: у нас целая лестница видов. Даже четверорукие разделены по своим способностям, выработанным долгами, долгами...

— Веками? Тысячелетиями?

— Гм... почти.

Когда вы говорите о том, что называете временем, то очень трудно понимать. Словом у нас есть всемогущие, обладающие такими организмами, перед которыми

мой ничто, и есть четверорукие, у которых искусственно понижен разум и другие способности, чтобы они могли удовлетворяться служением нам и черной работой.

— Как? Люди?

— Да, четверорукие. Для разных надобностей общества, разных занятий...

— Специальностей?

— Вот. Для разных специальностей вырабатываются и разные виды. Вы спрашивали о человеке и животных. Он и они не противостоят друг другу, как вы и ваша кошка. Есть виды четвероруких от наиболее культивированных, усовершенствованных, до наиболее низких, и виды животных, из коих разум некоторых доведен до степени, превышающей разум низших видов четвероруких. Для счастья всех пород надо, чтобы потребности каждой были удовлетворяемы и чтобы ни одна не имела потребностей, которых не может удовлетворить. Поэтому есть такие виды, для которых излишнее зрение или отвлеченное мышление, или чувство красоты, так все это вместе не нужно для подземных четвероруких, и поэтому у них уничтожено, но зато им придан громадный желудок, усердно наполняемый.

— А зачем у вас есть подземные люди?

— Нас слишком много для планет, подходящих для нашей жизни.

— Да, ведь, вы живете слишком долго.

— И потом надо же организовывать всю внутренность планеты. Иначе нельзя поддерживать на ней ровную температуру, и получится то, что в ваших книгах называется морозом и жаром, снегом и дождем—и другими неприятностями.

— Но, ведь, вы охранены от всего этого вашей личной атмосферой?

— А все наши сооружения? А низшие виды? А животные и растения? Не жить же нам в клетках, как вы.

— Так у вас нет домов?

— У нас есть переносные обитатели. Видите ли, основное различие вашей жизни от нашей в том, что вы все создаете надолго, а у нас все мгновенно делается и распыляется. Вместо ваших огромных машин и зданий—у нас карманные приборы, в которых сконцентрирована нужная энергия.

— Конечно, в дозах, для нас непостижимых, невероятно превышающих мощность наших машин?

— Да, для наших полетов, для создания непроницаемой атмосферы, для мгновенного выращивания леса или цветника, для конденсации солнечных выделений нужны лишь такие приборчики. Иногда их, конечно, требуется несколько десятков, если работа охватывает значительный район. Если нам нужна ограда для собрания, научных исследований, общественных увеселений, то мы мгновенно создаем все нужное и затем возвращаем в элементы воздуха. Но помещения нам нужны меньше всего. Чистый воздух, ровная температура, словом, победа над стихиями позволяет нам жить под открытым небом.

— Но это же скучно—не иметь своего угла! Есть же личная, интимная жизнь, потребность уединиться.

— А на что же сгущение воздуха? Вот...

Гость чем-то щелкнул, и в одно мгновение его окутало облако, как эллинского бога, или как воина, огражденного газовой завесой.

— Видите, вот и наш дом—послышалось оттуда.—Он так же быстро исчезает, как и строится.

Перед Тице снова был улыбающийся острый профиль.

— Нет, я так бы не мог,—вздыхнул тайный советник.—Мы привыкли к домашнему уюту. И неужели в вашем облаке есть достаточный комфорт? Ну, вот, например, разве вам плохо спать так?

Он любезно указал на предоставленную гостю постель с периной и пуховыми подушками.

— Если бы мы так вытягивали наше тело во время сна, как вы, и допускали в мозгу дикий процесс, называемый у вас сновидениями, то жили бы немногим дольше вас,—ответил Муни.—Может ли быть что-нибудь ужаснее, чем разумное существо, безвольно подчиняющееся бреду? Сон—абсолютный покой, обновление сил организма. Для него надо привести тело в состояние, настолько бессознательное, чтобы было безразлично, находится ли оно на мягком или на жестком основании.

— Ну, а когда вы заболеваете?

— При нашем воздухе и усовершенствованном теле возможна только изнашиваемость частей. Второстепенные заменяются, но есть такие, которых заменить нельзя. Если они получают важное повреждение, то остается вернуть свои элементы воздуху.

— И так, больные и калеки у вас не хотят жить?

— Зачем? Ведь, они были бы несчастны. Жизнь возможна лишь при абсолютном довольстве. Я, признаться, не могу понять, знакомясь с жизнью ваших двуногих из книг и ваших рассказов, как почти все не кончают жизни, которую так мало удовлетворяют. Неужели их пугает ничто, в котором нет сознания.

— Итак, у вас все счастливы? Никто ничего не хочет, кроме того, что досталось ему на долю?

— Если он испытывает неудовлетворенное желание, то уничтожает его в себе... Гм... как бы это выразить... Ну, анестезируя, что ли, соответствующие фибры своего мозга или нервов. Мы все знаем, что счастье человека не в окружающем, а в том, как он к этому окружающему относится.

— Это, конечно, высшая мудрость. Так учат и древние, и наши фило-

софы. Но если на такого философа свалится кирпич...

— Вы забываете, что у нас такие случайности невозможны.

— Однако, вот вы претерпели же катастрофу, потеряли подругу и ребенка. И вы, вероятно, не первый. Неужели теперь вам не больно? Не тяжело без них? Вы за них не тоскуетесь? Не тоскуете?

— В этой нашей бездомной жизни мы не знаем того, что вы называете любовью, привязанностью, даже привычкой,—ответил Муни.—Переносясь в пространстве, меняя время, мы, как капли океана, сливаемся и расстаемся.

— Как я вас жалею!

— Да, конечно, это лишает нас того, что вы называете страстями. Но, скажите, вы их много испытали?

Тайный советник стыдливо потупил глаза.

— Не особенно. Я вел очень уравновешенную жизнь. Но все же в молодости...

— Чего же больше они доставили вам: радостей или страданий?

— Остались воспоминания.

— Ну, эта рухлядь остается и нам.

— Не в том дело. Я все же настаиваю, что если и для вас возможны катастрофы, то ваше счастье зависит не от одного внутреннего довольства. Такой толчок, который случился с вами и выкинул вас из всех орбит, мог, помимо вашей воли и вашей философии, испортить ваше настроение.

— Если бы он его испортил достаточно, вы бы меня не видели. Меня бы не было больше.

Как жаль, что этого не случилось!—подумал господин Тице, но, конечно, он не сказал ничего подобного и с самой любезной улыбкой продолжал со своим гостем философскую дискуссию.

III.

Первой каплей разразившегося ливня было появление репортера «Берлинской Недели» с взлохмаченными висками и пестрым галстуком. Лота и Мина, очевидно, наговорили

на базаре лишнего—пошла молва. Тице, с самой сановной неприступностью, удалил репортера, но это не помогло: на другой день явилось три других, а в «Берлинской Неделе» все-таки появилось сообщение, что в квартиру члена рейхсгерихта Тице проникла через камин необыкновенная обезьяна, которую Тице обучает человеческой речи. Затем пошли звонки в телефон. Виновиник всей этой сенсации попрежнему вел себя тихо и не выходил никуда. Он признавал все неудобства нестись на метр от земли по берлинской улице, а без своей сгущенной атмосферы выходить он боялся: так он был бы совсем беззащитным. Да и современная одежда представляла для него много трудностей и неудобств. Словом, он сидел смиренно и лишь Тице приходилось приносить ему из центральной библиотеки все новые и новые книги. Но несносные люди вмешались в то, что их совсем не касалось, и своей назойливостью превратили квартиру Тице в какую-то осаждаемую кунст-камеру.

Чем строже Тице скрывал своего гостя, тем больше репортеры стремились его увидеть. Мине был отдан приказ никому не открывать без опроса, но за дверью кухни послышался неистовый стук и крики:— Пожар!—А когда прислуга выскочила, то ворвался тот самый, первый репортер, и в одно мгновение оказался с кодаком в людской. Так была добыта фотография Муни. Другой репортер проник в виде молочницы. Зашевелилась и полиция. Из уважения к тайному советнику его, конечно, никуда не вызывали, но сам полковник Дейчке явился к нему.

— Ваше превосходительство, извините мой визит, но в газетах пишут такие вещи...

— Да, я, конечно, понимаю, что вы должны быть информированы. Все это мне очень надоело и совершенно не соответствует моему служебному положению. Вчера у меня с председателем был совсем неприятный разговор.

— Но тогда, ваше превосходительство, что же побуждает вас держать у себя такое странное существо?

Тице с раздражением развел руками.

— Что побуждает? Да что я могу вам ответить? Быть может, он слышит нас через всю квартиру посредством одного из своих дьявольских приборов. Как же я могу его удалить? Вы, конечно, осведомлены, чем кончилась попытка полиции.

— Но вам предлагали большой отряд.

— А если бы он тогда снес весь дом с лица земли?

— Тогда можно еще...

— Нет, уж пожалуйста. Я совсем не хочу рисковать. Мы—друзья с моим глубокоуважаемым гостем, и он делает мне честь остаться у меня, сколько захочет.

Полковник сдержанно улыбнулся, видя боязливое выражение глаз гостеприимного хозяина, и поспешил сказать:

— О, я вас понимаю. Но только разрешите мне все же сказать, что с точки зрения городского благоустройства...

— При чем тут городское благоустройство? Он не делает никакого вреда.

— Но может его сделать в любой момент. И притом известные вам обязательные постановления строго воспрещают держать в квартире домашних животных, кроме собак, кошек и птиц в клетках, без специального разрешения. А ваша обезьяна...

— Как обезьяна? Газеты наврали.

— Но он же четвероногий.

— Да он говорит, читает...

— И все-таки он может быть нами зарегистрирован лишь, как ученая обезьяна. Вам следует взять разрешение и внести налоги.

— Да его уж зарегистрировали, как человека.

— И за это моим подчиненным сделано строгое замечание. Ведь, если мы согласимся на это, то затруднения станут непреодолимыми. Откуда он? Где его въездная виза?

— Свалился с неба.

— Согласитесь, так же невозможно заполнить графу его листка. Если на нашу территорию падает летчик, пролетающий без разрешения, то его арестуют. Нет, уж извольте записать

его обезьяною; так будет гораздо удобнее.

— Господин полковник, вы с таким формализмом совсем не можете подойти к мало-мальски необыкновенному явлению.

— Необыкновенные явления нарушают порядок. Об этом я с вами и говорю. Все в жизни города должно соответствовать обязательным постановлениям. Но можно мне взглянуть на вашего шимпанзе?

— Как вам угодно.

Муни как раз был связан в узел для сна, так что полковник сразу поморщился с неприятным удивлением. Он протянул руку, но Тице поспешил ему напомнить об электрическом ударе. Впрочем, Муни еще не спал и любезно приветствовал посетителя пожеланием «доброго вечера».

— Видите, какой акцент, ваше превосходительство. Несомненный иностранец.

— Я сам не знаю, почтенный брат, — ответил Муни, — откуда я: с вашей ли планеты или с другой? Явился ли я из незапамятного прошлого или из далекого будущего, или из современного земному миру; я знаю только одно, что мой мир стоит на бесконечно высшей степени культуры, чем тот, где ты меня рассматриваешь с таким невежливым любопытством.

— Однако, вы, любезный, не забывайте! Вы имеете честь говорить с...

— Господин полковник! — с испугом перебил Тице. — Как вы хотите, чтобы он понял ваше служебное положение?

— Его выучат понимать! Я нахожу, ваше превосходительство, что, как человека, его возможно отнести лишь к бродягам, не желающим открыть своего звания и происхождения. Тогда опять есть вполне определенный параграф. Но, по-моему, его следует поместить в клетку, в зоологический сад. У вас он оставаться не может. В печати и в городе идут всякие вести и слухи, смущающие общественное спокойствие. А, главное, по вашим же словам, возможна и катастрофа.

— Ах, я именно боюсь, что вы к ней приведете! — жалобно произнес

тайный советник, провожая господина полковника.

Муни неподвижно смотрел им вслед, все завязанный в узел. В его зеленых глазах была тоска. Может быть, он вспоминал о своих пропавших близких? Или наш мир наскучил ему?

Эти вопросы с участием задала ему фрау Амалия, лично принеся ему вечерний кофе. Муни ответил, что о близких он не жалеет и за них не тревожится. Либо они счастливы, либо они в небытии. Но ему просто наскучило сидеть в комнате. Завтра он попробует полетать... О, совсем немного, лишь чтобы посмотреть на жизнь. Он вернется.

Такое известие привело господина Тиде в полное отчаяние.

— Да я потеряю место! Что я скажу председателю? Из квартиры члена рейхсгерихта будет взмывать за облака какой-то четверорукий акробат и возвращаться обратно в окно или трубу, на радость зевакам. Да вокруг нашего дома их соберутся тысячи. Их не разгонишь и пожарной кишкой! Вон и теперь проклятый телефон не перестает в одиннадцатом часу ночи!..

Звонил директор кабарэ «Зеленый Попугай», предлагая господину Тиде показывать за хорошую цену его человекообразное. Тайный советник в негодовании снял трубку.

— Единственная возможность иметь минуту покоя! Но этого часто нельзя. Телефон нужен по службе. Говорю тебе, если так будет продолжаться, вокруг нашего дома будет толпа.

— Фридрих, отчего бы тебе не посоветоваться с моим братом: может быть, вы вдвоем что-нибудь скорее придумаете.

Она знала, что Тиде очень уважает профессора Бартеляса, и сильно надеялась, что профессор, как инженер, знающий все достижения современной техники, сумеет как-нибудь выпроводить гостя или найдет иной выход из положения. Идея эта понравилась Тиде, и профессор был вызван по телефону. Надо было действовать спешно, чтобы предотвратить скандальный полет.

Но, выслушав взволнованных супру-

гов, профессор взглянул на дело с совсем новой точки зрения.

— О чем вы думаете? Да, ведь, у вас клад в руках!—воскликнул он.

— Что же, и впрямь показывать его в «Зеленом Попугае»?—окрысился Тиде.

— Нет, узнать все, что он знает, достижения науки его мира!

— Ах, я пробовал его спрашивать. Выходит совсем то-же, как если бы вы меня, судью, стали спрашивать о гидравлическом поршне или механизме электрического освещения. Я каждый час поворачиваю кнопку, но не имею понятия, как все это устроено. Вот и Муни такой же интеллигент...

— Очень жаль, но его приборы?

— Он их держит всегда при себе. Это какие-то черные ящички, вроде портсигара или маленькой шкатулки, разной формы. Из некоторых слышен какой-то гул, иногда мелькает искра, но что-же во всем этом разберешь?

— Ну, я пойму это лучше.

— Не даст он их.

— Он спит теперь, — тихо сказала фрау Амалия. — И если бы посмотреть...

Точно трое заговорщиков, они тихо прокрались в комнату, освещенную синим светом ночника. Глаза узя были закрыты, нос высвистывал свою обычную нежную мелодию. Вдруг фрау Амалия испустила радостное восклицание, быстро подавленное испуганным «Тсс!» «Тсс!» супруга.

В выдвинутом ящике ночного столика лежал черный кружок, очень похожий на карманные часы.

— Он вертел это, когда я принесла ему кофе, и, очевидно, забыл спрятать.

— Но, может быть, это в пределах его защитной атмосферы?—шопотом сказал Тиде.

— А вот посмотрим,—ответил инженер, без церемонии протягивая руку к ящику.

— Ах, милый брат! Осторожнее.

Но кружок без малейшего затруднения перешел в руки профессора Бартеляса. Он придвинул ближе ночник и стал рассматривать прибор.

— Гм... по виду металл вроде нашего железа. Ничего необыкновенного.

— Может быть, унести это в другую комнату?— сказала фрау Амалия.— Он может проснуться.

— Если он проснется и хватится вещи, то выйдет, что мы совершили воровство, — строго ответил старый судья. — А мы только хотим посмотреть и ничего больше. Это легко будет ему разъяснить в случае его пробуждения. Но он никогда не просыпается раньше утра. Ведь, его сон — полнейший, глубокий покой.

— Тогда у нас достаточно времени, — сказал профессор, вертя кружок. — Как же это открывается? Ах, вот тут какой-то шпинек...

Он вынул перочинный ножичек и стал что-то отвертывать. Черная струя вывалась из кружка, как из насоса, и ударила в постель. Фрау Амалия взвизгнула. Раздался оглушительный треск. Все трое остались невредимыми, как пушкар, выпалившие из пушки, но неожиданный выстрел, повидимому, причинил серьезные повреждения: от постели остались только четыре ножки и низ свесившейся перины, точно отрезанные ножом; пух разметелся по комнате — и уносился в огромное отверстие в стене. Мунн не было: он был унесен в этом вихре. Из кухни слышались крики. Туда выбежали супруги Тиде и профессор, растерянно сжимавший в руках кружок с отскочившей крышкой. В кухне Лотта лежала на полу в луже крови, без ног, металась Мина, а в плите и стене была такая же дыра и сквозь нее видна была освещенная улица. Там происходило смятение. Пока Тиде бросились на помощь искалеченной кухарке, профессор выглянул в эту дыру и увидел в 3 этаже дома напротив такое же отверстие.

Затем выяснилось, что неведомая струя пробилла все на своем пути от Берлина до Штеттина. Счастье, что Тиде жили не в нижнем, а в третьем этаже, и что, таким образом, направление выстрела оказалось достаточно высоко, чтобы умерить количество жертв. Пролети струя близко над землей, нельзя было бы определить их количество. Тем не менее, в одном Берлине было пробито 203 дома, причем убито 32, искалечено 10 человек. К числу убитых отнесены и пропавшие без вести, унесенные, как все, что попало, струе. За Берлином, по прямой линии до Штеттина, были также пробиты 72 дома, 2 колокольни и Штеттинский театр во время спектакля, так что в галлерее унесено было 7 человек. Всего человеческих жертв вне Берлина насчитано 54. О материальных убытках нечего и говорить. Затем, струя снесла трубы двух готовившихся отплыть пароходов и бросила в море все, несшееся в ней: людей, мебель, кирпичи, верхушки деревьев и телеграфных столбов. Из закипевшего моря вырвался огромный столб пара и в образовавшемся водовороте исчезло все, так что потом, лишь изредка, прибывало к берегу древесные обломки и части изуродованных человеческих тел. Стоявший на вахте парохода «Оксания» мичман Телле утверждает, будто видел, как из этого столба пара вылетел какой-то темный предмет и, поднявшись на значительную высоту, исчез из виду. Во всяком случае, вся эта катастрофа имела для господина Тиде самые печальные последствия. В рейхсгерихт предъявлено к нему исков на три миллиона золотых марок, и он подал прошение об отставке.

Рассказ ОТТО РУНГА

С датского перевод А. ГАНЗЕН

Иллюстрации М. МИЗЕРНЮКА

На одной из городских окраин приютился старый домик, принадлежащий старику Лямбеку. Он мог бы быть счастливейшим человеком в мире, если бы не страдал одной слабостью, не вбил себе в голову, что жизнь мало дала ему. Чего же ему не хватало? Сильных ощущений. Его вечным припевом было, что жизнь пресна и бедна, — не дает никаких крупных переживаний. Ложишься, встаешь, ешь и пьешь, набираешься мелкого опыта, но пережить что-нибудь крупное, что перевернуло бы всю твою жизнь — этого, видно, так никогда и не дождешься. Ему ведь уже 70 лет!

Жена была на три-четыре года моложе, добрая, простодушная, и желала одного лишь — жить со всеми в ладу.

По правде-то говоря, домик был лишь дачной лачугой и лежал одиноко в пустом поле. Это был странный участок, весь в ямах и рытвинах, поросший сорною травой.

Пришли тугие времена, и трудно стало жить на одни проценты. Им и пришлось в голову сдать одну комнатку жильцам. И, удивительно, нашелся-таки человек, который снял ее.

Это был тихий, молчаливый человек из Горсенса, как сказал он сам. Он прожил там много лет и скопил кое-какие деньжонки. Теперь нуждался в отдыхе, так как испортил себе глаза на конторской работе, и должен был постоянно носить дымчатые очки, а, кроме того, врач запретил ему выходить при дневном свете. Такого вот именно жильца старики и желали, а то, ведь, сдавать комнату не так-то просто, — неизвестно кого пустишь к себе!

Звали жильца Стромбергом. Он был высокий брюнет, очень худой, с пе-

здорово-бледным цветом лица, так что старуха сказала:

— Видно не сладко вам жилось там, откуда вы приехали!

Он смущенно грустно улыбнулся и согласился.

Вообще он был такой тихий, любезный, пожалуй, чуточку угрюмый. И как-то не входил, а проскальзывал всегда и в комнату, и из комнаты.

Когда он прожил у них несколько дней, они сами предложили ему столоваться у них, если он не будет слишком требовательным. И он с тою же грустно-смущенной улыбкой сказал, что вовсе не избалован.

Да, положительно, — редкий человек, — решили старики. В сущности несколько в духе молодежи их времени. Высшей похвалы они не знали. Настала полоса уютного житья-бытья для старика. Он прямо наслаждался, сидя с трубочкой в зубах, покачиваясь в старом кресле-качалке и рассказывая жильцу свою жизнь. Конечно, нельзя сказать, чтобы он пережил особенно много в своей табачной подвальной лавочке, но он умел извлекать многое из малого. Главным образом рассказывал он о том, что собирался сделать. Молодым человеком он намеревался уехать за море, поселиться в каком-нибудь негритянском королевстве... собирался отправиться добровольцем на разные колониальные войны... готов был примкнуть к полярной экспедиции... но всегда что-нибудь его останавливало.

— И благодари бога, — говорила жена. Но тогда он обижался и спрашивал: Уж не считает ли она его трусом? В нем как раз кровь искателя приключений, и все горе его в том,

что ему ни разу не выпадало случая испытать сильные ощущения.

Жилец скромно сказал, что слышал об одном таком человеке, которому хотелось испытать что-нибудь необыкновенное; и вот, он однажды встал на колени и взмолился, чтобы господь послал ему на долю что-нибудь особенное. Бог выслушал его мольбу, и, когда человек вышел из дому, ему на голову свалилась труба с крыши.

— Ну, я не в таком смысле,—опечалился старик.

— Разумеется,—ответил жилец,—и нет человека, который бы понимал сильные ощущения в таком смысле.

В другой вечер зашел разговор о преступлениях. Это было коньком Лямбека. Он читал лишь те газеты, в которых криминальный репортер был на высоте. Это так захватывает,—сказал он,—да и надо же знать, что делается вокруг!

Жилец нашел, что это печальная тема, но мало-по-малу втянулся в разговор, а, разговорившись, рассказал несколько замечательных историй о грабежах, подлогах и убийствах. Рассказывал он очень подробно, вызывая сладкую дрожь у старика. Старухе же стало жутко, и она предложила переменить разговор.

— Возблагодарим бога, что мы сами—люди честные,—сказала она.—Нет ничего хуже, как нечистая совесть.

— А что собственно тут общего с совестью?—спросил жилец.—Кто нарушает законы, тот рискует, как любой делец. Иногда удача, иногда неудача...—И он так расходился, что стал утверждать, будто преступление—самая естественная вещь, чтобы не сказать: нормальная! Можно лишать людей жизни на разные лады... и присваивать себе их деньги тоже... И почему благороднее делать это косвенно, а не прямо? Да, он почти готов утверждать, что преступники—грабители, убийцы, поступают честнее многих банкиров.

Лямбек кивал, старый дурак. Про себя он думал, что это рискованная тема, но любил выдавать себя за молодца, которому сам черт не брат.

— Вы представьте себе,—продолжал жилец,—старого мошенника, ро-

стовщика, нажившего полный сундук золота; вы знаете, что такие скряги попросту крадут деньги у нас всех, потому что ведь назначение денег—ходить по рукам. Я знаю одного такого вора... было бы прямо доброе дело отнять у него золото и пустить его в ход, для чего деньги и назначены!

Старуха рассердилась и вышла из комнаты.

— Он очень проиграл в моих глазах,—сказала она про жильца, когда они остались вдвоем со стариком.

— Да ведь это одна болтовня,—сказал Лямбек,—мало ли что говорится так себе, на ветер.

У жильца вообще были странные взгляды, например, он говорил, что в тюрьмы попадают и честнейшие люди, а злейшие плуты чаще всего гуляют на свободе. Что куда больше товарищества и честности между людьми, которых принято называть плутами. Честные люди были, по его мнению, чаще всего просто лицемерами, которым невыгодно было ссориться с законами. Себя он причислял в некотором роде к анархистам, и это делало его особенно интересным в глазах старика.

— Я знаю одного человека, сидевшего в тюрьме,—сказал он. Старуха даже слегка вскрикнула.—Ах, вы полагаете, что человек, сидевший в тюрьме, непременно выходит оттуда с клеймом на лбу? Уверю вас, что он с виду такой же, как все люди!... Так вот, этот человек был «обращен» тюремным пастором. Стал набожным! Но это было результатом тюремной атмосферы; ведь когда сидишь, надо выбрать либо то, либо другое... Мозг требует работы... Так вот этого человека помилости за хорошее поведение. Он вернулся в мир людей самым обыкновенным человеком с виду, только никогда не смеялся. Но в этом ведь и нет необходимости. Жизнь не очень-то веселая вещь!... Случилось ему встретиться с одной богато одаренной женщиной... Вы, пожалуй, сказали бы, что она дурная женщина, потому что жизнь она вела не особенно нравственную... Дорогая фру Лямбек, я знаю, что вы хотите сказать, но нравственность нечто иное,

как обычай... Не будем спорить!... Эта женщина, которую он полюбил и которая полюбила его, открыла ему глаза и научила его гордиться, считать для себя честью брать самому, не дожидаясь подачки. Все крупные люди в мире брали сами...

— Извините, — прервала его старуха Лямбек, — это уже кошунство... Я не хочу больше слушать!... — и она вышла в кухню. Старик покрутил головой и сказал: — Вы понимаете, жена моя — человек старой школы!

На другой день старуха прибирала комнату жильца, пока он сидел и бе-

спросил: нет ли у них точила. Ему дали точило и он принялся усердно оттачивать нож, насвистывая в такт какой-то мотив.

— Для чего вам служит такой нож? — спросил старик.

— Да... для чего вообще служит нож?.. — ответил жилец. — Всегда может пригодиться, как оружие.

В ту же ночь старик, проснувшись, заметил, что в доме сильно пахнет гарью, как будто жгли тряпье. Вскочив с постели, он увидел полосу света, падавшую из широкой щели в дверях жильца. В щель можно было даже заглянуть, что старик и сделал.

Старик громко читал газету... Его пронизала мысль, что убийца сидит с ним за столом...

седовал с ее мужем. Старухи вообще любопытны, как сороки, и вот, заметив, что из кармана пальто жильца болтается длинная черная тесьма, — она, конечно, потянула за тесьму и вытащила черную маску, вроде маскарадной дамской, но без кружев. Услышав, что в соседней комнате двинули стулом, она поспешила сунуть маску обратно, но, оставшись вдвоем со своим стариком, сообщила ему о своем удивительном открытии.

— Ну, что ж, — сказал муж. — Он ведь тоже мужчина. И, если бывает на маскарадах, так, по-моему, в этом нет преступления. Я замечал, что он иногда уходит из дому по ночам... Нас это не касается. Пусть забавляется на свои деньги, как хочет.

Вечером, когда они сидели и разговаривали о дневных происшествиях, жилец вдруг принес длинный нож и

Жилец оказался занятым очень странным делом: стоял около стола в одной рубашке, кромсал ножницами свою одежду, полнял куски керосином и совал в печку, где они весело горели. Лицо его было очень серьезно и он, видимо, торопился со своей работой.

Старик успокоился насчет причины горелого запаха, но когда улегся, задумался о том: с чего же это жильцу вздумалось искромсать свое почти новое платье? Другого объяснения, как то, что у жильца голова не в порядке, он не придумал и то же самое предположила старуха, когда он рассказал ей, что видел ночью.

На другой день они сидели за обедом все трое. Жилец явился в черной паре и, должно быть, от этого казался ужасно бледным. Почему-то нервничал и отвечал невпопад.

Пока они сидели за столом, при-

несли дневную газету. Старик был большой охотник до газет, особенно до всяких сенсационных сообщений,— в его собственной жизни было ведь так мало разнообразия. Сегодня он не был обманут в своих ожиданиях. Вся первая страница была занята описанием ужасного убийства, совершенного ночью накануне. Замаскированный грабитель забрался в квартиру одного ростовщика, произошла борьба, ростовщик с женой были убиты, а прибежавшая на помощь служанка получила серьезные поранения ножом. Ходившие слухи о том, что ростовщик хранил у себя на дому крупный капитал в золотой монете, не оправдались, и убийца поживился лишь небольшой суммой наличных денег, хранившихся в ящике.

Старик громко читал газету. Голос его дрожал, он не смел взглянуть на жильца. Во время чтения, его, как молнией, пронизала мысль, что убийца сидит с ним за столом. Все улики на лицо: убитый ростовщик... маска... сожженное платье!.. и лишь теперь понял он, что жилец в темных очках, скрывавших глаза, все время носил маску... это был не человек, а хищный зверь... волк в костюме Красной Шапочки!

Старуха все еще не сообразила, что между преступлением и человеком, сидевшим за их столом, была какая-нибудь связь. Она только ужасалась событию. А жилец ел с виду невозмутимо, только словно давился каждым куском, как птица слишком крупным червяком. Он всего раз чтение прервал вопросом:

— Стало быть, девушка осталась жива?

И старик многозначительно отвечил:

— Да, девушка осталась жива!..

Тогда жилец в упор посмотрел на старика сквозь темные очки, и тот понял, что выдал себя.

Как только жилец ушел к себе, старик увлек старуху в кухню и шопотом сообщил ей о своем подозрении. Старуха сначала перепугалась до умопомрачения при мысли о том, что у них живет убийца, потом опомнилась и верить не хотела мужу. Вечно

он со своими фантазиями! Просто бессмысленно так пугать людей! Недоставало только, чтобы у них поселился убийца... В таком пустынном месте, где до ближайших соседей минут пять ходу...

— Увидим,— сказал муж.

Когда вышли вечерние газеты, всякие сомнения рассеялись. Газеты сообщали самые свежие новости. Все столбцы были заняты подробностями убийства. Служанка оправилась настолько, что могла описать внешность убийцы. Это был высокий, худой человек с темными волосами, в сером костюме. Лицо было закрыто черной полумаской. Одновременно были найдены отпечатки пальцев убийцы, которые давали основания догадаться, что он был опасный преступник, только что выпущенный из Горсенской тюрьмы. Объявлена была награда в тысячу крон тому, кто поможет найти преступника.

— Что скажешь?—спросил муж.

Старуха ничего не сказала. Газета дрожала в ее руке так, что она не могла читать.

Тут дверь открылась и вошел жилец. Он снял очки, и они в первый раз увидели его глаза—желто-карие... острые, злые глаза хищного зверя на улыбающемся лице.

— Что нового в газетах?—спросил он.—Нашли... убийцу?..—Он с трудом вытолкнул из себя это слово.

— Убийц никогда не находят,— сказал старик.

— Их всегда находят, если только нападут на след,—возразил жилец и взял газету.—А! Тысяча крон награды! Это подействует. Всегда найдутся люди, случайно знающие, где он прячется, и они его выдадут, чтобы получить деньги.

— Я не выдам,—сказал старик.

— А вы что-нибудь знаете?

— Ничего мы не знаем,—поспешила сказать старуха.—Что нам за дело до всего этого.

Жилец поднял голову от газеты и уставил на стариков свои холодные глаза, словно перед ним были бездушные предметы. Так глядел он с минуту, не говоря ни слова.

— Кому и зачем выдавать его?—

слабым голосом проговорил, наконец, старик.

— Таковы люди, — сказал жилец и вышел.

В тот же миг старики бросились друг к другу и впервые за много лет обнялись, как люди в большой беде. И такие они оба были маленькие, жалкие, сморщенные, ни дать — ни взять — пара обезьянок, лgnuщих друг к другу.

— Он и нас убьет, — сказала старуха. — Нападет на нас ночью... Он догадался, что мы знаем, кто он.

Муж вздохнул и подумал про себя, что, пожалуй, немножко погорячился, желая пережить что-нибудь необыкновенное. Теперь, когда оно надвигалось, его охватывал ужас.

Старики не отходили друг от друга. Жена в кухню и муж за нею. Они шептались между собою, но при малейшем шуме в комнате жильца вздрагивали и замирали. Он сильно гипнотизировал их, как змея гипнотизирует птичек. В голове у них вертелись только две мысли или два чувства: страх за свою жизнь и надежда на награду. Тысяча крон была для них огромной суммой. Но они были парализованы. В первый раз в жизни встретились они с таким ужасом и не знали, как им быть.

Они подошли к окну и глядели на унылый пустырь вокруг. Теперь они видели, что живут слишком уединенно.

— Слишком уединенно мы живем, — сказал старик. — Ах, оставаться бы нам в нашем старом квартале у Сеперной заставы!

И снова они сидели молча, думая одну и ту же думу. И вдруг муж сказал нарочно так громко, чтобы слышно было в комнате жильца.

— Сегодня вечером сходим в город, в гости к моему старому приятелю Петерсену...

При этом он кивнул жене, как бы говоря: — Ты ведь понимаешь?

И она кивнула в ответ. Разумеется, она поняла. Это было так просто. Не могли же они остаться ночевать тут с убийцей! А уж раз они доплетутся до города, то будут знать, что делать.

Старуха приготовила жильцу бутерброды и уложила их на подносе. Не

пожалела самого лучшего, что только нашлось в доме из съестного. Старик же тем временем достал свою и старухину верхнюю одежду. Все сделано было так тихо, что в комнате жильца не могло быть слышно. Но у него слух был, видно, как у совы, — в самую решительную минуту, когда они собирались улизнуть из дому, он появился в дверях и впери в них глаза, как настоящее привидение.

Почтенные старики почувствовали себя, как воры, застигнутые на месте преступления. Жена затряслась так, что не могла вымолвить ни слова, а муж что-то проболтал насчет того, что они собирались навестить старого приятеля.

— Снимайте с себя пальто, — строго приказал жилец. — Вы должны остаться дома.

— Да почему же?

— Потому, что я не позволяю вам уйти. Кроме того, я вынул ключ из дверей.

— Что вы хотите сделать с нами? — спросил старик упавшим голосом.

— Ничего... пока, — ответил жилец и посмотрел на них ледяным взглядом. Он предоставлял себе свободу действий! Затем он повернулся и ушел к себе.

Объяснения никакого не произошло. Да в нем и нужды не было. Обе стороны раскусили друг друга. Старик дрожащими руками повесил пальто, а старуха сидела и плакала.

— Я чувствую, что он убьет нас, когда стемнеет, — твердила она.

В комнате рядом слышно было, как убийца шагал взад и вперед. Похоже было, что и его одолевают печальные мысли. Он все ходил и ходил без остановки, быстрее и быстрее, словно во все возрастающей тревоге. Старики сидели в безмолвном страхе и прислушивались, как кролики, запертые в клетке с удавом.

Начало смеркаться, и они пододвинули свои стулья поближе к окну, словно свет мог дать им какую-нибудь защиту. Они не сводили глаз с пустынной дороги, по которой никогда никто не проходил. Всего в нескольких саженях подальше чернела большая дорога, где развезжали автомобили с

людьми, которых можно было бы крикнуть на помощь. А еще подальше высились темные громады домов, где зажигались теперь один за другим огоньки и где люди жили в безопасности дверь в дверь.

По мере того, как уходил день, подкрадывалась к ним смерть, казалось им.

— Может быть, следовало бы помолиться?—сказал старик.

— Вряд ли это поможет,—высказала жена.—Мы ведь никогда не бываем в церкви.

— В том-то и беда,—сказал старик. Да, они были людьми простыми, прожили весь свой век в джунглях бедных кварталов и стали первобытными, полудикими, как те кочевники первобытных лесов, у которых нет богов, а только вера в существование злых сил.

— Зажжем лампу,—предложила жена.

Муж ошущью нашел стекло лампы, и оно весело задребезжало о колпак, так тряслись у него руки. Ужасный человек в соседней комнате услышал эти звуки и, показавшись в дверях, отрывисто бросил:

— Не зажигать лампу!

Старик попытался скромно возразить, но жилец повторил свое приказание и присел к столу, подперев голову руками, не говоря больше ни слова. И старики не посмели заговорить с ним.

Преступление как будто подняло его на высшую ступень, он стал для них не просто чужим, но с той минуты, как они узнали, что он убийца, он казался им как-то значительнее и загадочнее, и они понять не могли, как это обращались с ним, словно с самым обыкновенным человеком. Теперь он был похож скорее на короля, владыку какого-нибудь далекого племени канибадов. Они не понимали, как это могут существовать на свете такие люди, которые способны сидеть за столом, рассуждать о ценах на масло, о политике, попросить то-чико, наточить нож и пойти зарезать двух-трех людей. А что существуют люди, способные зарезать барана, было понятно!..

Душевная жизнь Стромберга была

в действительности не очень сложна. Он был специалистом по своей части, и ему все равно было—резать ли человека или жареного гуся. Тем не менее и у него, видно, были нервы, и ему показалось томительным это безмолвное сидение в потемках, потому что он вдруг сказал:

— Говорите о чем-нибудь! Ужасно нудно сидеть так и глазеть друг на друга!..

Когда же старик осторожно спросил, что он намеревается сделать с ними, он задумчиво произнес:

— Вот об этом-то я сейчас и размышляю.

— Вспомните,—сказала старуха,—что мы никогда не делали вам ничего плохого... и что мы оба такие старые!

— Так неужели же люди никогда не устают жить? Право, странно, что люди в вашем возрасте так цепляются за жизнь! И вообще, чего собственно вы расстроились? Ведь вы только о том и горевали, г. Лямбек, что никогда не испытывали сильных ощущений. А вот, когда вам довелось их испытать, вы дрожите, как ребенок!.. И что вы хотите сказать, говоря, что никогда не сделали мне ничего плохого? Вы сами знаете не хуже меня, что собирались пойти и продать меня за тысячу серебряников. Вы скажете, что это вы ради правосудия, не так ли? Убийца должен-де понести наказание? Но я побьюсь об заклад, что вам решительно все равно—понесу ли я наказание или нет, лишь бы вы получили свою тысячу крон. Постыдились бы! Лицемерие ведь все-таки низкий порок. Вы спекулируете на чужом преступлении, потому что у вас самих не хватает храбрости убивать людей. Но, если бы можно было убить богача одним взглядом, то не сделали ли бы вы убийцами много раз?.. Не говорите же мне о сострадании!..

Он подошел к окну и уставился во мрак. Потом, стоя так, заговорил опять:

— Скоро придет та женщина, которая любит меня. По вашему, я, конечно, злодей, но пока человека любят, он еще не совсем погиб. Я собирался озолотить эту женщину

золотом ростовщика. Но дело, как вы знаете, сорвалось. Она, однако, не покинула меня из-за него. Она раздобыла мне одежду и бумаги, и теперь мы с нею будем в безопасности. Вопрос лишь в том:—не вернее ли заставить вас обоих замолчать на веки? Вы просто пара старых болтунов, и ничего в вас нет хорошего. Но пусть она решит вашу судьбу!

Как раз в эту минуту в окно легонько стукнули снаружи. Он отворил окно, и ему сунули в руки сверток. Он обменялся несколькими словами

— Нельзя ли зажечь лампу?

Когда лампа была зажжена, старики увидели, что на жильца уже надеты наручники. Сзади выскользнула женщина... Одна из уличных бабочек... накрашенное существо с нахальной улыбкой.

Жилец посмотрел на нее страдальческим взглядом и спросил:

— Это ты меня выдала, продала?

— Она исполнила свой долг,—сказал один из полицейских...

На улице загудел автомобиль и они подтолкнули арестованного к дверям.

— Это ты меня выдала, продала?

с женщиной за окном и пошел отворить ей дверь.

Старики сидели в ужасе и ждали решения своей судьбы. Они слышали, как щелкнул ключ в замке... С минуту стояла мертвая тишина... Затем послышался отрывистый рев, шум бешеной схватки... Дверь распахнулась... Лучи сильных электрических фонарей пронизали мрак... Силуэты полицейских то вырисовывались, то пропадали в потемках, пока все не успокоилось. Слышно было, как тяжело отдувались люди... И чей-то голос сказал:

А старуха, без ума от счастья, что они спаслись, схватила женщину за руку и сказала:

— Он говорил про вас худое, но мы теперь знаем, что вы хорошая женщина!

Тогда убийца обернулся в дверях и в первый раз засмеялся, захохотал леденящим, дьявольским смехом... Смехом отверженцев на пороге ада.

И его увели.

А Лямбек упал на стул в обмороке, потрясенный сильными ощущениями.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЗВЕРИНЕЦ

Новелла Арнольда УЛИЦ

Иллюстр. Рудольфа ШЛИХТЕРА

Уже за четыре недели до прибытия цирка, в городе и окрестностях началось оживление и расцвела будничная жизнь. На специально выстроенных деревянных стенах, на заборах, даже на по-казенному мрачной тюремной ограде были расклеены гигантские плакаты. Вдоль железнодорожных путей, на лесных дорожках или среди грязных весенних полей везде бросалась в глаза реклама. В самых незначительных деревнях вырастали за ночь пышные деревянные сооружения, на которых красовались плакаты.

Люди были взволнованы. Наездники, акробаты, клоуны сами по себе не произвели бы такого действия, но этот гениальный директор цирка, избранный во всех плакатах во фраке и с великолепным орденом на шее, почувал тайную тоску людей по природе: он вез с собой зверей, зверей! Слонов, тигров, леопардов, верблюдов, обезьян, крокодилов, попугаев и редкого зверя—«броненосца». Все они в ярких красках расположились возле своего величественного начальника—орденоносителя. Печать одновременно сообщала, что в результате судебного процесса разрешено только этому предприятию называться «Величайшая выставка зверей трех материков». Да, сам Гагенбек в Гамбурге становился незначительным перед этим зверинцем. Война пожрала большие зоологические сады Европы. Были миллионы детей, не видевших никогда льва, и теперь в людях разгоралось страшное детское желание снова взглянуть на зверей, зверей, живших во всех сказках и снах, и которые давно были изгнаны из Европы. Люди мечтали о празднике встречи, они хотели испытать сладкое и жуткое сознание, что нечто такое еще существует, еще жи-

вет. У нас есть радио, есть подводные лодки, фотография на расстоянии. Существуют воздушные корабли, но существуют и львы, и слоны! Удивительно, удивительно!

Люди переживали тоску по природе, которая не знает машин, и поэтому велико было везде волнение.

Хозяин кабачка Артур Гильдемейстер обезумел от радости в первый день, когда появились гигантские плакаты. Этого человека можно было бы осудить за многое: плохой муж, мало усердный хозяин, пьяница, безрассудный игрок. Но вне всякой зависимости от этих качеств, он был большой любитель природы. В его трактире было пятьдесят различных певчих птиц. Он окрашивал каждые два месяца их клетки, строил им купальные домики, разводил червей для своих любимцев. Раз как-то ночью в клетку с соловьями ворвалась крыса и Гильдемейстер горько плакал, найдя утром одни перья. Одному синирию он бинтовал сломанную ножку и руки его становились так нежны, как женские, а скрипучий голос смягчался, когда он говорил про птичек.

У него был и аквариум, и он знал лучшие места, где находились амфибии, увлекался змеями и ужами. Как-то раз с восторженным видом он проезжал по воскресным улицам, держа в руке великолепный экземпляр ужа. Он был похож на мудрого мага и улыбался глупости всего этого народа, кричавшего с ужасом и отвращением: «змея! змея!»

Завсегдатаем кабачка Гильдемейстера был отставной кок—судовой повар, видевший все страны света. Этому человеку, большому лгуну, у Гильдемейстера всегда было готово даровое пиво, и когда он сочинял что-нибудь про фантастический рай на острове

Суматре или про австралийские заросли, хозяин точно пьянел от тоски по далекому и невиданному, и, чтобы заглушить эту тоску, заливал ее спиртом. Тут он приходил в состояние, которое больше всего любил судовой повар: он начинал угощать его лучшим коньяком, ветчиной и колбасами. Когда он угощал, он чувствовал себя большим человеком, ему принадлежал весь мир, а люди казались маленькими дурачками. В такие вечера он пил до потери сознания. Его укладывали на кожаный диван в задней комнате, где на него благотворно действовала прохлада. Там он спал до утра, пока его не будил свист, чирикание и пение его пятидесяти птиц. Гильдемейстер вскакивал, вставал с унылым лицом перед клетками, кормил певцов и растроганно жаловался:

— Как, вы еще берете пищу из моих рук? Вы не презираете меня, как презирают меня все люди? Я, ведь, не человек, я чудовище! Лучше мне было бы родиться животным!

Цирк прибыл в конце апреля. Директор появился, как настоящий магараджа, со свитой из двух тысяч человек, с сотнями редких зверей. Он привез свой цирк в шести особых поездах. Приезд его был необыкновенным событием. Полиция потребовала, чтобы поезда разгружали ночью во избежание заторов в уличном движении. Несмотря на позднее время, у вокзала часами толпились сотни людей. Самым неутомимым и ненасытным был Гильдемейстер. Он из газет точно знал все цифры: 400 лошадей, 28 слонов, 36 львов, 19 тигров.

Громко раздавались крики команды. Элегантные мужчины, ковбои, все артисты труппы бегали взад и вперед. Четверо служащих сопровождали величайшего в Европе слона. Уныло покачивались пуды живого мяса.

— Слон, слон!—взволнованно шептали люди. Разодетая в шелк директорша вела, как собаку, ручного леопарда. Говорили, что это был один из способов рекламы. Чорт возьми! Чорт возьми! Грузовой автомобиль тащил гигантский бассейн на колесах. Никто не мог заглянуть за железные стены, но все знали: морские львы!

Итак, в течение двух ночей на вокзале Гютербанхоф высадились чудеса всего света. Гильдемейстер был и во вторую ночь на наблюдательном посту. В три часа ночи он уже пересмотрел все, что можно было посмотреть. Трамваи уже больше не ходили, трактиры были закрыты. Гильдемейстер пошел домой, но, несмотря на поздний час, сделал еще большой крюк по Восточному Парку и тут в первый раз в эту весну услышал трель соловья. В блаженном состоянии, громко смеясь, тряс он за плечо спящую жену.

— Проснись, Анна, первые соловьи запели!

Неудивительно, что она подумала, что он снова пьян.

— Оставь меня в покое, сумасшедший!—рассерженно крикнула она и продолжала спать. Ведь она работала весь вечер, пока он глазел, точно ребенок, на бессмысленных зверей.

Он долго смотрел на нее. Потом произнес оскорбительное, бранное слово и не мог уснуть от ненависти.

— Я ее убью!—думал он содрогаясь.

Он заткнул уши, чтобы не слышать ее дыхания, но ему слышался собственный озлобленный голос:

— Я ее убью!

Ему стало страшно самого себя, он встал и сошел в темное помещение кабачка. Луна светила достаточно для того, что он собирался делать. Он сидел за стойкой, пил рюмку за рюмкой и громко разговаривал сам с собой, обезумевший, почти дошедший до идиотизма:

— Вы думаете, что вы люди!—рыдая кричал он.—Вы звери!

Но тут он опомнился, что обижает своих любимых зверей, испугался и зарычал, как одержимый:

— Вы думаете: вы—зверь! Вы—люди! Ха-ха-ха.

Три дня спустя уже красовались обширные легкие постройки. Тот манеж, в котором должны были даваться представления, был так велик, что артисты выступали сразу на трех аренах. Рядом стоял гигантский барак конюшни. По-американски замысловатая проволочная ограда высотой в

три метра окружала всю территорию цирка. Тысячи людей трепетали при одном виде этого экзотического города, выросшего в одну ночь. В балаганах рыкали львы, издавали трубные звуки слоны, кричали попугаи. Стучали динамо-машины. Раздавались звуки трех оркестров. Артисты и служителя трещали по-испански, по-индуски, по-английски. Цирковые представления были недоступно дороги, но выставка зверей, выставка зверей! Всего марка с человека!

Гильдемейстер оставил кабачек на попечение отца, сам же с пятилетней дочкой Кэтэ и женой, нарядившись попраздничному, потянулся к выставке зверей. Гильдемейстер обиделся, когда билетерша предложила ему купить программу, в которой были перечислены названия зверей.

— Я и сам сумею разобраться,— сказал он презрительно.— Я хоть и простой человек, фрейлен, но в зверях знаю толк.

— Не болтай чепухи!— остановила его Анна, в то время, как некоторые посетители стали хихикать. Это была первая неприятность в этот великий день. Но скоро радость заставила его забыть огорчение. Звери, звери! Кэтэ застряла слишком долго возле лошадей, которые казались ее отцу чересчур европейскими. Когда они, наконец, вошли в загородку со слонами и Гильдемейстер увидел самого гигантского слона в Европе, он стал смеяться, как безумный. Он хотел давать публике пояснения, но был так взволнован и так комкал слова, точно был сам ответствен за впечатление, которое должен был произвести слон. Он, конечно, купил булок и с важностью кормил ими слона. Он улыбался и дружески подмигивал ему. Правда, возле слона висел плакат:

— Осторожно, слон брызгается!

Но Гильдемейстер не боялся. Вдруг животное сделало глоток и пустило хоботом густую струю в дерзкого карлика. Публика кругом завизжала, но Гильдемейстер смеялся, смеялся, потом обернулся с сияющим и гордым видом. Он чувствовал себя польщенным и громко объяснял:

— Это очень приятно в такую индусскую жару!

Ему казалось, что его оросила сама природа, но Анна жаловалась:

— Твой новый серый костюм! Только бы не осталось пятен.

Они вошли в отвратительно вонючий балаган с хищными зверями. Он взволнованно втягивал в себя воздух и говорил хриплым голосом:

— Замечательно, замечательно!

Гильдемейстер втягивал эту вонь с каким-то опьянением и дрожал всем телом. Он грубо проталкивался вперед. Другие зеваки осмеливались ругаться, он окидывал их страшным взглядом.

— Кэтэль, взгляни сюда, видишь— это царь зверей!— простонал он.— Смотри, смотри, как он ухватил кусок мяса. Вот так порция, ха-ха-ха,— это добрых десять фунтов. Посмотри-ка, как он на нас уставился. Вот это глаза! А прутья-то в клетке толстые! Довольно-таки толстые!

Он смеялся тихим смехом, содрогаясь всем телом. Но девочка начала жалобно кричать и, когда он грубо прикрикнул на нее, она задрожала и заплакала:

— Мамочка, хочу домой!

— Оставь же ее в покое, Артур,— уговаривала жена. Публика начинала сердиться. Он передал малютку жене и проворчал сквозь зубы:

— Если вы не выносите львов, так вы... так вы... Просто несчастные вши! Убирайтесь отсюда, да живо! Вам здесь нечего делать. Вы обижаете львов. Ха-ха! Слышите: они уже стали ругаться!

Да, один лев начал, ему вторили другие, и люди стали боязливо отступать от клеток. Железные прутья, казалось, таяли в горячей страстности этого рева.

— Идите, идите,— закричал Гильдемейстер, и жена с дочкой ушли.

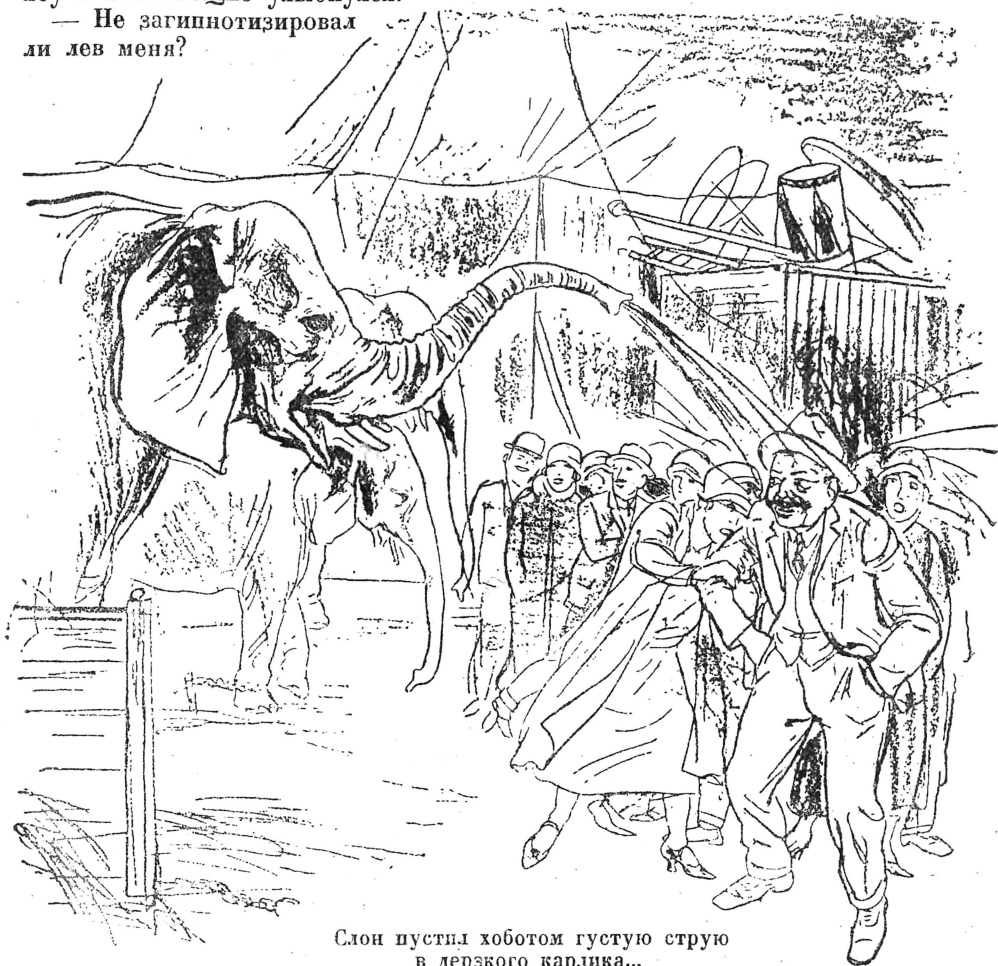
Он же приблизился к львиной клетке и смелым взглядом уставился на огромную морду льва.

— Я хочу его загипнотизировать,— думал он, и не отрываясь смотрел в большие кошачьи глаза. Лев зарычал. Но взгляд его стал странно тих и он долго спокойно смотрел на человека.

Глаза Гильдемейстера стали слезиться и голова его закружилась. Медленно, все же не спуская глаз со льва, он стал отступать от клетки. Ему казалось, что и животное глубокомысленно и невозмутимо смотрело на него. Выйдя на свежий воздух, Гильдемейстер зашатался. Он провел рукой по лбу и беспомощно улыбнулся.

— Не загибнотизировали лев меня?

он произносил злые слова. И вдруг, по этому раскрыванию и закрыванию клюва, Гильдемейстер узнал: да, ведь, это жена скорняка Оплера, которая по крайней мере раз в месяц жаловалась в полицию, что его гости пели за полночь. Он уже много лет не кланялся этой отвратительной особе.

Слон пустил хоботом густую струю
в дерзкого карлика...

И тут началось удивительное.

В первый раз он заметил это у попугаев. У одного из них, яркого зелено-желтого, было такое безжалостно-злое лицо, что Гильдемейстеру, не боявшемуся льва, стало страшно.

— Ах ты, падаль! — пробормотал он, — злая стерва!

Попугай раскрывал и закрывал клюв, не издавая ни одного звука, но глаза его так ядовито сверкали, точно

Встречаясь с ней, он делал презрительное лицо, иной раз даже совсем неприличное посвистывал. Тогда она так же начинала хлопать ртом, как этот попугай, и глаза ее кололи безжалостно и ядовито, как и глаза птицы.

— Как поживаете, фрау Оплер? — насмешливо шепнул он попугаю. — Разве вас не беспокоит весь этот шум? Вы, ведь, так чувствительны. А как

Он смелым взглядом уставился на огромную морду льва...—Я хочу его загипнотизировать,—думал он...

вам нравится сидеть здесь на жердочке с цепочкой на ноге? На вас шикарное платье, фрау Оплер, просто сногшибательное. Цвета очень красивые, но самые красивые цвета ничего не помогут, когда лицо такое, как у вас, понимаете?

Он хихикал. Его поведение уже начинало развлекать публику.

— Вы знаете эту особу? — громко спросил он. — Вои она сидит на жердочке. Ну, да, это жена скорняка Оплера. До свидания, фрау Оплер, до свидания!

Он снял шляпу. Понугай громко закричал.

— Да, да,—обрадовался Гильдемейстер,—это как раз вш приятный голос. Нет, она не певчая птица и пения не переносит. Ха-ха-ха.

Он раскатисто засмеялся. Его приняли за пьяного. Обрызганный слюном костюм также не говорил в его пользу.

В бараке с прохладительными напитками, открытым на все четыре стороны, Гильдемейстер выпил два стакана пива. Он веселился от души. Шляпа была сдвинута на затылок, ноги вытянуты далеко вперед, а глаза так бесцеремонно уставлялись на проходивших, точно он заплатил и за осмотр людей.

— Водки!—он пил и громко смеялся.

— Вот так штука! Кто же это там идет? Так называемый доктор Филипп Байер с супругой и сыночком? При виде его они делают крюк. Он это понимает, отлично понимает! Этот доктор должен ему по крайней мере одиннадцать марок. Хороший доктор! Супруга доктора разносит сплетни по всем лавкам, а когда она стоит с кувшином у молочной тележки, ей еще нужно паскоро рассказать, что Гильдемейстер бьет жену. Лгунья! Какая она жирная, какое у нее короткое платье и какие большие, плоские ноги! Да, ведь, это же не ноги, а плавники, ха-ха-ха! А какие круглые, черные и мокрые глаза! Он теперь понимает в чем дело: это морж, морж!

— Водки, водки, я же сделал замечательное открытие!

Он вскакивает на стул, чтобы смотреть вслед семье Байер. Хоп-ла, вот стоит знаменитый доктор! С этим дряблым подбородком, сбегаящим в высокий воротник, как грязная струя помоев, с этой жадной головой и длинной шеей... Гиена, конечно, гиена! Как она трусливо уклоняется от встречи с сильным Артуром Гильдемейстером! Эта парочка напрасно сидит каждое воскресенье в церкви. Человек какими-то темными способами пробивается в жизни. Теперь он стал магнетизером. Он живет больными, полумертвыми людьми, людьми, мозг которых во всяком случае уже идет к разрушению. Гиена, гиена!

Теперь, вдруг, перед глазами несчастного, потерявшего почву Гильдемейстера, произошло превращение всех людей.

Вот выступает добродушный, массивный папаша, ведя за руки двух великолепных сыновей.

— Ради бога, не брызгайтесь, сударь! — призывно хмурясь, но улыбаясь, сказал Гильдемейстер. — Я никому не скажу, что вы слон. Это останется между нами.

А вот задорная девушка, в белоснежном платье, одетом на красный чехол. Он нежно и ласкающе просвечивает сквозь белую ткань.

— Ах ты, милый, маленький фламинго!—прошептал Гильдемейстер. —

Распусти-ка крылышки! А ножки у тебя стройные, должен сознаться.

Вон тот мужчина ученого вида — точь-в-точь обезьяна, а меланхолический, поседевший на службе кассир, так похож на полярного медведя. Этот неуклюжий мещанин с порхающей женой, которая сердится, что ее муж так мало элегантен — никто иной, как черный волк, жена — колибри. Как смешотворно это переседание! Зверь все равно выглядывает из всех этих нарядов!

А вон трогательная семнадцатилетняя девушка: это жеребеночек. За ней — отвратительный болгарский бык, тяжеловесный, с выпученными глазами. А этот дьявольский мальчишка, этот легкомысленный, веселый бездельник!..

— Добрый день, господин леопард, меня вы не обманете, я вас знаю!

— Здрасте, здрасте, — смеется леопард и по-военному отдает честь Гильдемейстеру.

Перед глазами Гильдемейстера произошло превращение всех людей в животных...

Гильдемейстеру бесконечно жаль этого человека, и он безгранично презирает его жену. Фу, фу, что за существа эти женщины! Некоторые не идут, а вьются, как змеи. Да, это проклятые медянки! Но вот простенькая девушка, такое же дитя народа, как и он сам. Ах, ах! Гильдемейстер расстроган. Ведь, это же соловей. А тот господинчик, который увивается за ней с такими нечистоплотными взглядами, точно обнюхивающий все женственное, да это — собака!

— Ау, ау, — дразнит Гильдемейстер, — ей вы, молодой человек, ау, ау!

Среди женщин, к счастью, попадаются исключения. Вот, например, эта хорошая женщина с тремя детьми. Один целый и три половинных билета. Всего две марки пятьдесят. Для кармана матери это было не легко, это сразу видно. Бедная, добрая лошадь! Да, конечно, лошадь. Лошади хорошие животные, лошади — матери.

Вон молодой человек в широких брюках. Гильдемейстер уставился на него и сказал было по старой привычке: — Обезьяна!

Но вдруг он ударил себя по лбу и, точно узнавая незнакомца, закричал:

— Баран, баран, баран!

Кельнер думал, что Гильдемейстер требует водки.

— Вы только посмотрите, — засмеялся Гильдемейстер, хлопая его по плечу, — ведь, каждый человек точь-в-точь похож на какого-нибудь зверя.

— А кто же вы сами, смею спросить? — с оттенком нахальства задал вопрос кельнер.

Гильдемейстер не отвечал. Кельнер уже давно отошел к другим посетителям, а Гильдемейстер все еще прислушивался к сказанной им фразе.

— Да, кто же я? Кто же?

Он уплатил и пошел пройтись, чтобы найти среди зверей свой портрет.

Он затаил и глаза его были грустны. Он шел по течению людской толпы, испытывая чувство сладкого беспокойства.

У бассейна с мсржами он остановился и кивнул головой жене доктора Байер, сверкавшей мокрым, жирным телом. Потом он прошел к клетке с заграничными курами.

— Ясно, что моя жена хороша курица, — подумал он. — Но кто же я-то?

До него донесся дикий аромат барака с хищными зверями. Он вошел

в него и увидел своего старого приятеля, льва. И тут он вдруг понял, что он сам — лев.

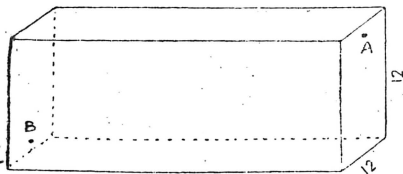
Он долго упивался взглядом ужасных кошачьих глаз. Руки его дрожали. Он одним прыжком перепрыгнул через барьер, отделявший клетку от публики, схватил железный прут, лежавший там всегда для укротителя, и таким же прыжком вернулся назад. Гильдемейстер был ужасен. На мертвенно-бледном лице горели глаза и в человеческую гущу направо и налево он наносил смертельные удары. Он гнал перед собой толпу, и звери, которым передавалась паника людей, тоже начинали безумствовать. Раздавались крики ужаса, мольбы о помощи. Служащий персонал ничего не мог поделать с Гильдемейстером. Безумец ревел, как лев над куском мяса. Наконец, одному из укротителей львов удалось сделать то, что ему казалось необходимым. Он спокойно пошел навстречу сумасшедшему и из револьвера, которым так часто пользовался в львиной клетке только ради эффекта, выстрелил в Гильдемейстера и убил его наповал...

Зверинец зажил своей обычной жизнью...

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 1.

Внутри прямоугольной комнаты, длина которой равняется тридцати футам, а ширина и высота двенадцати футам, сидит паук. Он засел в точке А, посреди стены, в футах расстояния от потолка. На противоположной стене, в центре ее, и в расстоянии одного фута от пола, сидит муха. Нужно

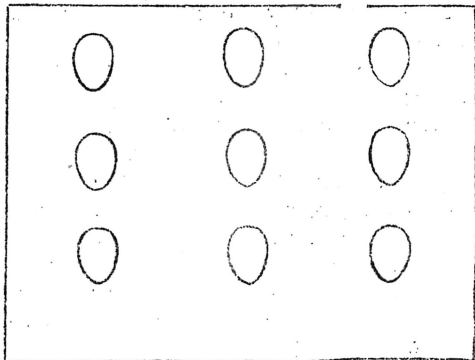

найти кратчайшее расстояние, которое проползет паук, чтобы поймать муху, остающуюся неподвижно на одном месте. Паук не будет падать или пользоваться своей паутиной для спуска, он будет только ползти.

Ответ см. на стр. 78.

Задача № 2.

Можете ли вы соединить эти девять яиц четырьмя прямыми линиями?

Ответ см. на стр. 72.

За работой

Быль из жизни углекопов

Рассказана П. ОРЛОВЦЕМ

Иллюстрации И. ВЛАДИМИРОВА

Павел Иванович Бойко — старый шахтер.

И родился, и вырос, и состарился около Юзовки, полжизни, можно сказать, провел под землей, а полжизни проспал на земле. Только по праздникам видел свет солнца, когда, по обыкновению, ходил из поселка в город — посидеть в дешевой чайной или пивнушке, побеседовать за чашкой чая или стаканом пива с приятелями и встретить знакомых.

Никто так не чувствует праздник, как шахтер, никто так не рад свету и солнцу после шестидневной тяжелой работы в мрачных забоях, на глубине ста пятидесяти сажен от поверхности земли, в таинственной тишине земных недр, при тусклом мерцании шахтерских лампочек.

Да, Павел Бойко — старый, опытный шахтер, и вид, и характер у него шахтерский. Каменноугольная пыль так въелась в его кожу, что никаким мылом не смоешь. Он молчалив, суеверен, силен и вынослив, всегда словно к чему-то прислушивается. Прислушиваться научился он в шахтах, где каждый малейший шорох имеет значение. Тонкий слух опытного шахтера всегда уловит едва слышный шум, когда песок сыпется с потолка подземной галереи, или шум подземного ручья. Шахтер знает, что осыпавшийся песок грозит обвалом, а прорвавшийся в галерею поток может в несколько минут затопить все подземные корридоры и шахты.

Смерть — невидимка витает под землей.

Бойко, как и многие старые шахтеры, суеверен, верит в привидения, чертей и приметы, и никогда не до-

пустит, чтобы в шахту спустилась женщина. Встретить под землей женщину — значит, что с шахтером обязательно произойдет беда — либо взрыв угольного газа, либо обвал, либо вода затопит шахту. Все равно, как старые моряки верят, что корабль пойдет ко дну, если на стоянке крысы покидают судно. Молодежь смеется над Бойко. Пусть смеется. Молодо — зелено! Пускай-ка проживут под землей столько, как он, пусть встретят «Белую женщину», тогда другое запоют. Старики говорят, что не бывало еще случая, чтобы человек, увидав под землей «Белую женщину», остался после этого в живых.

За последние годы слухи о «Белой женщине» как-то совсем прекратились. И вдруг между шахтерами шахты № 1 опять пробежала тревожная весть: — Белая женщина. Кто-то видел ее в одной из боковых галерей. Кто видел — неизвестно. Умер забойщик Пархоменко. Вероятно, он и видел. И когда однажды молодой шахтер, Петро Виткиль, спросил Бойко:

— А як вона бродит и живет без пищи?

Бойко сурово цыкнул:

— Молчи, дурак! Где же то видано, чтобы душа принимала пищу и ела бы гороховую похлебку или дыню?!

А так как молодежь, желая потешиться сказкой, пристала к нему с просьбой рассказать о «Белой женщине», Бойко в сотый раз поведал слушателям необыкновенную историю приведения.

— Давным давно, когда в шахтах работали еще прадеды теперешних шахтеров, в одном шахтерском поселке жила девушка, по имени Оксана.

Бойко.

Славная была дивчина, стройная, белая, пышная как персик, русая коса—ниже колен. А как оденет в праздник свой лучший наряд, уберет косу лентами, да украсит шею и грудь монистами, так все парубки головы поте-ряют.

Молодой шахтер, Степан, здорово любил Оксану, да и Оксана любила его. Ну, известно, когда парочка любит друг друга,—дело кончается свадьбой, весельем и гопаком. Но у Степана был товарищ, тоже молодой шахтер, Грицько, не меньше Степана влюбленный в Оксану, хотя дивчина и не любила Грицько. Так неудивительно, что Грицько затеял недоброе дело, чтобы избавиться от соперника. Когда человек влюблен как кошка, чорту легче всего загнать его в пекло и научить его какой-нибудь пакости. Так случилось и с Грицько.

Сидел как-то Степан у Оксаны, пришел и Грицько. И было то в праздник. Вот и говорит Грицько:

— А что бы нам спуститься в шахту? В субботу, вчера, совсем и забыл сказать штейгеру, что в шестой боковой песок сквозь потолочные скрепы сыпется. Как бы не завалило к завтраму. Надо было бы подпорки сегодня поставить, пока не поздно, а то завтра много времени на починку уйдет.

— Что ж, пойдем,—согласился Степан.

Спускались парубки в шахту по лестнице, завел Грицько товарища в дальнюю галерею и убил, а тело в заброшенной галерее закопал. Сначала было Оксана ничего не думала. И вдруг ее словно кто в бок кулаком стукнул. Учуяло сердечко беду. Ждет час, другой—нет ребят. Сама не знала, как схватила нож и лампу, как добежала до шахты и спустилась в нее. Подъемных машин тогда еще не было, а спускались либо по лестнице, либо в большой бадье. Ну, спустилась она,

бегает по галереям, кричит, зовет. Забежала в заброшенную галерею. Там подпоры едва держатся. И вдруг видит идет Грицько. Лицо—как мел, идет—шатается, в руке топор и кровь на нем. Все поняла Оксана.—Где Степан?

Ничего не ответил Грицько, только очи огнем недобрым сверкнули. Бросилась на него Оксана с ножом и завязалась у них борьба на смерть. И катались они по земле, царапались, бились о скрепы и подпорки, пока не ударились о совсем подгнившую подпору. Подпорка и две потолочные балки не выдержали и рухнули, и страшный земляной обвал придавил их на веки.

На следующий день шахтеры откопали трупы, вытащили наружу и похоронили, но душа Оксаны осталась под землей и с тех пор бродит белым привидением по всем шахтам и стонет, отыскивая Степана. И кто встречает белое привидение—гибнет.

Молодежь не мало смеялась над рассказом Бойко и старый шахтер ушел разозленный и возмущенный:

— Ось подывитесь, добрии люди, яки растут шалаганы!

А слух о появлении «Белой женщины» продолжал расползаться по поселкам.

Утро. Резкий гудок прорезает воздух и несется над покрытою каменноугольной пылью землей с чахлою травкой, над черными от копоти поселками шахтеров. Там и сям в степи виднеются надшахтенные постройки и огромные холмы добытого угля. Черные люди с кайлами медленно выползают из домов и тянутся группами и одиночку к шахтам. Темной веревкой подходят к надшахтенной постройке, заходят в ламповое отделение, где заведующий снабжает их шахтерскими лампами с предохранительными сетками. Длинная очередь вытягивается около подъемной машины. Шахта № 1-й самая глубокая в Юзовском районе. Сто пятьдесят саженей. В шахтенном колоде ходят две подъемные машины. Резкий звонок. Дверь машины открывается и Бойко с десятком товарищей входит в нее.—Дзынь! Машина стремительно летит

вниз. Сначала — ощущение падения, потом начинает казаться, что летишь вверх. У новичков кружится голова. Лампочки на поясах тускло освещают срубы стен шахты, мокрые от просачивающейся подпочвенной воды. Она дождем падает на дно колодца, откуда насосом откачивается на поверхность земли. Летящая вниз машина мягко останавливается и шахтеры под проливным дождем выскакивают в большую пещеру — «двор», откуда берет начало продольный штрейх. От него под землей в обе стороны идут боковые галлерей, соединяющие основной штрейх с другими, параллельными, а те, в свою очередь — с новыми. Целый подземный лабиринт, где так и свистит ветер. Шахтенных колодцов — два. В один воздушным насосом накачивается сверху чистый воздух, через другой — выкачивается испорченный. Если бы не этот искусственный сквозняк, тут можно было бы задохнуться от жары.

Бойко по обыкновению заходит в конюшню. Он любит и жалеет лошадей. Бедные животные! Им уже не суждено видеть солнце! Их спускают для подземной работы, раз и навсегда. Тут они возят вагонетки с углем, слепнут от работы в вечной тьме, и поднимаются на поверхность земли лишь когда превратятся в бессильных клоч.

В большой пещере — конюшни жарко, и свободные лошади стоят потные. Бойко ласкает одну, другую, и идет к забою, переходя из галлерей к галлерее. По продольным штрейхам проложены рельсы. Кое-где дрожат и двигаются огоньки. Это мерцают лампочки шахтеров. Несколько подвешенных к стенам ламп освещают галерею.

— Береги-ись!

Бойко прижимается к стене и груженная углем вагонетка проезжает мимо, к шахте.

Стены и потолки корридоров — из деревянных брусьев. Без этих скрепов земля обвалится и засыплет людей. Бойко хорошо знает подземный мир, он идет уверенно, словно по городским улицам. В одной из поперечных галлерей он нагоняет свою партию.

Вот и забой. Тут идет самая выработка угля.

Огромным пластом, в два метра толщины, идет он в недрах земли. Миллионы лет лежал он скрытым от человеческих глаз. Миллионы лет назад там, где сейчас лежит уголь, была поверхность земли, покрытая боло-

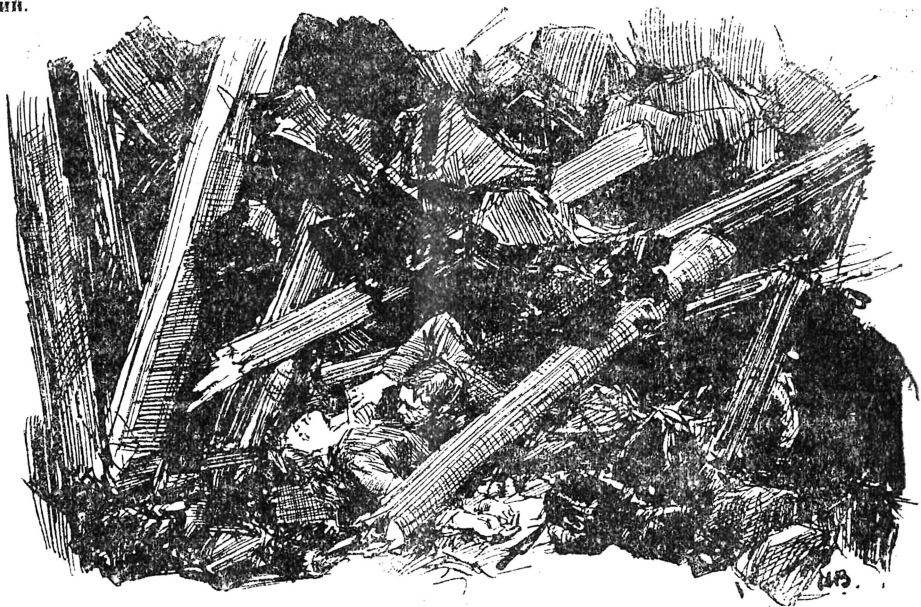
тами, на которых росли гигантские папоротники. Росли, падали в воду, на их месте вырастали новые и падали в свою очередь, образуя под водой толстые слои древесной массы. Ветры наносили сверху песок и землю и там, под землей, в этой химической лаборатории, при слабом доступе воздуха, совершалось чудесное изменение: павшие деревья в продолжение тысячелетий постепенно превращались в каменный уголь.

Миллиарды, трильоны пудов драгоценного угля хранит в себе земля. В Донцком бассейне, на Урале, Кавказе и в Закавказьи, в Подмосковном районе, в Сибири, на Камчатке и на Сахалине добывается это черное золото, благодаря которому сохраняются от вырубок леса, а следовательно и реки; черное золото, поглощаемое тысячами паровозов, пароходов, заставляющее работать бесчисленное множество фабрик, заводов и мастерских. Донцкий бассейн — самый крупный по выработке. Тут добывается и твердый, черно блестящий антрацит, дающий почти без огня самый сильный жар и очень мало золы, добывается и обыкновенный черный уголь хорошего качества, хотя и уступающий антрациту, и бурый, мягкий уголь. Миллионами тонн выкидывают черные люди драгоценное топливо на поверхность земли, откуда тысячи поездов развозят его по всей республике.

Забой, где работает Бойко, невысок. Толщина угольного пласта в этом месте — два с небольшим метра. Сорт — антрацит. В нем больше всего угле-рода (90 и более процентов).

Оксана.

Страшный земляной обвал придавил их на веки.

В самом городе Юзовке, на огромных заводах, антрацит обжигают в кокс, отгоняют из каменного угля угольную смолу, из которой получают, путем горячих перегонки и химических соединений, разные побочные продукты, вроде сахара, креозота, аспирина, салицилового натра, красок и прочее.

В забое душно. Здесь уже нет сквозного ветра. Шахтеры снимают блузы, вешают лампочки на вбитые в стены колышки, вооружаются кайлами. Двое подростков-салазочников появляются с санками. На их обязанности — отаскивать волоком нагруженные санки до штрейха, где проходят рельсы. Тяжелая работа!

Стучат кайлы. В таком забое сравнительно легко работать. Другое дело в забое, где пласт толщиной в метр, а то и меньше, где приходится работать как в щели, лежа на боку и вырубая куски угля.

Спустя час пришел штейгер.

— Шпур!

Шпур — это сверло. Штейгер ловко просверливает в каменноугольном пласте шесть глубоких отверстий, вкладывает в них динамитные патроны и бикфордовы шнуры.

— Отходи!

Бойко с товарищами подхватывают лампочки и инструменты и бросаются

из забоя. В забое остаются лишь штейгер и один из рабочих.

— Зажигай! — командует штейгер.

Почти одновременно зажигаются все шесть фитилей, и штейгер с помощником убегает за остальными. Минута... другая. Шесть почти слившихся взрывов сотрясают почву и скрепы галлерей, и снова подземное царство замирает в мертвой тишине. Штейгер все же выдерживает несколько минут и лишь после того возвращается со всеми в забой.

Кучи каменноугольных глыб загрозмили забой. Штейгер оглядывает их и уходит, а Бойко с товарищами принимается дробить оторванные от пласта глыбы, в то время, как подошедшие плотники крепят подпорки и потолочные балки. Пот ручьями льет с лиц, черная пыль покрывает тело. Бойко мощными ударами кайлы дробит уголь и думает... о «Белой женщине». Далась она ему, проклятая! Из головы не выходит, словно гвоздем врезалась! Откатчики то и дело вытягивают из забоя нагруженные сани, один впрягаясь в ямку спереди, другой наваливаясь на санки сзади. И лишь обеденный перерыв прекращает работу. Наверх не поднимаются, обедают, или вернее сказать — завтракают, тут же, в забое, принесенной с со-

бой провизией, глотая вместе с нею и черную пыль.

— Шабаш!—Работы кончены и к выходной шахте со всех сторон тянутся из продольных и боковых галлерей шахтеры. С фонарями на поясах и кайлами в руках спешат они к солнечному свету после шестичасовой работы.

Бойко шагает спокойно, не спеша, проходя штрейх за штрейхом, сокращая путь заброшенными, выработанными боковыми галлереями. «Белая женщина» не выходит из ума. И вдруг гонимый слух заставляет вздрогнуть старого шахтера. Да, да, так и есть, впереди осыпается с потолка земля. Бойко скорее чувствует, чем слышит. Он останавливается... Легкий треск... Это трещит потолок... Обвал может произойти каждую секунду... Тут короткий момент. Бойко сгибается, как гир перед прыжком.

— Эх, пронеси нелегкая!

И, словно преследуемый сотней врагов, он кидается вперед. Он спотыкается о кучу песка. Лампа гаснет. Бойко вскакивает на ноги, снова устремляется вперед... Страшный зловеющий треск за спиной будит мрак.— Тррах!.. Гуп!—Так и есть—обвал. Поперечные балки ломаются как щетки, земля заваливает проход.

Но Бойко спасен. Если бы он промедлил полминуты, — все было бы кончено. Стучаясь впотьмах о стены и спотыкаясь, он выбегает в одну из продольных галлерей. Он кричит, зовет, и мигающие огоньки быстро движутся в его сторону.

— Что случилось? Где?

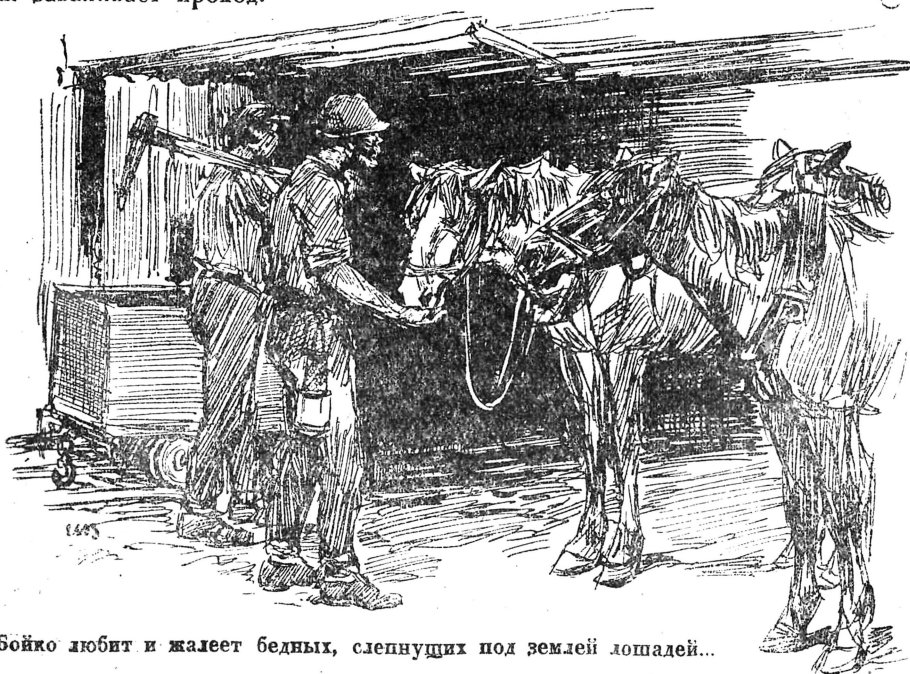
— Обвал!

— Обвал в соединительной!—передается из уст в уста.—Дать знать наверх!—Звонят телефоны, мечется подъемная машина. А что, если сзади Бойко были еще люди? Что если земля взяла свои жертвы?

Прибегают штейгеры, инженеры, на вагонетках подвозят строительный материал. К чорту усталось! В такие минуты шахтеры сплываются в одно целое и работают, как львы.

Кипит работа. Лопатами откидывают обвалившуюся землю, в то время как плотники вновь крепят стойки и перекладины. Инженеры руководят работами. Несколько часов длится лихорадочная работа. Но опасения напрасны. За обвалом нет людей. Это выясняется, когда галлерея снова почищена. Усталые и потные, но зато успокоенные, шахтеры поднимаются на поверхность земли.

Бойко угрюмо шагает домой. Он

Бойко любит и жалеет бедных, слепнувших под землей лошадей...

спасся от верной гибели, но почему «Белая женщина» не выходит из голы? Не она ли и обвал сделала?

Снова забой, снова тяжеловесные удары кайл. Со дня обвала прошло недели две, и все забыли про него. Один Бойко продолжает нервничать. Положительно, он потерял прежний покой! Даже товарищи замечают перемену. Скоро уж конец работе. Бойко чувствует усталость.

На-днях ему пришлось быть в забое № 6, где работают не взрывами и не кайлами, а новейшими машинами. Тут работа легче и выработка больше. Механизация труда. Широкая плоская цепь — лента, с насаженными на нее стальными острыми пальцами, вращается вокруг трех вертикальных барабанов, поставленных в виде треугольника. Машина движется паром, и когда ее устанавливают около пласта, рвет куски каменного угля, как мы отрывает пальцами куски булки. Бойко слышал, что скоро во всех забоях будут поставлены такие машины, и очень доволен. Беда только, что с введением машин, пожалуй, окажутся лишние несколько десятков, а то и сотен рабочих. Каждая медаль имеет свою обратную сторону. Чорт бы взял вообще все эти машины,

если они отнимают у человека кусок хлеба!

— Кончай!

— Кончай! — несется из забоя в забой.

Гулко раздаются под землей шаги. Светлячки устремляются к выходной шахте, сгущаясь по мере приближения.

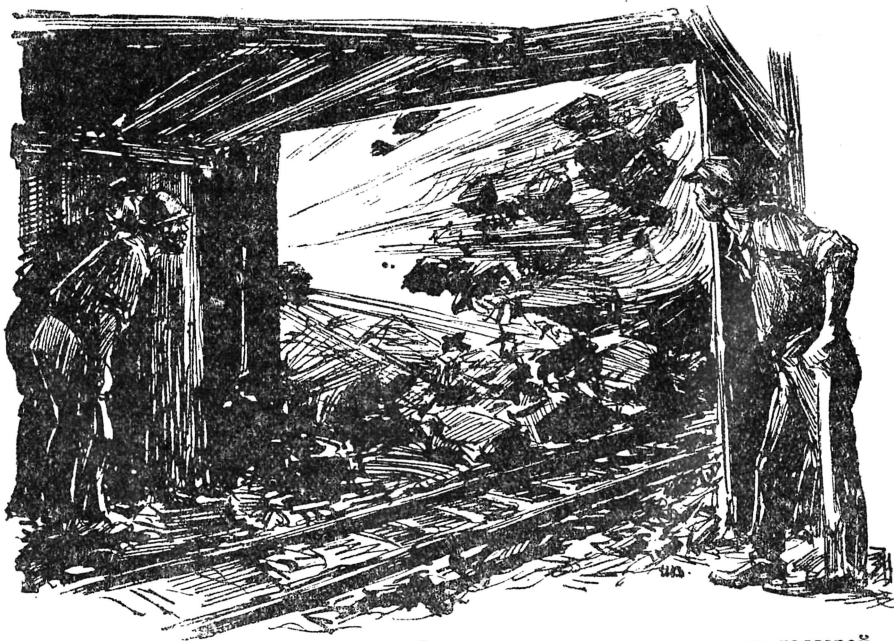
Бойко проходит сеть малых галлерей и штрейхов. Он сегодня рассеян и идет, сам не зная куда. Он приходит в себя только тогда, когда замечает, что идет совсем необыкновенным путем. Где он? Что за дьявольщина! Да ведь это третья продольная, самый конец третьей продольной! За конем чортом попал он сюда? Бойко поворачивает назад, делает сотню шагов и волосы на голове становятся дыбом. Дрожь судорогой трясет все тело, зубы не попадают на зубы и лязгают как в лихорадке.

— Она!

Она, она, тут не может быть сомнения! Вон, впереди, медленно колыхается в воздухе длинная белая фигура в длинном платье или саване...

Бойко хочет крикнуть, но судорога сжимает горло.

«Белая женщина» тихо колыхается в воздухе, не то оставаясь на месте,

Взрыв сотрясает почву и скрепы галлерей...

Медленно колыхнется в воздухе белая фигура в саване... Бойко хочет крикнуть, но судорога сжимает горло...

не то медленно плывя вперед. Она становится больше, шире, она испускает какое-то странное шипение, переходящее почти в свист.

Бойко дико вскрикивает и без чувств падает на землю. Лампа гаснет...

— Тьфу, чтоб тебе!

Шахтер Коваленко чуть не падает, спотыкаясь.

— А ведь никак кто-то лежит?! Эге-ге, да никак Бойко! Ну, так и есть! Не иначе как случилось что...

Он и Свиридов наклоняются к бесчувственному телу. Сердце бьется, ран не видно, только две ссадины от падения.

— Свиридов, покликай вагонетку.

Бесчувственного Бойко подвозят во «двор», поднимают вверх, зовут врача. Больной бредит «Белой женщиной»:

— Она, она... Зачем она ходит в третьей продольной?.. Я не хочу умирать!..—Нашатырный спирт и холодная вода возвращают ему сознание. Но он бледен и глаза смотрят испуганно. Губы шепчут безсвязно:—Белая женщина... я... я видел... Летит... третья продольная...—Он окончательно приходит в себя. Он со страхом рассказывает о привидении, он плачет, потому что не желает умирать. Кто уви-

дит «Белую женщину», тот не жилец на свете. Доктор подозрительно смотрит на него.

— Все это вздор, но возможно тут что-нибудь есть. Во всяком случае я советовал бы посмотреть в третьей продольной. Не может быть, что такой опытный шахтер испугался несуществующего!

И пока Бойко лежит под навесом, инженер, штейгер и четверо шахтеров опускаются в шахту.

Старые шахтеры неодобрительно покачивают головами:—нехорошо испытывать судьбу и лезть на рожон, довольно и одной жертвы! Они верят, что хотя Бойко еще и не умер, но обязательно умрет.

Подземный мир не шутит. Всем еще памятен взрыв гремучего газа, стоивший три года назад жизни четверым шахтерам. Они вошли в новый забой и не обратили внимания на пламя лампочек. А между тем пламя подымалось очень высоко, выше нижнего края сетки, и это было явным признаком, что в этом месте скопилось много гремучего газа. И не успел один из молодых чиркнуть спичку, чтобы закурить, как страшный взрыв потряс галерею. Четыре молодых

жизни погибли под обвалившимися скрепами, придавленные земляным прессом. Бойко тоже вспоминает этот случай, хотя он не имеет никакого отношения к «Белой женщине». А шесть человек тем временем молча шагают по третьей продольной, внимательно следя за огнем ламп.

— Стоп! Что это?!

Вперед и в самом деле виднеется что-то странное. При тусклом свете ламп что-то длинное, воздушное, мутное, колыхается в воздухе, заполняя пространство от пола до потолка. Это что-то кажется живым. Неужели привидение? Какая ерунда! Но что же это может быть?

Худощавый, жилистый штейгер Пархоменко осторожно делает несколько шагов вперед, держа лампочку на вытянутой руке, немного выше головы, чтобы свет не мешал разглядеть. Непонятная история! Видимое, туманно-воздушное, продолжает волноваться. Оно то становится уже, то шире, меняет очертания. Пархоменко делает еще несколько шагов и из груди вырывается удивленный крик:

— Пар!

— Пар?—переспрашивает инженер, хмурия брови.—Неужели горячий источник?

Он подходит ближе. Да, это пар, который Бойко принял за привидение. Он с легким свистом вырывается из расщелины внизу правой стенки и оттуда же, струею в два пальца толщиной, бьет горячая вода. Горячий источник прорвался в продольную.

Вот и разгадка легенды о «Белой женщине», созданной цветистым воображением шахтеров. Но теперь не до того. Горячий ли, холодный ли источник, но он гораздо опаснее, чем сотни несуществующих привидений. Малая струя ежеминутно может превратиться в неудержимый поток и

залить все шахты с их сетью галерей.

Лица шахтеров бледнеют. Никто не знает минуты, когда произойдет несчастье. Но инженер и штейгер уже орудуют. Отверстие горячего фонтана плотно затыкают деревянной пробкой и часть стены заделывают стенкой из кирпича и цемента, и ее, в свою очередь, зашивают деревом. Работают дружно, чтобы не дать подземной воде собраться с силой и вытолкнуть пробку. Стенка протягивается на десяток сажен, от пола до потолка, и работу кончают лишь тогда, когда ухо уже перестает улавливать рокот подземного источника.

Бойко зол. Он готов лезть в драку, до того допекает его насмешками молодежи. Ну где это видано, чтобы бабу спутали с паром!

Особенно дожимает проклятый Петро:

— А скажите-ка, добродию, як та самая белая баба в очинке, либо в хустке была?

До того проклятый довел, что хоти плачь!

И когда однажды Петро, по обыкновению, задал Бойко какой-то ехидный вопрос, Бойко резко ответил:

— Ну, коли б встретил я теперішню привиденню, так добре обломал бы ей бока... Да и тебе б за одно, собачьему сыну!

Попрежнему кипит под землей работа и кучи выработанного угля около надшахтенных построек все пополняются новой добычей. Подростки и женщины копошатся на этих кучах, очищая уголь от камней и комьев глины, и нагруженные поезда то и дело отвозят полные вагоны на станцию, откуда они разбегаются по всей Советской Республике.

И не видно конца черному золоту, составляющему одно из главных богатств нашей страны...

На необитаемом острове

Из кинематографических нравов

Рассказ Ж. Р. МАЛЛОХ

Иллюстрации Т. ПЕДДИ

— Вы бы не поверили мне,—заявил Гуго,—если бы я вам рассказал всю правду.

Гуго—довольно выдающийся артист и отличный товарищ. Мы всегда с удовольствием слушали его рассказы.

— Вы вспомнили сейчас сенсационный фильм Юлиуса К. Мангатана—«Любовь под Южным Крестом», в котором я играл главную роль.

— Я думал, что главную роль играла Мэй Мак-Джилл?—перебил Брайс.

— Это она воображала, что играет главную роль,—терпеливо возразил Гуго.—Не перебивай меня. Так вот, надо сознаться, что Юлиус К. Мангата—гениальный артист. Он не жалеет денег и всегда выбирает для своих фильм лучших артистов. Вы, наверно, помните содержание фильма. Интрига завязывается в Нью-Йорке, потом герой и героиня одни на необитаемом острове после великолепной сцены гибели парохода. Я с ружьем в руке сдерживаю обезумевший от ужаса экипаж, пока женщины и дети набииваются в шлюпки. Одна Мэй Мак-Джилл не хочет меня покинуть. Мы попадаем на необитаемый остров и проделываем там все, что полагается в таких случаях.

Чтобы дать хорошие сцены, Юлиус посадил нас всех на пароход, плывший в южные моря. На буксире мы везли старый, вышедший из строя пароход, который должен был в определенном месте пойти ко дну в сцене кораблекрушения.

Как всегда, когда Юлиус сам берется за что-нибудь, все шло великолепно. Путешествие вышло очень удачным, и Юлиус нашел остров по своему вкусу. Остров был большой, посреди возвышалась гора, берега были песчаные, кругом росли пальмы, вообще все было, как и следовало быть. В заливе раскинулся крошечный го-

родок с чем-то вроде гостиницы, парочкой миссионеров и несколькими ловцами жемчуга. Остров понравился Юлиусу, мы заняли всю гостиницу и принялись за работу. На острове было множество туземцев. Но, благодаря опустошителям—миссионерам, все черные красавицы ходили в длинных ситцевых платьях, а мужчины в безобразнейших белых костюмах.

Наш приезд привел, конечно, весь остров в волнение. Была кучка европейцев, которые устраивали для нас приемы и перевлюблились в наших артисток. Они организовывали пикники и танцевальные вечера, и мы очень мило проводили время. Но вглубь острова мы не делали экскурсий: нам говорили, что для чужестранцев это не совсем безопасно. Наше пребывание на острове превратилось бы в идиллию, если бы не некоторые особенности человеческой природы. И среди тропических красот живут людская зависть, злоба и лукавство.

Жизнь в гостинице начинала меня утомлять. Я нанял небольшой домик, взял себе слугу-туземца и поторопился переехать.

Кстати, скажу вам несколько слов про этого слугу. Его звали Калалуа, и он был желтовато-коричневого цвета. В юности он попался миссионеру и научился забавно говорить по-английски, играть на аккордеоне и готовить. Он был парень усердный, и мы зажили с ним дружно.

Я большой почитатель писателя Конрада и поэтому сказал Калалуа, чтобы он называл меня «туан», что означает лорд. Но Конрад, очевидно, посещал другие острова, и Калалуа запротестовал, уверяя, что туан малайское слово. Я строго возразил ему на это, что таково мое желание. Вообще же у Калалуа была привычка во все совать нос. Раз как-то я на-

звал ибискусом цветок, который нашла Полли Карсон. Калалуа сейчас же стал спорить со мной.

В этот день вечером я заявил Калалуа, что он никогда не должен оспаривать мои слова, если желает оставаться у меня на службе.

— Осень холосо, миста, то-есть, туан. Калалуа ничего не скажет, когда туан врать белой мисси.

Мне кажется, что всегда, когда небольшое общество соединяется в маленьком местечке, из которого некуда уйти и где живут почти без дела, неизбежны легенькие стычки и вспышки зависти. Артисты были недовольны тем, что я нанял себе отдельный домик и что у меня есть слуга. Они положительно выходили из себя, когда Калалуа называл меня «туан». Я понимал еще мужчин, но меня очень удивило, когда оказалось, что в числе завистников сама Мэй Мак-Джилл. Тут, конечно, дело было в том, что она-то не могла поселиться в отдельном доме. И слуги она не нашла, кроме маленькой, заморенной девочки из миссионерской школы. Девочка эта ходила в самом обыкновенном ситцевом платье, тогда как Калалуа был очень живописной фигурой в изобретенном мною для него костюме.

Мэй заявила мне, что я «важничая», и мы крупно поговорили в присутствии всей труппы. Мэй даже побежала к Юлиусу, но Юлиус был занят и знал, что она не может нарушить контракта, потому что не было способа выбраться с острова. Он сказал Мэй, что занимается постановкой картины, а не укрощением зверей, и бедняжке пришлось удовольствоваться этим.

С картиной дела шли хорошо. Очень кстати на море прошла легенькая буря, и это дало нам ряд великолепных видовых картин. Потом мы с нашим старым пароходом налетели на рифы, и получилось отличное кораблекрушение.

Но дело стало тормозиться, когда дошли до главных сцен на необитаемом острове.

Юлиус уверял, что мы с Мэй деревянные куклы и ничего не смыслим

ни в страсти, ни в отчаянии. Нам пришлось не мало выслушать от него, но он, ведь, не знал, что Мэй просто-напросто завидует мне. Я видел, что она не может себя перебороть, не может быть естественной в сценах со мной. Мне же, конечно, трудно было изображать страсть с партнершей, которая смотрела на меня, как на кучу грязи.

Ну, мы, все-таки, кое-как проработали наши роли и дошли до сцены спасения. Тут уж ничего не выходило. Мэй желала, чтобы я лежал больной и обессиленный на берегу, она же зажигала бы сигнальный огонь и махала бы флагом нашим спасителям. Конечно, это было глупо, и я так и сказал ей. По-моему, она безмятежно спала в хижине, когда я увидел вдали корабль. Я вхожу в хижину и смотрю на спящую. Я во власти разнообразнейших чувств. Разбудить ли мне ее? Подавать ли сигнал кораблю, который привезет нас в Европу, где нас ждет разлука? Почему не махнуть рукой на цивилизацию и не остаться навсегда вдвоем на лоне природы?

Но Мэй и слышать не хотела моего проекта. Мы разгорячились, а Юлиус заявил, что если мы завтра не закончим эту сцену, он отправит нас на все четыре стороны и возьмет вместо нас миссионера и его жену.

Бывает, что из практических соображений приходится жертвовать искусством. Иначе не было бы фильм, и что сказала бы публика? Я решил серьезно поговорить с Мэй. Поэтому, я написал записку, в которой просил ее назначить час для делового разговора.

Мэй была не так глупа и ответила мне тотчас же. Но она писала, что в виду того, что наша размолвка была публичной, она не хочет, чтобы наше свидание приписали слабости ее характера. Поэтому, нам придется увидеться так, чтобы никто не был свидетелем нашей встречи.

Нам было довольно трудно встретиться наедине на острове. Я пошел к Юлиусу и попросил его моторную лодку. Я ничего не смыслил в моторах, но Калалуа зато умел отлично справляться с ними. Мэй нашла это

очень хорошей идеей, и когда все наслаждались послеобеденным отдыхом, мы выскользнули из залива и быстро скрылись из виду.

День был великолепный. Море было совершенно спокойно, а движение лодки поднимало легкий ветерок, который умерял зной. Наш остров был самым большим из группы раскинувшихся кругом островов, прелестных, как

прожить тут всю жизнь, не видя людей.

— Корабли никогда не проходят мимо,—услужливо подтвердил Калалау.

Мэй это казалось очень романтичным, и, действительно, очаровательно было тропическое море с разбросанными на горизонте островами. Я за-
был все свои недоразумения с Мэй.

Так приятно было сидеть вдвоем с очарова-

мечта.

Мэй была в восторге, как и я, и мы с удовольствием закусывали из корзиночки с провизией.

— Хотела бы я знать,—задумчиво сказала Мэй,—все ли это необитаемые острова?

— Наверно, необитаемые, — ответил я.

— Спросите Калалау, он должен знать,—предложила Мэй.

— Да, мисси, необитаемые острова, — отозвался тот.

— Корабли, наверно, никогда не проходят мимо них и человек мог бы

Юлпус уверял, что мы с Мей деревянные куклы и ничего не смыслим ни в страсти, ни в отчаянии.

тельнейшей в мире женщине, знаменитой звездой экрана, и уничтожать вкусные вещи. Мэй была очень мила со мной, и я решил, что пора

заговорить о наших недоразумениях. Обстановка, в которой мы находились, умиротворяюще действовала на нас обоих, и мы совсем было пришли к соглашению, когда вдруг погода начала меняться.

Море уже не было так спокойно, и небо стало темнеть. Солнце исчезло и кругом поднялся странный туман, скрывший берега.

— Сейчас ветер, туан,—сказал Калалуа,—скорей дома.

Мы повернули, но в этот момент сломался мотор. Мы качались на волнах совершенно беспомощные, а мрак все сгущался. Бедняжка Мэй бледнела все больше и больше, и я чувствовал, что бледнею сам. Нас швыряли бушующие волны и поливал дождь. Калалуа бросил машину и спрятался от ветра. Больше нечего было делать.

Мне казалось, что я лежу на дне лодки уже много дней и ночей, весь промокший от дождя и волн. В конце концов природа взяла свое, и я заснул, измученный долгим напряжением.

Разбудил меня Калалуа, громко кричавший мне в ухо:

— Просыпаться, туан, очень опасность.

Я вскочил на ноги.

Было утро.

Мрак и туман рассеялись, но море бушевало, и волны быстро несли нас к песчаному берегу. Я сразу определил, что местность мне совершенно незнакома и понял, что нас сейчас выбросит на какой-то неизвестный остров. Раздумывать было некогда. Я поспешил разбудить свою спутницу и объяснил ей положение дел. Бедняжка ужасно устала, и я не обратил внимания на ее первые слова:

— Я должна была предвидеть, что с вами ничего хорошего нельзя ждать.

Но мы были в расстоянии всего грех волн от берега и спорить было некогда. В следующее мгновение лодку выбросило на берег, как скорлупу. Большая волна смыла нас всех в воду. Мэй, как самую легкую, вынесло дальше всех, и ей удалось вылезти на берег. Мы же с Калалуа ухватились друг за друга и выбрались из волн, упираясь каблуками в песчаное дно. Мы спаслись. Но это было настоящее чудо.

Мы присоединились к Мэй и, убедившись, что не получили никаких повреждений, стали втаскивать на берег лодку, которую прибило волной. Она была настолько разбита, что годилась теперь только на дрова. Но и это было ценно.

Мэй, выжимавшая мокрое платье, подошла к нам.

— Где мы?—спросила она.

— Без сомнения, на одном из островов, которые мы с вами видели.

— Вы хотите сказать, что мы на необитаемом острове?

— Вот именно,—раздраженно ответил я. Я промок и устал и понимаю весь ужас нашего положения.

— Но Мэй не хотела верить, она обратилась к Калалуа.

— Туан говорит необитаемый остров.—ответил тот.—Туан всегда говорит правда.

Это, очевидно, убедило Мэй, но она продолжала задавать глупые вопросы, вроде того, почему мы знаем, что это необитаемый остров, и так далее. Но, чтобы успокоить ее, я решил послать на разведки Калалуа.

Не успел я открыть рта, как Калалуа меня перебил:

— Туан говори белой мисси—это необитаемый остров...

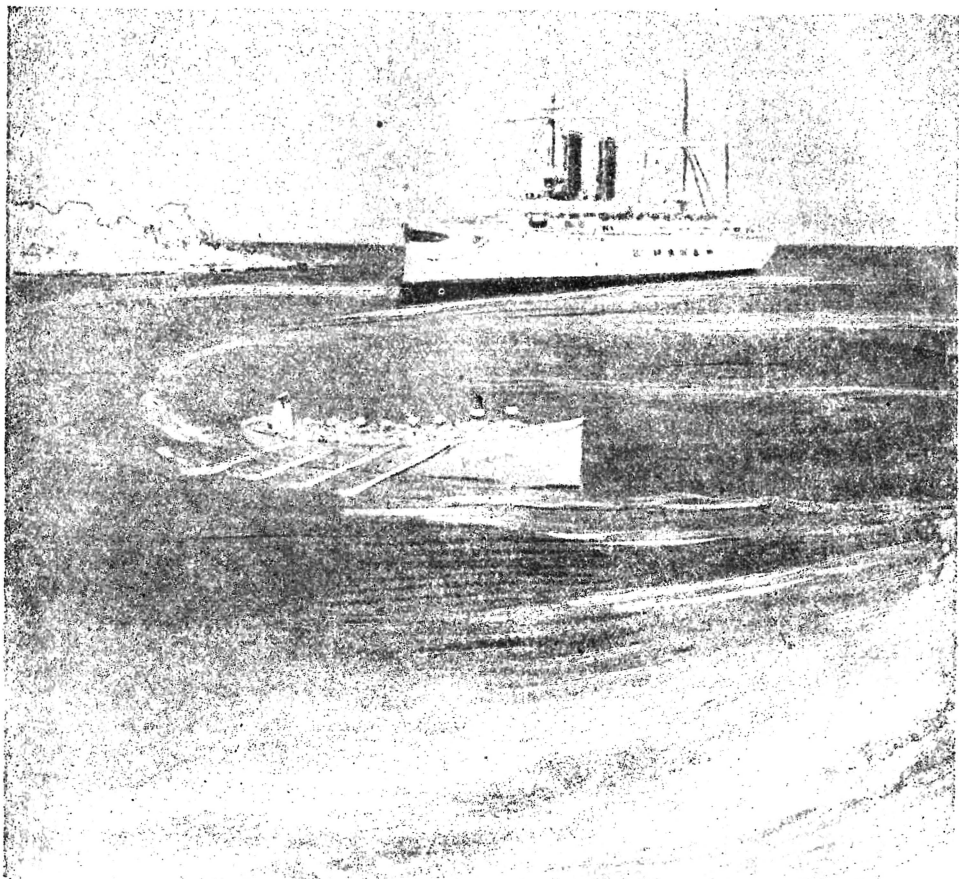
Я не собирался обсуждать с Калалуа вопроса, хорошо или плохо я сделал, открыв Мэй всю правду и не щадя ее. Я разгорячился и заявил ему, что не спрашиваю у него, как мне поступать, и Калалуа покорно умолк.

С самого берега острова начиналась богатая растительность. Здесь, очевидно, никогда не было человеческой ноги. Мы с Калалуа стали пробиваться сквозь чащу и наткнулись на высокий утес. Калалуа предложил мне взобраться на скалу и осмотреть оттуда окрестности. Я поручил ему сделать это, а сам решил вернуться к Мэй.

Бедняжка сидела на берегу, уставившись глазами на море. Я опустился на песок рядом с ней. Мы,—как в романах, и,—как должно быть в фильме,—были отрезаны от всего мира. Вы, конечно, находите, что ужасно поэтично оказаться на необитаемом острове вдвоем с таким очаровательным существом, как Мэй? Вы помните ее удивительные золотые кудри, которые разбились столько сердец? Они исчезли бесследно. В глаза Мэй лезли прямые пряди крашеных желтых волос. Вот что с ними сделали море и дождь. А ее прелестный цвет лица? Он тоже исчез. Я видел уставшую от косметик, дряблую, серую кожу. Простенькое с виду платье,

Мы стали втаскивать на берег лодку...

бывшее на самом деле настоящим произведением искусства, превратилось в жалкую рваную тряпку. Мэй потеряла одну туфлю и на чулке была большая дыра. Вид у нее был далеко непривлекательный и это еще усугублялось озлоблением, отражавшимся на ее лице. Она набросилась на меня с упреками, говорила, что я во всем виноват и тут же объявила мне какого мнения обо мне, как артисте, вся наша труппа. В конце концов она спросила, что я намерен делать дальше.

Я ответил, что у нас достаточно времени впереди, чтобы строить планы.

Она заявила, что голодна. Я объяснил, что пищи у нас нет. Она сказала, чтобы я шел и искал продовольствия. Я спросил, где же мне это продовольствие искать? Тут Мэй просто обезумела от злости. Чтобы успо-

коить ее, я заявил, что разложу костер. Мне казалось, что так всегда делается на необитаемом острове.

Мэй спросила, как же я разожгу костер без спичек и отказалась помогать мне собирать топливо. Но я и один скоро набрал достаточное количество сухих ветвей. Мэй издевалась надо мной, но я торжествовал. Мой монокль, к счастью, не погиб, и я использовал его, как зажигательное стекло, и скоро у меня запылал веселый огонь. Это подействовало на Мэй, и она перестала дуться. Мы постепенно стали входить в свои роли Мужчины, борющегося за Существование и Покорной ему Женщины. Я сбил с дерева кокосовых орехов, Мэй собрала их, и мы приготовили себе из них нечто вроде обеда.

У меня в кармане оказалась коробочка папирос. Я высушил их и отдал

Какую картину представляли мы!.. Но вы ее видели и весь мир лил над ней слезы...

половину Мэй. Мы молча курили. Ведь больше делать было нечего.

Вскоре нам снова захотелось есть, и мы опять принялись за орехи. Но желудки наши не мирились с ними. Темнело. Мы подремали, снова поели орехов и почувствовали себя очень плохо. Вокруг нас летали мухи и кусались. На песке было очень жарко, но, когда мы уходили в кустарник, на нас нападали целые полчища насекомых и больно жалили нас.

Настала ночь, но Камалуа еще не возвращался. Мы поняли, что никогда больше не увидим его. Он, конечно, пал жертвой какой-нибудь ядовитой змеи или каннибалов. Уверю вас, что мы были очень несчастны.

Тропическая ночь сияла великолепными звездами, к нам доносились благоухания и нежный плеск волн. Но мы были голодны, больны и испуганы. Я устроил для Мэй нечто вроде постели из сухих листьев, а сам вернулся к костру. Как вы думаете, мечтал ли я в эту душную тихую ночь о красавице, спавшей рядом со мной? Да, я думал о ней, но... думал, какой проклятой обузой она станет для меня. Волновали ли меня какие-нибудь желания? Да, мне неудержимо хотелось есть. Мэй скоро встала и присоединилась ко мне. У нее был ужасный, растерзанный вид, она не могла заснуть от всяких страхов. Бедняжка, думал я, — тебе никогда больше не быть кинематографической звездой! В конце концов, мы оба заснули по разные стороны костра.

На утро не было никаких следов Калалуа. Я встал, собрал кокосовых орехов. Мы ели, но желудки наши от этой пищи положительно выворачивались наизнанку. Мэй смотрела на меня с ненавистью. У меня сильная растительность и небритый я должен был быть ужасен. Но это меня мало интересовало.

Я думал о том, что, может быть, мне всю жизнь предстоит жить обществом этой женщины и кокосовыми орехами! Эти мысли приводили меня в отчаяние. Я набрел на небольшую скалу, улегся в тени ее, зажег моноклем папироску и стал обдумывать возможность спасения. Эти труды меня так утомили, что я очень скоро заснул.

Но я, вероятно, не долго спал. Я испуганно вскочил, и что бы вы думали?... увидел перед собой не капибалов и не дикого зверя, а британский военный корабль, спускавший на море шлюпку. Это была незабываемая минута, друзья мои!

Я оглянулся, ища Мэй. Она воспользовалась моим отсутствием, чтобы искупаться, и на песке бедела различные части ее туалета. Сама же Мэй в одной рубашке бежала ко мне.

Какую мы должны были представлять картину!

Но вы ее видели и весь мир лил над ней слезы. Мы стояли с растрепанными волосами, с измученными лицами, умоляюще протягивая руки к приближавшейся шлюпке. По лицу Мэй текли слезы, я — весь дрожал от волнения.

Нос шлюпки врезался в песок. На берег выскочили моряки. Мэй в обмороке упала на руки самого молодого, я же несвязно стал рассказывать наше приключение самому старшему из них. Он протянул мне фляжку, которую я осушил до дна. Мэй уже очнувшись так очаровательно благодарила наших спасителей... Она закрывала лицо руками и вся содрогалась.

В это время мы совершенно неожиданно увидели перед собой Юлиуса К. Мангатана. Лицо его сияло.

— Наконец-то мы добились удачной сцены! — воскликнул он, протягивая нам руки. — Успокойтесь, вы не на необитаемом острове, а всего только пристали к северному берегу нашего острова. Калалуа прибежал вчера поздно вечером и рассказал про вас, а мы рано утром отправились за вами. Он не смел с вами спорить, когда вы заявили, что это необитаемый остров. Я кстати захватил с собой аппараты. Думал, что может попасться что-нибудь интересное. И должен вам сказать, что эта сцена спасения вышла исключительно удачной. Спасибо морякам, которые успели к вам раньше нашего. Уверяю вас, что это будет самый сенсационный фильм!

На далеких окраинах

ЛЮДИ БЕЗ СТРАХА

БАЙКАЛЬСКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ

Очерк И. И. ВЕСЕЛОВА.

Не очень многим приходилось близко наблюдать байкальского промышленника, этого удивительного, до отчаянности смелого человека.

Суровый климат Байкала и его шальные, непостоянные ветра, воспитали в байкальском промышленнике какой-то особенный, нечеловеческий инстинкт самосохранения. Любовь к опасному промыслу, связанная с постоянной борьбой за жизнь, выработала в нем железное хладнокровие, научила бесстрашно смотреть в глаза смерти и ориентироваться в минуты опасности с быстротой мгновения. Но он не видит и не сознает этого сверх-героизма, которому научила его природа. Среди байкальских промышленников нет подвигов, нет героев: здесь все равны, и все необычайное просто и обычно!

Как природному сибиряку, мне часто самому приходилось сталкиваться с байкальскими промышленниками, и, конечно, много слышать о них. Вот два-три эпизода из их обычной жизни.

У знакомых справляли новоселье. Все приглашенные собрались, и ворота были на запоре. Вдруг скрипнула дверь. Через порог перешагнули мягкие, желтые олочи¹⁾, а за ними

мелькнули черные ичиги. В глаза кинулась малиновая рубаха и желтый кожаный «смокинг», сверкнули медные бляхи на черных ремешках пояса, и две коренасто-ухабистые, крючкочуватые фигуры, с черной и русской бородой, ввалились в комнату. Сальные, черные картузы обнажили на головах волосы, расчесанные по-кучечески в стороны, а воздух ударил по носу запахом перегорелой водки. На середине комнаты мозолистые руки чернобородого неуклюже потащили под кожаную рубаху плисовые шаровары:

— Вот и в гости пришли!.. Штаны поддегивам!..

— Здравствуй, Егор Павлыч!.. С новосельем, значит!..

— Здравствуй, Николай Дмитрич!.. Здравствуй, Михаил Герасимыч!.. Спасибо... проходите,—гости будете...

«Визитеров» приглашают к столу и наливают рюмочки. В грубых руках сверкнули рюмки, и вино опрокинулось во рты.

— Гга!.. адали¹⁾ сахар—сладко!

— До чужого-то вина мы бда как алочны!

— Как вы попали? Разве ворота не заперты?

— А мы верхом! Шли мы с Михайлой по улице, глядим, у тебя в ставни свет брызжет. Ну, думаем, Егор Павлыч новоселье справляет. Пойдем к нему. Свернули с дороги к калитке, торнули—заперта. Михайло говорит: «давай постучим!»... «Зачем стучать, говорю, беспокоить людей, и так пройдем!»—встал к заплоту и велел Михайле по мне лезть до баясника²⁾. Потом он мне сверху руки подал, подтянул, ухватился я за баясиину, стал на охлупень и через баясник с Ми-

¹⁾ Олочи — бурятская обувь из сыромятной кожи, низкая, как штиблеты, распространенная среди русских на Байкале.

²⁾ Адали—точно, словно, как.

²⁾ Баясник — забор из тонких брусьев, поставленных вертикально.

хайлай во двор прыгнули... Ежели бы не эти самы балясины, ни за что бы не перелезли к тебе...

— Гуляете, значит?..

— Как же... Егорьев день... в гости ходим, выпиваем!..

— А праздник пройдет, с выпивки-то похмеляться станете?

Сверкнула хрустальная рюмка, взъерошенная русая борода немного приподнялась, крикнула, провела малиновым рукавом по губам и поставила рюмку.

— Опохмеляться? Оно, конечно, опохмеляешься, тово, после праздника... да только мы с Николаем нонче, тово, не станем... потому некогда... Мы промышлять нерпу пойдем завтра. Ишь лед-то таперь на Байкале, тово, порыхлел весь, дыры кругом проело, а где дыра — там и нерпа, вылезет на лед и лежит — греется!..

— Неужели вы завтра пойдете в море по такому льду! Этакие кругом полыньи!.. Сумасшедшие! — выкрикнула одна из женщин, приезжая.

Черная борода соглашается.

— Жива смерть, чо и толковать... Только вот мы привычны к ей сызмалетства... Это еще чо? опаска только одна, а ежели повести с умом дело, так и опаски-то этой совсем нет!.. Таперь у берегу лед плохой стал, а подайся 3—4 версты в море, выйди на «осенец»¹⁾, так хоть на тройке

¹⁾ Осенец — пришлый лед с севера Байкала.

покатывай, — не провалишься! На льдине страшно ездить непривычному человеку, а нам — в охотку... а вот по жордочке-то бегать, это верно, — опасно!

— Это еще как? — недоумевает приезжая.

— Да вот, я уж вам расскажу... Вам это, видно, впервой еще... Это, я говорю, мы по жордочке бегали. Ехали с моря, на нерпу ходили, ворочались домой. Уж горы близко, домишки бисером растянулись по берегу, вдруг — «горна»¹⁾. Пошла плясать — на ногах не стоишь! Морок²⁾ повывлез — черный, как смерть — страшный! Дождь пошел... Лед был, как снег — белый, смочило дождем — стал адали чернило, а горна — ну реветь!.. ну — плясать — свету нет!.. поломало Байкал. Сажень на сто растянуло разное³⁾ вдоль берега. Нам в деревню попасть надо, у нас конь, сани. Осип говорит: «обход пойдем искать!» — свернул в сторонку, побежал искать дорогу, а я эдак взглянул: «уй! уй! Осип!» Еще беды: наш конь провалился, бьется во льду, а лед от ево сыплется во все стороны. Осип подбежал, схватился вытаскивать коня. — «Уй, Осип!» — Осип с конем под лед сая! Бросил коня я, схватил товарища за руку, на лед тащу. Осип на лед лезет, упрется коленкой, вот встать, конь начнет биться — трах и под Осипом опять лед кашей. Вытащил я ево. Зачали вытаскивать коня. Оглобли под ево подложили, зацепили возжами и вытянули на осенец. На осенец не страшно.

Раскинуть табор, обождать погоду⁴⁾ и дело с концом. Глядим в сани, а в саних у нас и соломинки сена нет: пока с конем справлялись, погода, как языком, все

¹⁾ «Горна» — ветер, ураган.

²⁾ Морок — тучи шкваловые.

³⁾ Разное — растянувшаяся ветром щель или полынья.

⁴⁾ Погода — непогода, ветер, буря.

— Вот тут-то мы важно по жордочке с Осипом опосая и побегали!

вылизала. Конь голодный у нас, трое суток ему только нюхать сена давали, а теперь и последнее замело. Чо делать?.. у берегу, за разносом, лед крепкий. Пойдти по лодку, разнос проплыть и—дома, да лодки нет! Погода—зверь! Рвет, пляшет—в глазах темно! Вдруг по разносу косяк ¹⁾ несет, оторвало, от берегу. Одним краем подгоняет к нам, а другим концом наровит ²⁾ за-вернуть ево к берегу. «Вот, давай перейдем до косяку?». «Давай»!—Конь у нас на саних связанный лежит. Впряглись в оглобли, да на косяк скорее. Лед шарохтит — торопимся. Через щель на косяк перемахнули. Шум стоит — по косяку тащим. Вдруг — лопнул косяк! Раздалась под саними щель, растянулась, и слял наш конь с саними в воду. — «Я тебе давно говорю: пойдем по лодку». — «Давай сюды»! — Скорехонько вытянули коня на осенец, перебросили с косяка на лед оглоблю, да по жордочке в деревню через щели—бязгом! Вот тут-то мы важно по жордочке с Осипом опосля и побегали!

— Сумасшедшие, прямо!

— Городской-то и сумасшедший не побежит. Потому—глубь, вода—черна, а тут горна пляшет!

— Ну, что же, попали на берег-то?

— Как же! Конь, вытасенный, на крепком льду лежал; в саних-то ево хорошо доржит. Привезли с берега лодку, сложили все чо было, взялись за уключины да по льдинам, по косякам, и прошли прямо в деревню. Сколь нерпов еще привезли. Ни-го, ладно сходили!

Один из гостей замечает вслух:

— Ну и головушки, напиши в романе, так и верить никто не станет!

— А тут и вправду... Ланись ³⁾ у нас свадьба за Байкалом была. Ездили гулять, а лед тожно ⁴⁾, надо сказать, тоже худой был. Вперед-то оно ничево, проехали, а обратно пошли — совсем не стал доржать. Отправили за Байкал лошадей, а сами пешком идти наладлись. Наша-то сторона вперед расходится, а там еще лед крепкой.

Версты так две до берегу осталось. С нами бабы—гулеваки ¹⁾. Чем ближе к берегу, тем лед хуже стает. Ново место совсем не доржит — проваливается. Мужики привышны, скачут где крепче, а бабы—дуры, счижолы—тонут! Как быть? Чо делать? Велели тогда бабам на лед слясть, ухватились за ноги, да тошно в оглоблях и повезли их на... гляди, все дыры перемахнули: ни одна, падла, не потонула. Ну и хохоту нам потом было с имя! Эта бяда, чо удирали над имя тогда мужики.

— Ха-ха-ха! На самокатах их, значит, прокатили! А что же бабы-то?

— Бабы? А чо они? Они подвластны. Нова упирается, визжит посвоему, а глядишь: поехала. Все юбки у них поободрали тогда! Смехота!..

— Да ты, Николай Дмитрич, для праздника-то, с выпивки, поди красное слово пустил?

— Нет, верно! Это была у нас такая история—ответил за рассказчика Егор Павлович.—Вы не глядите, что он не казист, а видывал картинки. Ты, Николай Дмитрич, расскажи, как ты это медвеженка ловил голыми руками.

— Да что вы? — изумилась приезжая гостья, — как он его не перекусал?

Тем временем «герой» кончил закусывать. Тотчас же из кармана вылез кожаный кошель с махоркой и с железным сайком для трубки. Затем из-за пазухи показалась массивная, унизанная стрелеными пистонами трубка, сделанная из щетки березы и насаженная на кривой, неободраный черемуховый чубук.

— Ну-ка, за трубочкой-то расскажи, как это у тебя было дело? Поймали все же медвеженка?

— Как же! Куды он девается-то?

— Большой медвеженок-то?

— Но-о! Сосунок!.. Это «култук» ²⁾ с моря пошел. Я с большаком ³⁾ Лекахой по дому дело справил. Сидим на крылечке и смотрим, как по морю вал ходит. У нас на «скорге» ⁴⁾ лодка

¹⁾ Косяк—длинная, косая льдина.

²⁾ Наровит—хочет, старается.

³⁾ Ланись—прошлой весной, прошлый год.

⁴⁾ Тожно—тогда.

¹⁾ Гулеваки—любящие гулять, веселиться.

²⁾ Култук—ветер на Байкале.

³⁾ Большак—старший сын.

⁴⁾ Корга—каменистый берег, хрящ.

стоит заварена¹⁾. Лекаха говорит: «пойдем, тятя, на солонцы²⁾ зверя бить?»³⁾. А и вправду пойдем. Велел Лекахе сказать старухе, чтоб она нас в дорогу снарядила, а сам пошел мачту наставлял. Лекаха шустрой был. Гляжу, а он уж в лодку мешок с бутором⁴⁾ тащит.

За плечам у ево ружо-кремьневка, сандой, пороховица⁵⁾. Жи-

во свалил все в нос лодки.

Простились со старухой, столкнули лодку, натянули парус и пошли на солончак. Акул-тук тожно, надо сказать, сердитый был. Морок кругом развесило, глядим — и дождь пошел. Вышли за сине. На мысу у нас култук ходцом берет. Надуло у нас парус пузой, гляди — лопнет, лодка — как ласточка, стрела!.. Шум стоит, как летим по морю, а качки нет. А оглянишься назад, за кормой

вал идет гора-горой, рассыпится и как гром рухнет. А нам любо. Пришли на солончак. Выташили на берег лодку, опрокинули ее балаганом, заварили чаю, напились на таборе и пошли на гору. Прошли с полверсты. В горах от дождя склиско. У меня ружо-кремьневка за плечам. Идем осторожно, по уступочкам, скачем, где крепче идти, под ноги смотрим: нет ли где следов зверя. У меня глаза востры! гляжу я и вижу: по траве медведь прошол. След свежий. Давай по сторонам смотреть. В

Фыркает медвежонок, плюет, как дождем сыпит...
Всего оплевал, ослепил.

горах от дождя туманить стало. Гляжу я эдак, —

кустарник, ерники... а за ем пошевелился кто-то, гляжу: медведица! Вот, фарт, думаю. Скорехонько сбросил ружо с плеч, расставил «сошки»¹⁾ и давай излаживаться стрелчать. Никак

изловчиться не могу: то дерево мешат, то сошки стоят плохо, а она, подла, учухала, ухо отложила и слушает: чо будет?.. Изловчился я таки, ружо грянуло, она: ох! на опрокид пала.

Тут с ей медвежата оказались.

Спужались, давай реветь, пищать, — ушам больно. Один на мать залез, ходит по ней, мордой тычет, будит, тормошит... А Лекаха мой скачет: «Малехоньких, не бить, давай поймам рукам!» — «Давай!» — говорю, скинул шинель скорее и побежал к медвежатам. Увидели они меня, кинулись в стороны, один котышком под гору укатился, а другой на утес полез. Утес тот вот э-э-эдак наклонился там.

Вот, думаю, тут-то и изловлю ево. Поплевал на руки и давай по уступочкам за медвежонком лести. Лезу я, а медвежонок выше цапается. Вот — сорвется! Вот — полетит! Нет, как таракан прилип, по стене ползет. Я за им лезу. Он — выше, дале. Я — по камешкам, уступочкам за ем подбираюсь. Он — от меня. Я — за ем опять. Он — выше. — Я — к нему. Он — еше. Я — за ем! Наконец, сля он. Гляжу, камень — стена: нельзя лести. Я подобрался, — тянусь ямать ево — руки коротки. Лекаха мой подсоблять тоже, подпихиват в задях. Подтянулся я, только хочу хватить, а тот спужался

¹⁾ Заварена — залитая варом, готовая.

²⁾ Солонцы — засоленное место.

³⁾ Зверь — изюбрь.

⁴⁾ Бутор — провизия на дорогу.

⁵⁾ Сандой — мешок для пуль, пороховица — капсулы с порохом.

¹⁾ Сошки — ножки под винтовку, для упора, чтобы легче делиться.

и давай плевать в меня. Мне только схватить ево, а он, окаянной, как фыркнет, плюнет, так в глаз-да-в глаз. Я и не знаю: толь мне глаза оттирать, толь ямать ево! Ослепил, оплевал... Вытрусь я, протру глаза, протяну руки, — шабаш — не дает! Фыркает, плюет, как дождем сыпит. Всево оплевал, ослепил. Заприметил тогда я, где он сидит, как ево лучше схватить надо, да и полез на ура. Пушай плюет, залепляет глаза. Велем Лекахе на уступочке выше поддержать мою ногу, подтянулся к медвежонку, только хотел схватить ево, а он как скокнет, да на плечо, да на Лекаху, да с ево — и пошел тесать под гору, как угорелый. Клубом, клубом так и ка-

тится с утеса. Не догнать, не поймать ево! Оборони бог, спужался как! Спустился с утеса, а навстречу — гора ему. Он на нее понес. Оглянитися нет ли ково, да опять подаст, опять подаст! Подбежал на вершину, к утесу, а утес тот гребнем шол — воострый! заскочил и скрылся за ем. Ну и чорт е знает, откуль только слюни берутся: насилу опосля оттерся!..

— Так и не поймали?

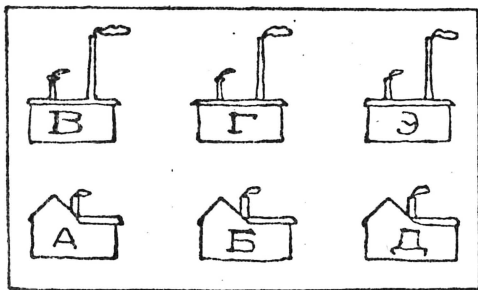
— Другой раз не ушол, изловили. Дня через два за ним пришли. Он у меня потом дома еше жил. Такой вольной был, оборони бог, всех кур на дворе передавил. Старуха, так та опосля видеть ево не могла!

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

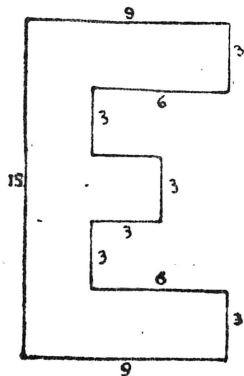
Задача № 3.

В три дома: А, Б и Д нужно провести воду, газ и электричество из трех зданий — В, Г и Э. Как устроить проводку так, чтобы трубы не перекрещивались между собою.

Ответ см. на стр. 72.

Задача № 4.

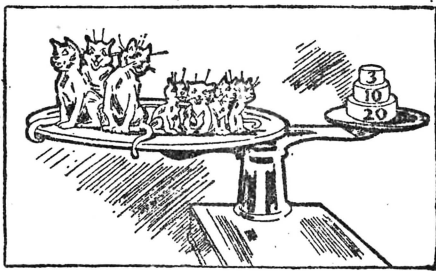
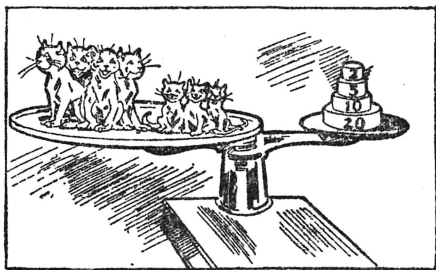

Рассеките эту букву Е на пять частей так, чтобы из этих частей составить правильный четырехугольник. Во избежание недоразумений, все стороны буквы вымерены в дюймах.

Ответ см. на стр. 72.

Задача № 5.

На чашке весов помещены 4 кошки и 3-е котят, как это и показано на верхнем рисунке. Другая группа, состоящая из 3-х кошек и 4-х котят, изображенная ниже, имеет уже иной вес. Если нам известно, что все кошки весят одинаково, так же как и вес каждого котенка один и тот же, спрашивается: сколько будет весить каждый из них в отдельности?

Если Вы быстро и логически мыслите, то вам достаточно 3-х минут, чтобы ответить на этот вопрос.

Ответ см. на стр. 72.

Рассказ В. БАКЛАНОВА

С н а т у р ы.

Агроном Свечин, доктор Лунин и лесник Ипат с вечера засели набивать патроны.

Это был очень дружный, маленький коллектив, спаянный охотой. Если бы, например, случилось погибать Свечину, его спасал бы Ипат, если бы Лунину, и агроном и лесник за доктора жизнь положили бы.

Сентябрь перевалил на октябрь. Осень зачервонила лес—в золотом убранстве стоял он, задумчивый, в своей думке предзимней. Прошедшее лето чашенько сморкалось, мало было ведренных дней. Ведренные дни пришли осенью, прекрасные, теплые дни. Солнце сбавило жара против лета, но, как только вылезало солнце, утренний заморозок скрывался поспешно, трава молодела. Крупный, черноперый тетеревиный молодняк млея под кустами—близко подпускали тетерева! Потому наши охотники в заячью пору намечивались охотиться на тетеревей.

Осенняя ночь—мягкая, благовоющая—потопила во тьме хату, где набивали патроны. В раскрытом окне зазвучал голос:

— Прошу к вашей компании присоединиться. Собака своя есть.

— Милости просим,—откликнулся доктор, но лесник и агроном недовольно зашептали:

— Не знаешь—не приглашай. На кой дьявол его нам!..

В хату вошел охотник. Его глаза, бегающие будто

у помешанного, останавливали внимание. Вбежала собака. Псы дружного коллектива броситься на нее хотели, но от внушительного «тубо» охладели их воинственный пыл. Церемонию обнюхивания, однако, совершили—этого псу нельзя запретить.

— По тетеревам, так по тетеревам,—сказал вошедший,—выводки я знаю. Могу указать.

Ходуном заходила голова Ипата.

— Выводки ты, мил друг, знаем, что знаешь. Одного только боимся: как бы не выслепил нас. Еще поглядеть на белый свет, чай, всякому хотца.

— Не тревожься, Ипат, даю честное слово,—сказал охотник с бегающими глазами.

Укладывался на ночевку, уверял доктора Ипат:

— Сбито теперь нам все поле, когда этот псаломщик Федот привязался. Эх, не знаешь, он совсем чумовой. Нет слов, хороший человек и стрелец что надо, но если дичину заметит—рассудок потерявши бьет. Черезо все поперек кроет. Какая же есть радость на охоте в гроб уйти? Или, например, выслепиться?!

— И бывали с ним случаи?—заинтересовался доктор.

— Много случаев,—сказал Ипат,—прошлым вот годом, на бруснике, одну бабу в зады ахнул. По сне время у нее болят они. И судимый за такие вещи, но не может, через все поперец кроет. Теперичка хотя слово дал, но ты будь без внимания на евоинное слово. Остерегайся, а то влени, как пить...

Утро—в позолоченной пене облаков. Проснулся старый сосновый бор. На опушке его веселится осиновая роща, розовыми листьями играет, ведет разговор с ветерком...

Такой милый кобель у агронома—верхохот удивительный! Только что вступили охотники в рощу, поднял он свою брылястую морду и потянул. Остальные псы—и псаломщиков улюдок—за агрономским «Кадо» пошли в наступление. Кадо впереди всех и так зажигательно тянет—ах, милый кобель!..

Наконец, четыре пса у пышного куста застыли.

Поспевают охотники, занимают позиции. Ипат, агроном и доктор около своих собак стали, псаломщик тоже рядом со своим улюдком. Получилось так, что псаломщик—против агронома. Четыре псовых морды—над чернышем. Черныш—на виду, но не прячется: заробел петух от четырех псовых морд.

Затряслась у псаломщика нижняя челюсть:

— В-вижу его! Ей богу вижу!

Ипат, агроном и доктор переглянулись. Ипат шепнул на ухо агроному:

— Видит!.. Счумел!! Ох, как

бы кому из нас сейчас на тот свет не отправиться!

И лесник—что будешь делать?—крикнул:

— Не чумей, слово давал, пожалуйста не чумей.

От крика Ипата сорвался черныш.

— Трах-тах-тах-тах...—Он посухьям. В это мгновение прямо в глаза агронома глянули черные «очки» стволов помполки Федота.

Какое счастье! До выстрела удалось пасть ниц агроному! Дробь вырвала чернышу брюхо.

— Неужели никого из нас Федот не убил?—спрашивает, вставая, пригнутый страхом к земле агроном.

— Кады-сь никого,—оглядывается по сторонам Ипат,—пронесла нелегкая.

Зашагали дальше. Лесник упрямивает псаломщика:

— Будь Федот другом, отстань от нас. Отстань, дорогой товарищ!

— Любезные собраты,—обращается к охотникам псаломщик,—извиняйте, но вовсе не чумел я. Не чумел,—разрази меня на этом месте!

Подошли к болотистой низине. На плесе разгуливал кряковой селезень. Заметив охотников, он сейчас же вырнул в осоку. Кадо замер на стойке, к нему опять притянулись остальные псы.

На этот раз случилось стоять доктору против Федота. Забыл доктор про селезня: все за черными ствольными «очками» шомполки псаломщика наблюдал и, когда на грудной клетке врача остановились «очки», ухнул доктор с головой в плес болотный.

Было потоплено в плесе золотое пенсне, подмокли патроны, и сам доктор, опутанный тинной, напоминал дикого человека.

— Ну, Федот, отставай от нас,—сказал Ипат грозно,—потому, если теперь не отстанешь, будет тебе конец. Втроем мы тебя тут же расстрелим!

Исполнись:—дружный коллектив—сам по себе, а чумовой охотник—сам по себе.

Солнце выбралось из пены облаков, выезжало на середину неба.

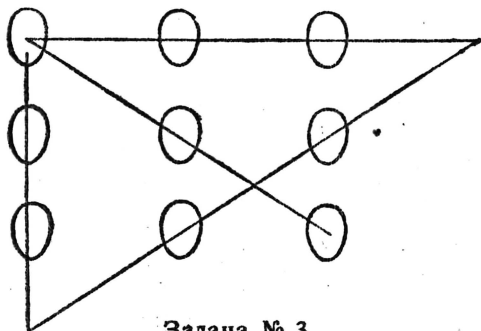
— Отчего это я такой?..—спрашивал своего ублюдка псаломщик,—отчего я теряю с поля зрения людей, когда свистит крылами дичина?

Ублюдок вертел хвостом, но ничего не мог ответить.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

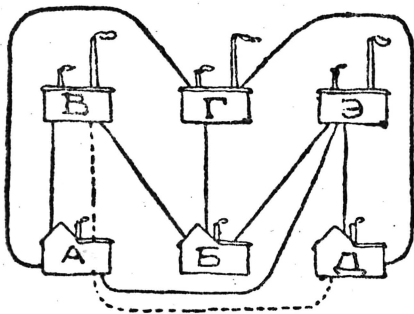
Задача № 2.

Девять яиц соединяются четырьмя прямыми линиями следующим образом:

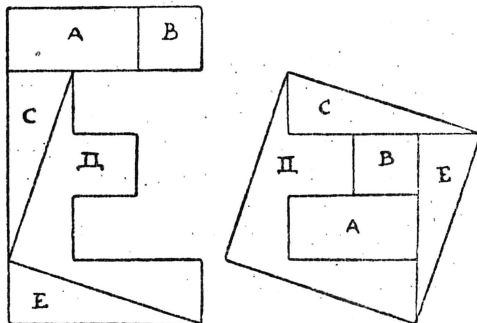
Задача № 3.

Решение этой задачи только возможно, если хозяин дома А позволит провести воду в дом Д по своей территории.

Задача № 4.

На рисунке показано, как рассеять букву Е на пять частей так, чтобы из этих частей составился правильный четырехугольник.

Задача № 5.

Чтобы уравнять вес обеих групп, стоит только заменить одного котенка кошкой на нижнем рисунке. Эта замена выразится увеличением веса гири на 4 фунта. Таким образом мы узнаем, что вес кошки превышает вес котенка на 4 фунта. Заменяв трех кошек тремя котятми на верхних весах и добавив 12 фун. гири, чтобы не нарушить равновесия, мы узнаем, что семь кошек весят 49 фун. Другими словами получаем вес кошки равным 7 ф., а вес котенка 3 фун.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

ОТКРОВЕНИЯ НАУКИ И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОДВОДНОГО ДОМИКА

Одна из морских тайн

Домик «вырос» в одну ночь, без плотных стуков и помехи уличному движению. Он был рассчитан на одного жильца и имел поэтому в длину меньше сотой части дюйма. Со временем он должен был вырасти до размеров человеческого кулака и дать кров множеству существ, временных жильцов, случайных квартирантов.

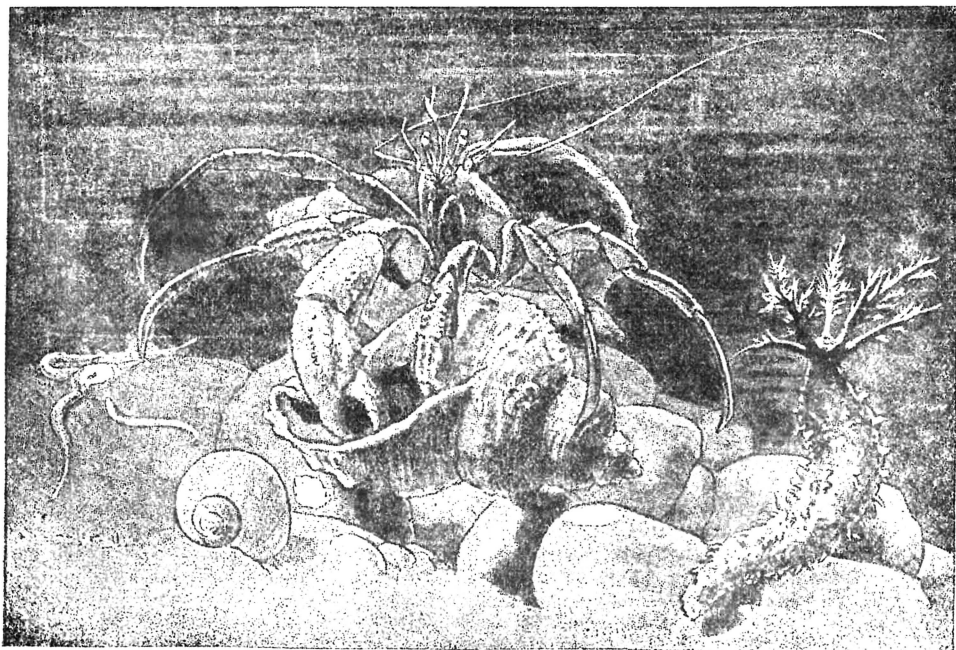
Но в тихую зимнюю ночь, когда домик впервые увидел свет, его единственным обитателем был его строитель—крошечный моллюск. Раковина, прозрачная, как мыльный пузырь, и почти такая же хрупкая, была одной из шести сот таких же точно домиков, соединенных под твердой, похожей на горошину, оболочкой.

Тысяча таких горошин, соединенных вместе, как виноградная гроздь, были прикре-

плены к большому камню, крепко вклинившемуся в морское дно в пяти милях от берега.

Обитатель домика был по своим вкусам настоящим тигром. Слепой раб законов природы, он напал на своих ближайших соседей и съел их вместе с их легковесными домиками. К концу марта он был владельцем одного из шести оставшихся в целости домиков. Вместо целого городка осталась одна улочка. Его домик вырос вместе с ним. Он накладывал ряд за рядом цемент вокруг входа в дом, так что он разрастался вперед и в ширину, как труба громкоговорителя. Тело моллюска стало принимать кольчатую форму и он по такому же извилистому плану стал расширять и свой домик.

Дни шли, и настало время моллюску встретиться лицом к лицу с внешним ми-

Рак-отшельник забирается в чужой домик.

ром. Скоро ему придется столкнуться с могучими и страшными врагами. Его хрустальный домик, покрывавшийся все новыми и новыми слоями цемента, скоро потерял свою прозрачность и стал плотным. Будучи существом гибким, обитатель домика, которому постоянно грозила опасность, мог теперь спастись в своей самодельной крепости.

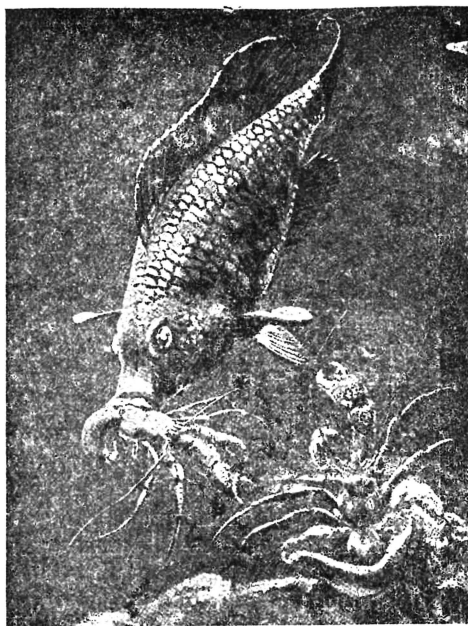
В тот день, когда капсуль, в котором все еще жило шесть очень подвижных молодых моллюсков, готов был раскрыться, в него ворвалась парочка крошечных креветок. Они дрались не на жизнь, а на смерть, пока одна не убила другую. Оставшаяся в живых набросилась на одну из раковин, запустила в нее клешню, задушила обитателя домика, тут же пообедала им, а сама задом наперед залезла в его раковину. Таково было первое знакомство нашего моллюска с тем, кто со временем должен был стать обитателем его домика.

Но время это еще не настало. Моллюск выплыл в открытое море, достаточно вооруженный, чтобы бороться. Его глаза, похожие на бусенки, плохо служили ему. Чтобы помочь им, он носил на голове пару рожек, которыми он ощущивал окружающую местность. Над спиной его развевалась длинная трубка, по которой морская вода вливалась в его ненасытную утробу. По этой утробе моллюска можно было бы сравнить с титром и с гнией вместе. Червяк на крючке, гнилая рыба, тухлое мясо, выброшенное за борт проходящим кораблем—все попадало под его язык, похожий на терку и заменявший ему челюсть и клешни. Раки, растерзанные и брошенные осьминогом, как слишком жесткие для пищи, легко уничтожались полчищем мелких зубов, усеивавших язык моллюска.

Когда падали было мало, моллюск не брезгал и свежим мясом. Он усаживался на раковину своего же брата моллюска и языком буравил слой за слоем, пока не попадал во внутренность раковины. Не беда, если зубы при этом ломались. На смену им вырастали новые зубы-терки. Язык моллюска—неразрушимое оружие. Оно губит не мало морских существ за десятилетнюю жизнь моллюска.

Моллюск стал так жиреть, что как-то раз привлек взоры большой рыбы. Рыба, не теряя времени, напала на домик моллюска и проглотила его вместе с хозяином. Моллюска рыба преблагополучно переварила, но раковина оставалась несокрушимой. Ее переварить рыба не могла, и она была извержена, потеряв только бархатистый налет. Домик был пустой и «сдавался в наем».

Он опустился в расщелину скалы и сразу же на него устремились миллионы жадных глаз. Вода кишит живыми существами, невидимыми для человеческого глаза. Целыми сотнями эти морские животные, находившиеся в первой стадии своего развития, мягко, точно снежинки, опускались на пустую раковину и, осев на ней, начинали расти и развиваться.

Рыба-губань перегрызла разбойника пополам.

Раковина понемногу стала менять окраску и цвет. На выпуклостях ее появились зеленые, красные, розовые и золотые налеты. Ленты тончайших подводных растений волнообразно поднимались вверх с ее выпуклой поверхности. Но раковина не только была вся покрыта живыми существами, они облепили ее и внутри. Не тут пришел рак-отшельник.

Он полз по камням, покачиваясь, как пьяный. Его огромные клешни и четыре паучообразные ноги с трудом передвигали тело с тяжелым грузом на спине. Как и большинство его родственников раков-отшельников, он должен был создавать для своей незащищенной задней части искусственный покров. Ломаная раковина, которую он тащил на себе, была вся дырявая и являлась очень сомнительным панцирем. Кроме того, он уже вырос из нее, и она его стесняла. Скоро настанет и неприятное для него время, когда он будет линять. Тут уж ему и не удержать свою старую раковину. Необходимо было возможно скорее найти новую.

Он набросился на опустевший домик, схватил его клешнями и стал нащупывать его внутренность. Он нюхал его, взвешивал, щупал и, наконец, нашел удовлетворительным. Он опустил раковину на камень и мена была совершенна во мгновение ока. Рак-отшельник должен с расчетом обнажить свое беззащитное тело. Иначе его ждет немедленная гибель от окружающих его врагов.

Но не успел отшельник проползти и шести шагов с своим новым убежищем, как его задел другой рак-отшельник, чуть-чуть побольше его размерами. У обидчика рако-

вина была похуже, и он вытянул вперед клешни и засверкал глазами, похожими на крошечные изумруды. Отшельник спрятался в свой домик, который перекатился на спину, кверху отверстием. Огромная правая клешня отшельника закупорила отверстие. Двадцать минут отшельник сидел, притаившись, а враг рыскал вокруг его убежища. Но спустя двадцать минут, отшельник осторожно выглянул, и в это мгновение враг накинудся на него и извлек из раковины.

Желанная раковина была теперь в его власти... почти.

Из-за ближайшей скалы блеснуло тело какого-то существа, схватившего разбойника и с ужасным треском перегрызшего его пополам. Такие зубы только у рыбы-губани.

Рыба подобрала обе половинки рака, набила себе рот и решила, что со вторым раком ей не стоит возиться. Бедняга отшельник, потерявший ногу и клешню, пополз в раковину. Он спрятался в нее как раз в ту минуту, как вернулась рыба-губань.

Жизнь отшельника потекла обычным порядком. Он полз по скалам и падал в расщелины, защищаясь от врагов, но всегда нес на спине раковину. Домик постепенно стал покрываться цветными животными, существами, похожими на анемоны, которые закрывались и раскрывались и выплывали во все стороны извивающиеся щупальды. Сверкающий цветник этих актиний, покрывавший раковину, сулит смерть или по крайней мере страдания рыбе, пожелавшей бы проглотить раковину. Иногда голодная рыба хватывала раковину, но тотчас же выбрасывала ее вон изо рта.

Но не каждый домохозяин может иметь на крыше сад, который играл бы роль сторожевой собаки. Другие раки были менее счастливы. Наш отшельник проходил мимо многих раковин, в которых за год менялось до пятидесяти жильцов. Домик же нашего отшельника стал вскоре окончательно недоступным. Две актинии, два розовых живых бутона, появились весной у входа в его раковину. Они росли с каждым днем и скоро закрыли своим телом три четверти домика.

Отшельнику тяжело было носить их на себе, но они были его спасением. Надо сказать правду, что они ему служили не бескорыстно. Когда обедал отшельник, актинии склонялись над ним и розовые и сиреневые щупальды градиозно хватали крохи, падавшие с его стола. Таким образом, сожители процветали, поддерживая друг друга.

Теперь никто не сказал бы, что раковина — жилище отшельника. Это был букет прекраснейших цветов, букет с странными движениями, похожими на толчки, скитав-

шийся в морских глубинах. Говорят, что отшельник, меняя свое убежище, переносит полезных ему актиний на новую раковину. Но тут отшельнику не пришлось к этому прибегать. Домик тихо, и не производя паники среди обитателей, стал медленно разрушаться. Актинии с помощью наросших губок понемногу поедали раковину. А отшельник рос и ему пора было менять оболочку. Он сбросил ее, наконец, и, как часто бывает у раков, умер от сильного напря-

Два розовых цветка закрыли своим телом три четверти домика.

жения. Морские обитатели быстро растащили его останки, а роскошный букет, сопровождавший его в его странствованиях, опустился на то место, где было когда-то тело рака. Из-под одной актинии выкатился крошечный остаток раковины. Маленький рак-отшельник выполз из-под труп морского ежа и подхватил обломок старого домика. Этой старой рухляди хватало прикрыться до поры до времени. А там можно будет найти лучшее убежище.

Крошечный остаток домика и его новый владелец медленно исчезли в зеленоватосиних подводных сумерках.

А. Петренко.

===== Передача изображений и видение на расстоянии =====

Стремление увеличить наши восприятия, расширив способность наблюдать и познавать вещи, недоступные нашим обыкновенным чувствам, свойственно человеческому уму с самого отдаленного прошлого. Силу голоса увеличивали, пользуясь рупорами из рога и металла; так, в войске Александра Македонского, как говорят, были особые рупоры для сигналов, которые были слышимы на расстоянии в несколько километров. Более, чем на 10 километров, передавались зрительные сигналы посредством флажков, дыма и огней. Эти примитивные способы «передачи мысли», сохранившиеся кое-где и по настоящее время (главным образом в морском и военном деле), могут считаться провозвестниками современных способов связи, достигших блестящего расцвета в наших телеграфе, телефоне и радио.

Хуже всего пока обстоит дело с увеличением зрительной способности человека. Здесь фантазия далеко опередила действительность. Легенды и сказки различных народов повествуют о волшебных зеркалах, кристаллах и трубках, в которые можно было видеть все, происходящее за тысячу верст. Увидев, рыцари спешили на помощь гибнущим товарищам, королевичи спасали возлюбленных. В действительности мы беспомощны, если хотим увидеть происходящее в двух шагах от нас, когда перед нашими глазами находится непрозрачная стенка... В области дальновидения мы еще остаемся в периоде мечтаний и первых робких шагов. Шаги эти однако настолько интересны и носят такой обнадеживающий характер, что о них стоит подробнее сказать несколько слов.

Природа дает нам лишь один пример передачи изображений на расстоянии—это т. наз.—фата-моргана или мираж, наблюдаемый при особом состоянии атмосферы. Не здесь, во всяком случае, должен был искать изобретатель решения заманчивой задачи дальновидения. Только со времени изобретения электрического телеграфа начинаются серьезные попытки в этом направлении.

Успехи радиотехники не замедлили отразиться и в этой области. Отдельные «толчки» электрического тока, передаваемые радиоволнами, воспринимаются специальными аппаратами, которые превращают их в ряд световых или электрических линий, дающих отпечаток на листе бумаги.

Таких аппаратов имеется сейчас несколько. В приборе германского электротехника Дикмана—передача рисунков и фотографий в общем своем виде напоминает аппарат Корна. Этим аппаратом можно передавать штриховые несложные рисунки, печатный текст, синоптические карты погоды и пр. Последние могут быть особенно полезны для судов, находящихся в плавании, которые по этим картам, где нанесены одинаковые линии давления (изобары), могут заранее знать о надвигающейся буре и принять необходимые меры. Эти аппараты для передачи изображений постепенно входят

в употребление у крупных телеграфных агентств и газетных компаний, передающих по радио и по телеграфу злободневные рисунки и фотографии. Совсем недавно по радио были переданы в Нью-Йорк фотографии маневров американского флота у Сандвичевых островов. Маневры происходили днем, и через несколько часов снимки с них (скажем по правде: далеко еще не идеальные) были уже напечатаны

Рис. 1. Снимок скачек, переданный по радио-телеграфу через океан из Англии в Америку.

в вечерних американских газетах. Рис. 1 дает представление о характере получаемых изображений, состоящих из ряда точек и параллельных штрихов. Фотография эта была передана радио-телеграфом через океан и попала в американские газеты всего через 5 часов после изображаемого ею события (конские скачки в Англии). Радио-фотографии, повидимому, привьются и в деловых отношениях. На рис. 2 мы видим фотографию чека, переданного по радио из Лондона в Нью-Йорк. Чернила еще не успели засохнуть на оригинале, как за 5.000 километров кассир мог прочесть знакомую ему подпись на копии чека и выдать по нему деньги.

Прекрасные результаты дал аппарат Каролуса, изображенный на рис. 3 (наверху аппарат отправления, внизу—аппарат получения). Каролус использовал принцип одновременно вращающихся цилиндров Корна,

Рис. 2. Чек, переданный по радио-телеграфу за 5,000 километров.

но сделал при этом несколько весьма существенных нововведений. Прежде всего он использовал в качестве светочувствительного элемента своего рода «электрический глаз», через который может проходить ток, когда на него падает луч света. Устройство такого «глаза» изображено на рис. 4. Это небольшая стеклянная ампула с выкачанным воздухом, внутренность которой покрыта особым светочувствительным составом. В середине помещено металлическое кольцо, соединенное с положительным полюсом батареи, тогда как светочувствительный слой соединен с отрицательным. Когда луч света падает на этот слой, от него вылетает поток электронов и создает как бы мостик между ним и центральным кольцом, отчего через них начинает протекать электрический ток. Рядом изображен разрез нашего глаза — аналогия полная: — то же окошечко (зрачок), — светочувствительная оболочка — ретина, — пучок зрительных нервов — провод... Уступая живому глазу в сложности, «электро-глаз» превосходит его в чувствительности, будучи способным реагировать и разделять вспышки света длительностью в $1/10.000$ секунды, тогда как в нашем глазу впечатления, разделенные между собой промежутком меньшим $1/10$ секунды, уже сливаются в одно сплошное изображение. Еще остроумнее устроен на станции получения механизм для превращения меняющегося тока в световые колебания.

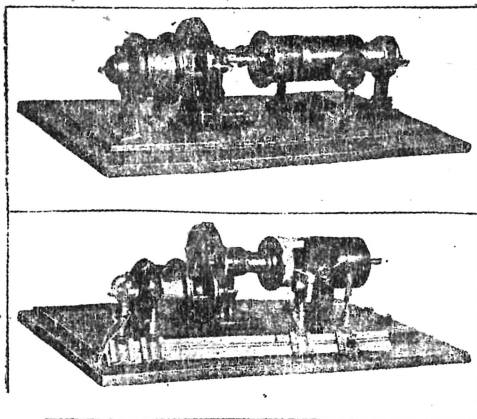

Рис. 3. Аппарат Каролуса.

Электрический ток, прошедший обычный путь через антенну, детектор и усилитель, при помощи конденсатора, влияет на тонкий пучок света, отклоняя (поляризуя) его в той или в иной степени, отчего на светочувствительной пленке вращающегося барабана отпечатываются неодинаковые по силе световые линии, дающие в целом передаваемое изображение. Для точной передачи рисунка или текста с поверхностью 10×10 сантиметров надо лишь около 5 минут. На такой поверхности умещается не менее 250 слов и, таким образом, способ Каролуса открывает новые возможности в области обычного телеграфирования. При этом, заметим здесь, этот способ делает нас менее зависимыми от неизбежных

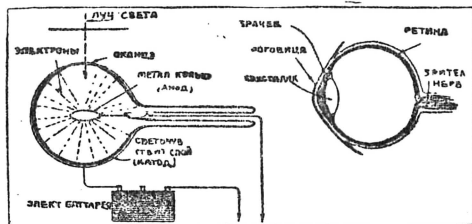

Рис. 4. «Электрический глаз».

искажений текста, происходящих благодаря влиянию атмосферного электричества. Влияние это скажется лишь в виде некоторой незначительной распыленности букв, тогда как искажение сигналов Морзе ведет за собою необходимое повторение иногда всего текста телеграммы. По рис. 5, представляющему собою фотографию графа Арко, известного германского электротехника, переданную способом Каролуса из Вены в Берлин, можно судить о том, насколько усовершенствована в настоящее время техника радио-передачи изображений.

Можно ли видеть картину на расстоянии так, как мы ее видим простым глазом? — спросит читатель.

Этот же вопрос с давнего времени задает себе множество изобретателей. В самом деле, если медленную и постепенную передачу рисунков и фотографий по радио можно уподобить телеграмме (да так оно и есть на самом деле), то возможность сразу увидеть и охватить взглядом передаваемое изображение можно сравнить с передачей живой речи. К сожалению, на пути к решению этой заманчивой задачи стоит ряд чисто физиологических затруднений, кроющихся в нашем зрении.

Некоторые решения однако уже найдены и предложены рядом изобретателей в своих приборах (Свантоном, затем Грабовским, Поповым, Чернышевым и Розингом). Это пучок катодных лучей, мгновенно меняющих свое направление под влиянием изменения окружающего электрического поля. При этом, падая на различно освещенные участки изображения, этот пучок сам меняет количество уносимых им электронов, что позволяет достичь мгновенного изменения силы тока передаваемых сигнала.

лов, образующих данное изображение. Есть полная уверенность думать, что, идя этим путем, техника радио-передачи изображений скорее всего добьется серьезных успехов.

Первым этапом будет тогда передача изображений в период времени не больше

Рис. 5. Портрет г-р. Арко, переданный по способу Каролуса.

1/10 секунды; когда это удастся, мы получим возможность передавать по радио кинематографические фильмы, при демонстрации которых длительность одного изображения не должна быть больше этого времени. Опустеют кинематографы, так

как, присоединяя такой «телекиноаппарат» к своему радио, каждый будет иметь возможность любоваться кинолентой, показываемой где-то в Берлине или в Нью-Йорке и слушающую сопровождающую ее музыку. В американской печати уже проскальзывают известия, что некоторым (конечно американским!) изобретателям уже удалось решить эту задачу, но достоверность этих известий пока что весьма сомнительна.

Еще дальше от нас мечта действительно видеть на расстоянии происходящие в этот момент события. Когда будет успешно решена задача передачи неподвижных изображений и кинолент, в большей своей части будет разрешена и задача телевидения, т. е. не трудно будет световое изображение заставить действовать на передающий аппарат лишь в продолжение 1/10 секунды и затем передавать его, как бы имея дело с неподвижной картиной.

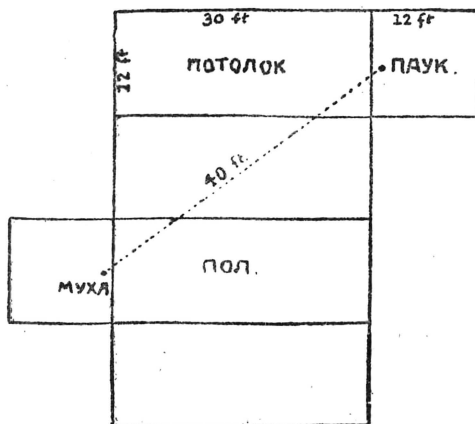
Успехи радиотехники последних лет заставляют надеяться, что и здесь победителем выйдет человеческая изобретательность. Какие огромные перспективы открываются тогда перед нами! Сидя в Москве, можно будет видеть события, происходящие в этот момент на другом краю света... Перед нашими очарованными глазами будут проходить картины отдаленнейших стран:— вот народная демонстрация в Пекине,— вот заседание парламента в Англии, рабочая конференция в Чикаго, аэропланые гонки в Мельбурне, охота на белых медведей в Гренландии... Электрический телескоп— курьезное дело—будет способен переносить нас даже в другое время—действительно, глядя в него в 12 часов ночи и соединившись с Сиднеем, мы увидим там яркий день и узнаем, что еще 4 часа дня, а вызвав Чикаго, убедимся, поглядев на его вокзальные часы, что уже около 8 часов утра... Электрический радио глаз, поднятый на самолете, позволит нам обозреть с высоты птичьего полета необъятные земные ландшафты, опущенный на дно океана—вскроет перед нами тайны морских глубин... Каждый может быть везде, все могут быть всюду... Не чудесно ли это?

Более того, когда-нибудь—и весьма возможно, что мы еще доживем до этого,—удастся передавать цветные изображения. Тогда в соединении со стереоскопической камерой мы будем видеть живое телесное изображение лиц и событий в их натуральных цветах... Мы получим возможность разговаривать и видеть близкого человека совсем так, как будто он сидит от нас в двух шагах—кажется, вот, стоит лишь протянуть руку, чтобы почувствовать его рукопожатие. Может быть, и это «радиорукопожатие», и «радиопоцелуй» (на эту тему в № 4 «Мира Приключений» за 1926 г. был напечатан остроумный юмористический рассказ О. Рунга) когда-нибудь осуществятся в действительности? Кто может сказать—нет, видя и чувствуя гигантский бег прогресса современной техники и науки?

Инж. В. НИКОЛЬСКИЙ.

Решение задачи № 1.

Вообразите себе, что комната представляет картонную коробку. Разрежьте коробку по разным направлениям и разложите ее на столе, как показано на нашем рисунке. Теперь вы увидите, что кратчайшее расстояние между пауком и мухой равняется сорока футам. Паук пройдет по пяти сторонам комнаты.

Редакция журнала «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

О Б Ъ Я В Л Я Е Т

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

НА ОРИГИНАЛЬНЫЕ РУССКИЕ РАССКАЗЫ,

с 10 премиями на 3.150 рублей.

Первая премия — 1.000 рублей.

Премии распределяются большинством голосов читателей, после избрания 10 лучших беллетристических произведений Литературно - Научным Жюри Конкурса.

Литературно Научное Жюри составляют: Председатель—Академик, профессор, Директор Пушкинского Дома Академии Наук СССР, С. Ф. ПЛАТОНОВ, и члены (по алфавиту): А. Н. ГОРЛИН—Заведующий Отделом Иностранной Литературы Ленинградского Отдела Государственного Издательства; Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК—литературный критик; Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ—Член-Корреспондент Академии Наук, Старший Ученый Хранитель Пушкинского Дома; Ф. К. СОЛОГУБ—Председатель Союза Писателей в Ленинграде; Н. А. ЭНГЕЛЬ—литератор, Ответственный Секретарь Секции Печати Ленинградского Отдела Союза Просвещения, и от Редакции «Мира Приключений»: П. П. СОЙКИН и В. А. БОНДИ (член-секретарь Жюри).

В зависимости от темы и содержания присланных на конкурс рассказов, в случае надобности, состав Жюри будет увеличен выдающимися учеными-специалистами СССР. Фамилии их будут опубликованы дополнительно.

Условия конкурса.

1. Издательство «П. П. Сойкин» ассигновало на премии 3.150 рублей, распределяемых в таком порядке: 1-я премия—1.000 руб.; 2-я премия—500 руб.; 3-я премия—300 руб.; 4-я премия—300 руб.; 5-я премия—200 руб.; 6-я премия—200 руб.; 7-я премия—200 руб.; 8-я премия—150 руб.; 9-я премия—150 руб. и 10-я премия—150 руб. Итого 3.150 рублей.

2. В конкурсе могут участвовать все граждане СССР.

3. На конкурс принимаются не бывшие в печати оригинальные русские рассказы размером от $\frac{3}{4}$ до 1 печатного листа (приблизительно 40.000 букв). Рассказы должны представлять собою законченное художественное целое, иметь интересную и незаимствованную фабулу—бытовую, или историческую, или научно обоснованную фантастическую. В последнем случае темой, например, могут служить успехи радио, дальновидения, электричества, химии, бактериологии, воздухоплавания и т. д. Рекомен-

дуется обратить внимание на динамичность повествования, т. е. на силу и энергию в развитии действия рассказа.

4. Рассказ должен быть написан (лучше — напечатан на машинке) четко и подписан девизом. К рукописи прилагается отдельный запечатанный конверт, на лицевой стороне которого пишется название рассказа и девиз, а внутри — повторяется девиз и точно указывается имя, отчество, фамилия, псевдоним, — если он есть, — и полный адрес автора.

5. Последний срок представления рассказов на конкурс — 1-е Марта 1927 г. Авторы из дальних местностей должны сдать на почту свои произведения во всяком случае не позднее этого числа. Почтовый штемпель будет служить доказательством времени отправки.

6. В Марте месяце Литературно-Научное Жюри Конкурса изберет десять достойнейших премирования рассказов и опубликует свое решение. Иллюстрированные лучшими художниками, эти произведения будут последовательно напечатаны в «Мире Приключений» под девизами авторов.

Примечание. Не удостоенные премии рассказы, по соглашению авторов с Редакцией, могут быть приобретены для помещения в «Мире Приключений».

7. Все постоянные читатели «Мира Приключений» получают при журнале особую карточку с 10 графами, в которых, по своему выбору, в нисходящем порядке граф, напишут названия 10 отобранных Жюри рассказов. Таким образом, помещение рассказа в 1-й графе обозначит присуждение ему читателем 1-й премии, в 5-й графе — пятой и т. д. На особо обозначенном месте карточки должен быть наклеен печатный адрес с почтовой бандероли, как доказательство, что распределение премий исходит от постоянного читателя «Мира Приключений». Эти анкетные карточки могут быть возвращены, как открытые письма.

8. Анкетные карточки будут подсчитаны Комиссией с участием членов Жюри и особо приглашенных представителей литературно-профессиональных организаций. Большинство голосов читателей, следовательно, распределит премии между авторами.

9. По окончании подсчета, в публичном, для всех доступном заседании, будут вскрыты 10 конвертов с девизами и оглашены имена авторов, удостоенных премий. Остальные конверты с девизами будут сожжены в интересах сохранения тайны авторов.

10. Премии уплачиваются вслед за опубликованием имен получивших их.

Примечание. Так как премии распределяются между произведениями, а не между авторами, имена которых до вскрытия конвертов остаются неизвестными ни Жюри, ни читателям, то не исключен случай, что одно лицо получит и две премии.

11. Рукописи, предназначенные на Конкурс, должны быть направляемы заказным порядком в Ленинград, Стремянная, 8, Редакция «Мира Приключений», с надписью: на Конкурс. Личные объяснения по делам Конкурса даются в Редакции каждый понедельник, кроме праздников, от 4 до 6 час. дня.